

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

13 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 13 (616) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Вангари Маатаи* (1940–2011), кенийский эколог, активистка природоохранного движения.

Вангари Маатаи родилась в Ньери (Кения) и получила международную известность в ходе кампаний против «антилесных инициатив» правительства Кении в 1980–1990-х годах. Основанное ею движение «Зеленый пояс» сегодня действует на всем Черном континенте, что заметно преобразило его облик. Участвуют в этом движении беднейшие женщины страны, все эти годы организующие общественные лесопосадки. Для Кении важно каждое дерево, причем не только для сохранения экосистемы и рек, но и для обеспечения дровами, поскольку почти 90 % сельского населения используют их для приготовления пищи. Участники движения организуют питомники для выращивания саженцев, которые потом бесплатно раздают всем желающим.

Благодаря деятельности Вангари Маатаи удалось приостановить превращение африканских лесов в пустыню. За 25 лет члены этого общественного движения посадили около 30 миллионов деревьев, пытаясь противостоять вырубкам лесов, которые приобрели в Африке массовый характер и часто сопровождаются трагическими переменами в привычном укладе жизни местного населения, вызванными, в частности, наступлением пустынь из-за уничтожения лесов. Движение Вангари Маатаи изменило экологическую политику на целом континенте. Так, в 1989 году оно вынудило власти Кении отказаться от планов сооружения небоскребов в Ухуру — центральном парке Найроби.

За годы яростной борьбы с губителями родной природы Вангари многократно угрожали смертью, ей довелось побывать в тюрьме, она трижды подвергалась нападениям. Последнее покушение на ее жизнь произошло в 1999 году, когда вместе с соратниками она сажала деревья на территории, вырубленной под застройку. Впрочем, недоброжелателей у нее все-таки было меньше, чем сторонников. Ее организацию знают на всех континентах и активно поддерживают частные фонды из Соединенных Штатов, правительства Австралии и Нидерландов.

Вангари Маатаи получила образование в США и стала первой женщиной в Центральной и Восточной Африке, получившей ученую степень (доктор наук в области ветеринарии), а также первой женщиной, возглавившей факультет университета. Маатаи — первая в истории африканка, удостоенная Нобелевской премии. Впервые на столь же высоком уровне получило признание и само «зеленое движение», уже давно ставшее весьма влиятельной силой в современном мире.

Вангари Маатаи одна вырастила пятерых детей и при этом активно участвовала в политической жизни страны. Еще в 1964 году, основав Национальный совет женщин Кении, активистка долгое время возглавляла его, выступала против прежнего реакционного режима в Кении, привлекая внимание к ситуации в стране на международном уровне. Она активно боролась за установление демократии в своей стране, совмещая работу в области экологии с политикой.

В 2002 году Вангари с подавляющим преимуществом победила на выборах в парламент Кении. На проходивших затем президентских выборах она заявила, что кандидат от оппозиционной партии поддерживает природоохранное движение, чем резко подняла его рейтинг, и заставила президента предпринять конкретные шаги по улучшению экологической обстановки, чтобы не разочаровать выбравшее его население. А в следующем году назначенный президентом Кибакви министр окружающей среды Ньютон Кулунду сделал Вангари Маатаи своим заместителем.

Как отметил Нобелевский комитет, «профессор Маатаи объединила научную работу, социальную борьбу и активную политику в единое целое. Она пример и источник жизненной силы для каждого в Африке, кто борется за устойчивое развитие, демократию и мир». Ее работа — больше чем защита окружающей среды. Такая стратегия должна укрепить само основание экологической политики страны. Методы Маатаи приняты на вооружение рядом стран африканского континента. Фактически она была духовным лидером борьбы за экологические и социальные права людей, живущих между Египтом и ЮАР. В 2004 году Маатаи была удостоена престижной международной экологической премии «за многолетнюю бесстрашную борьбу в защиту окружающей среды, за права человека и социальную справедливость, человеческое достоинство и демократию».

Маатаи была автором нескольких книг и внесла значительный вклад в размышления об экологии, развитии и гендере в соотношении с африканскими культурами и религиями.

В знак признания большого вклада Вангари Маатаи, в 2009 году генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назначил ее посланником мира по вопросам окружающей среды и изменения климата. Эту работу она выполняла эффективно и с энтузиазмом до своей смерти 25 сентября 2011 года.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Асланов С. В. Виды конкурентоспособности в современном профессиональном футболе	63
Боянова А. Д. Проблема безработицы в городе Якутске: современное состояние и пути решения.....	66
Гиенко М. А. Философские основы науки о бухгалтерском учете и экономическом анализе	69
Ищенко Н. Е. Анализ развития и проблем финансирования железнодорожного транспорта в пригородном сообщении на примере Центрального транспортного узла	71
Косынкина Е. Д. Совершенствование механизмов контроля в сфере государственных закупок (на примере общеобразовательной школы)	75
Кулькова Д. А. Зарубежный опыт реализации программ реновации и возможности его адаптации в российских условиях.....	78
Кулькова Д. А. Анализ применения программ реновации для улучшения использования территорий на примере Москвы	82
Мацкевич Я. Г. Особенности подбора персонала в транспортно-экспедиторских компаниях	86
Сасык А. В., Богданова А. А. Факторы повышения эффективности финансовых потоков в малом бизнесе	88
Сергеева Н. С. Совершенствование экономического механизма деятельности учреждений дополнительного образования на примере ГАУ ДО РС(Я) ЦОиОД «Сосновый бор»	90
Спасов А. В. Сравнительный анализ организационной структуры девелоперских компаний в мире	91

Тохтобин А. А. Институциональные механизмы преодоления бюрократизации в системе муниципального управления	95
Урсова А. М. Компетенция Международного валютного фонда в сфере налогообложения	97
Чадаева С. Д. Интеграция федеральных воспитательных инициатив на муниципальном уровне: дисфункции контроля и проблема избыточной отчетности (на материалах г. Москвы).....	99

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Варламова А. А. Интеграция O2O-маркетинга и социальной коммерции в цифровых экосистемах: опыт Шанхая и перспективы для России	102
---	-----

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Андрианова С. С. Модернизация законодательства о торговле в новых экономических условиях (актуальные вопросы)	105
Аникина Д. С. Сущность и значение гражданского иска в уголовном процессе.....	107
Анисимова А. М. К вопросу о некоторых проблемах правового регулирования деятельности следователя по собиранию доказательств	110
Ахмедов М. М. Смарт-контракты в России и за рубежом: правовое регулирование, проблемы и перспективы развития.....	112
Бадаква Е. В. Ответственность за налоговые правонарушения: теоретико-правовая характеристика и практика применения	116
Базанова Н. Н. Особенности договора поставки для государственных или муниципальных нужд ...	120

Бескурников С. В.

Правовой режим коммерческой тайны как основа информационной безопасности компании 122

Богатова А. В., Маркелов И. Л.

Антимонопольный комплаенс в России: от правовой трансплантации к национальной модели превенции 124

Будаев А. Б.

Следователь как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения: полномочия, гарантии и контроль в фокусе практики 2021–2026 гг. 127

Будылкина С. С.

Ограничение оборота огнестрельного оружия как мера профилактики массовых убийств в учебных заведениях 133

Будылкина С. С.

Криминологические детерминанты совершения массовых убийств в учебных заведениях (скулшутинг) 134

Быков А. Г.

Социальная справедливость равноправия родителей в воспитании ребенка 136

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Виды конкурентоспособности в современном профессиональном футболе

Асланов Сергей Викторович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует конкурентоспособность в современном профессиональном футболе.

Ключевые слова: конкурентоспособность, ресурсы, финансы, футбольный клуб, коммерция

Понятие конкурентоспособности занимает центральное место в современной экономической науке и практике управления. Но до сих пор не существует единого подхода к его трактовке, что обусловлено многоаспектностью самого явления и разнообразием объектов, чья способность к соперничеству подвергается анализу. Применительно к сфере спортивного предпринимательства проблема усложняется еще больше, поскольку здесь переплетаются коммерческие интересы, спортивные достижения и социальные функции организаций.

Виды конкурентоспособности

Выделяют три вида конкурентоспособности, которые в уже известных командах развиваются параллельно, поскольку когда клуб выходит на мировой рынок и начинает участвовать в различных турнирах, он автоматически становится известнее: финансовая, спортивная и коммерческая.

Финансовая конкурентоспособность — самая важная, ее структура (рис. 1) позволяет футбольному клубу эффективно управлять своими ресурсами, достигать финансовой устойчивости и поддерживать высокий уровень спортивных результатов. Все компоненты системы взаимосвязаны и влияют на общую финансовую эффективность деятельности клуба.

На рис. 1 представлена структура финансовой конкурентоспособности футбольного клуба, где корневая ветвь разделяется на три основные составляющие: источники доходов, структуру расходов и систему управления. Каждая ветвь содержит конкретные элементы, которые являются частью единой финансовой системы клуба. Такая структура наглядно демонстрирует взаимосвязь между генерацией доходов, их распределением и управлением финансовыми потоками. Источники доходов футбольного клуба представляют собой комплексную

систему финансовых ресурсов, включающую четыре основных направления:

- коммерческие права и медиа (телевизионные трансляции, права на прямые трансляции в интернете, реклама на стадионе и форме команды, права на использование бренда клуба);

- мерчандайзинг и лицензирование (продажа футбольной формы и атрибутики, лицензионные соглашения с производителями спортивного оборудования, сувениры и коллекционные предметы, цифровой мерчандайзинг);

- стадион и инфраструктуру (продажа сезонных абонементов, предоставление стадиона в аренду для концертов и других мероприятий, VIP-зоны и бизнес-ложи, туристические экскурсии по стадиону);

- спонсорство и партнерства (главные спонсоры команды, региональные партнеры, технические спонсоры и партнерства с технологическими компаниями), которые взаимосвязаны между собой и образуют единую систему получения доходов, позволяющую клубу генерировать стабильный поток финансовых ресурсов для обеспечения своей деятельности.

В некоторых клубных структурах в структуру доходов могут входить и трансферы.

Структура расходов футбольного клуба включает также четыре основных направления:

- трансферные операции (приобретение новых игроков, комиссионные агентам, бонусы при трансферах, амортизация трансферных расходов);

- зарплаты и премии (базовые оклады игроков, премиальные за результаты, бонусы за индивидуальные достижения, компенсационные выплаты);

- инфраструктуру и содержание (техническое обслуживание стадиона, содержание тренировочных баз, медицинское обслуживание, административные расходы);

- развитие академии (тренерский штаб, система скаутинга, инфраструктура академии, развитие молодежных команд).

Рис. 1. Структура финансовой конкурентоспособности

Все эти направления образуют единую систему распределения финансовых ресурсов, обеспечивающую текущую деятельность и долгосрочное развитие клуба.

Система управления футбольным клубом включает следующие ключевые направления:

- финансовый контроль (мониторинг доходов и расходов, аудит финансовых операций, управление рисками, отчетность и анализ);
- бюджетирование (стратегическое и оперативное планирование, корректировка бюджета, контроль исполнения);
- инвестиционную политику (инвестиции в инфраструктуру, персонал, технологии, академию);
- риск-менеджмент (оценка финансовых рисков, страхование активов, диверсификация доходов, защита от валютных рисков).

Все эти направления взаимосвязаны и образуют единую систему управления финансовыми ресурсами клуба.

Спортивная конкурентоспособность футбольного клуба представляет собой способность команды достигать высоких результатов в соревнованиях за счет эффективного взаимодействия всех компонентов спортивной системы, включая состав игроков, уровень тренерского штаба, работу скаутской службы, развитие молодежной академии, качество тренировочного процесса и медицинского обеспечения, а также способность адаптироваться к различным тактическим схемам и условиям проведения матчей. На рис. 2 можно увидеть, за счет чего футбольные клубы достигают высоких результатов.

Из рисунка видно, что каждый элемент очень важен для футбольного клуба, ведь если команда не будет показывать результата, будет страдать финансовая составляющая клуба. Многие крупные компании — инвесторы при сотрудничестве требуют не только узнаваемости, но и хорошего результата, поскольку их доходы напрямую зависят от посещаемости матчей, покупки товаров, охвата в социальных сетях, попадания на мировую арену, а также продвижения футболистов для дальнейшей продажи. Главным стимулом для футболистов является получение премиальных выплат и продвижение себя для улучшения условий контракта и получения новых. У тренерского штаба — похожая система, однако тренерам в какой-то степени сложнее, ведь они ответственны за результат. Правда, самореализация тренера не зависит от возраста, в отличие от футболистов.

Коммерческая конкурентоспособность футбольного клуба характеризуется способностью эффективно создавать различные источники дохода и управлять ими. Это и трансляционные права, и продажа атрибутики, и партнерские соглашения, и эксплуатацию стадиона, что обеспечивает финансовую стабильность и долгосрочное развитие организации. На рис. 3 представлена структура коммерческой конкурентоспособности футбольного клуба, включающая пять основных направлений, каждое из которых состоит из трех ключевых элементов. Такая структура наглядно демонстрирует, как различные коммерческие направления связаны между собой и образуют единую систему получения доходов. Все пред-

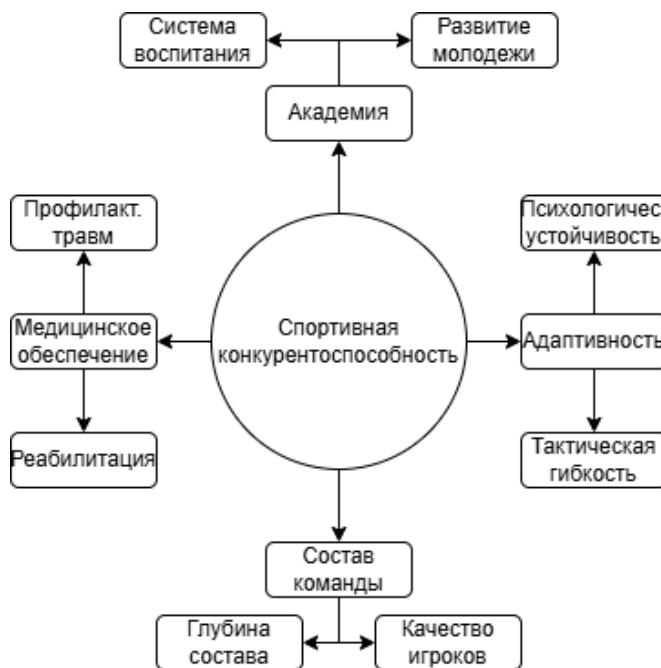

Рис. 2. Структура спортивной конкурентоспособности

ставленные компоненты дают клубу способность генерировать стабильный поток финансовых ресурсов. Каждый элемент системы вносит свой вклад в общую коммерческую конкурентоспособность команды, а их эффективное взаимодействие определяет итоговый финансовый результат.

Три вида конкурентоспособности футбольного клуба (спортивная, финансовая и коммерческая) образуют взаимосвязанную систему развития организации. Спор-

тивная конкурентоспособность обеспечивает успех на поле через эффективную работу с составом, тренерским штабом и академией. Финансовая конкурентоспособность позволяет генерировать ресурсы из различных источников доходов, а также эффективно управлять ими за счет контроля над расходами. Коммерческая конкурентоспособность представляет собой способность привлекать финансовые потоки и эффективно управлять ими через различные коммерческие каналы: права на трансляции,

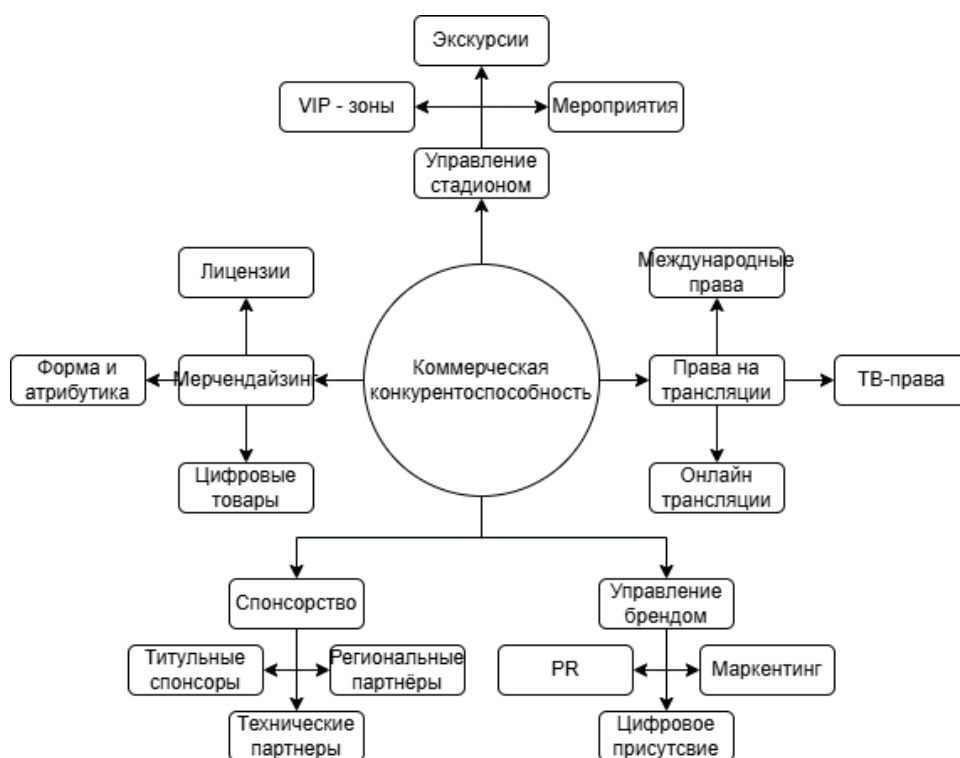

Рис. 3. Структура коммерческой конкурентоспособности

мерчандайзинг, спонсорство и управление стадионом. Успешный футбольный клуб не может опираться только

на одну из этих составляющих, так как они дополняют друг друга и развиваются параллельно.

Литература:

1. Какие методы используются для анализа эффективности футбольной команды? [Электронный ресурс] // Библиотека Нейро. — 2025. — URL: https://ya.ru/neurum/c/sport/q/kakie_metody_ispolzuyutsya_dlya_analiza_effektivnosti_905e06a4 (дата обращения: 25.03.2026).
2. Шавандина, О. А. Совершенствование оценки конкурентоспособности спортивного клуба / О. А. Шавандина, Е. Ю. Коваленко, Н. В. Тыдыкова [Электронный ресурс] // Экономика. Профессия. Бизнес. — 2022. — № 3. — URL: https://case.asu.ru/files/form_312-44500.pdf (дата обращения: 25.03.2026).
3. Андреева, К. А. Конкуренция в спортивных лигах: теоретические подходы [Электронный ресурс] / К. А. Андреева // Современная конкуренция. — 2016. — № 2 (56). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurenciya-v-sportivnyh-ligah-teoreticheskie-podhody> (дата обращения: 25.03.2026).
4. Агеева, Г. Ф. Оценка конкурентоспособности коммерческой физкультурно-спортивной организации и удовлетворенности клиентов предлагаемыми услугами / Г. Ф. Агеева, О. А. Данилова // Наука и спорт: современные тенденции. — 2022. — Т. 10, № 1. — С. 112–119.
5. Пантюк, Г. В. Ключевые факторы конкурентоспособности на примере ФК «Динамо Брест» / Г. В. Пантюк, И. М. Зборина [Электронный ресурс] // Банковская система: устойчивость и перспективы развития: Сборник научных статей тринадцатой международной научно-практической конференции по вопросам финансовой и банковской экономики, Пинск, 28 октября 2022 года / Редколлегия: В. И. Дунай [и др.]. Том Часть II. — Пинск : Полесский государственный университет, 2022. — С. 117–120. — URL: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/28180/1/Kliuchevye_faktory.pdf (дата обращения: 25.03.2026).
6. Третьякова, В. А. Методы оценки конкурентоспособности наукоемкого предприятия / В. А. Третьякова, О. В. Лебедева [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. — 2021. — № 2. — С. 72–77. — URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=42968> (дата обращения: 25.03.2026).
7. Пасечникова, О. В. Конкурентоспособность организации и методы ее оценки / О. В. Пасечникова, А. В. Малеева [Электронный ресурс] // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика». — 2007. — № 6. — URL: <https://masters.donntu.ru/2013/iem/kachurina/library/article5.htm> (дата обращения: 25.03.2026).

Проблема безработицы в городе Якутске: современное состояние и пути решения

Боянова Айыына Даниловна, студент магистратуры
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Безработица остаётся одной из ключевых социально-экономических проблем современной России, приобретая специфические черты в каждом регионе в зависимости от особенностей его экономического развития, географического положения и демографической структуры населения. Город Якутск как столица Республики Саха (Якутия) занимает особое место в системе расселения и хозяйствования региона, аккумулируя значительную часть трудовых ресурсов и выступая центром экономической активности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа ситуации на рынке труда Якутска в условиях структурных изменений экономики, реализации крупных инвестиционных проектов и трансформации системы профессионального образования. Цель настоящей работы — выявление основных характеристик и тенденций безработицы в городе Якутске, а также обоснование направлений повышения

эффективности политики занятости в региональном центре.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), в регионе ведётся систематический мониторинг показателей занятости и безработицы, включая численность рабочей силы, уровень участия в рабочей силе, численность занятых и безработных [1, с. 14]. Анализ динамики этих показателей позволяет оценить масштабы и характер безработицы в региональном центре. Как отмечается в исследовании А. Н. Больницкой, для Якутии характерны значительные колебания уровня безработицы, обусловленные как внешними экономическими факторами, так и внутренними особенностями рынка труда [2, с. 228]. Город Якутск, концентрируя основную часть населения республики, демонстрирует устойчиво более низкие показатели безработицы по сравнению с сельскими и северными районами, однако здесь сохра-

няются структурные диспропорции, требующие пристального внимания.

Важной особенностью рынка труда Якутска является высокая доля занятых в бюджетном секторе и сфере государственного управления, что характерно для столичных городов регионов с моноспециализированной экономикой. Вместе с тем, как показывают данные, в последние годы наблюдается тенденция к диверсификации занятости, развитию малого и среднего предпринимательства, сферы услуг.

Проблема безработицы в Якутске имеет выраженную структурную природу. С одной стороны, существует значительный дефицит квалифицированных кадров в ряде отраслей, с другой — сохраняется безработица среди отдельных категорий населения, особенно среди молодёжи и лиц с недостаточным уровнем профессиональной подготовки. По информации ИА SakhaNews, обеспечение предприятий Якутска квалифицированными рабочими кадрами остаётся одной из ключевых задач для развития строительства, промышленности и других отраслей экономики [3, с. 1]. Как отмечают эксперты, существующие механизмы подготовки кадров не полностью отвечают потребностям рынка труда. Среди основных проблем — недостаточное использование бюджетных средств для целевого обучения, слабая профориентационная работа среди школьников и отсутствие чётких программ трудоустройства выпускников [4, с. 2].

Особенно остро дефицит кадров ощущается в сферах жилищно-коммунального хозяйства, строительства и общественного питания. Начальник Управления образования Окружной администрации Якутска Мария Петрова подчёркивает необходимость активнее вовлекать молодёжь в рабочие профессии, создавать условия для их профессионального роста и закреплять кадры на предприятиях города [3, с. 1]. В то же время, по данным, представленным в работе Н. И. Влас, среди отраслей с наиболее высоким уровнем безработицы выделяются сельское хозяйство, строительство и сфера услуг [5, с. 3]. Эти отрасли являются наиболее уязвимыми к экономическим кризисам и другим неблагоприятным факторам. Кроме того, в них часто используются низкоквалифицированные рабочие, которые могут легко потерять работу при сокращении производства или закрытии предприятия [5, с. 4].

Причины безработицы в Якутске можно классифицировать на несколько групп. Макроэкономические факторы: экономические кризисы, санкционное давление, колебания цен на сырьевых рынках, влияющие на инвестиционную активность и финансовое состояние предприятий. Структурные факторы: несоответствие профессионально-квалификационной структуры выпускников образовательных учреждений потребностям рынка труда; дисбаланс между спросом на рабочие профессии и престижем высшего образования среди молодёжи. Географические и климатические факторы: удалённость региона от центра страны, суровые климатические условия, что снижает привлекательность региона для потенциальных

работников из других субъектов РФ и затрудняет миграционные процессы. Институциональные факторы: недостаточная гибкость системы профессионального образования, слабое развитие механизмов непрерывного образования и повышения квалификации. Как отмечает А. Н. Больницкая, для Якутии характерны высокие темпы сезонной безработицы, которые особенно выражены в северных районах, где традиционные виды деятельности зависят от сезонных изменений [2, с. 230]. Хотя для Якутска эта проблема менее остра, она также проявляется в сфере строительства, туризма и некоторых видах обслуживания.

В Республике Саха (Якутия) действует система мер по содействию занятости населения, реализуемая Государственным комитетом Республики Саха (Якутия) по занятости населения [6, с. 7]. Основные направления деятельности включают: организацию временных рабочих мест; профессиональное обучение и переобучение безработных граждан; содействие самозанятости и открытию собственного бизнеса; выплату пособий по безработице; информирование о положении на рынке труда. Согласно данным, опубликованным на портале малого и среднего предпринимательства РС(Я), в рамках государственной программы «Содействие занятости населения Республики Саха (Якутия)» на период 2023–2027 годов предусмотрено финансирование в объёме более 4,6 млрд рублей, из которых более 2,4 млрд рублей составляют средства федерального бюджета [6, с. 8]. Это свидетельствует о значительном внимании к проблемам занятости на региональном и федеральном уровнях.

Особого внимания заслуживают меры по стимулированию трудовой мобильности. Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 6 июня 2025 года № 244 утверждено Положение о стимулировании трудовой мобильности граждан, предусматривающее финансовую поддержку при переезде в другую местность для трудоустройства [7, с. 2]. Данная мера особенно актуальна для Якутска как центра притяжения трудовых ресурсов из других районов республики.

Для снижения уровня безработицы и повышения эффективности использования трудовых ресурсов в Якутске представляется необходимым реализовать комплекс мер по следующим направлениям. Развитие системы профессиональной ориентации и целевой подготовки кадров. Как отмечается в материалах мозгового штурма «Кадры для города: Моя карьера», прошедшего в июне 2025 года, ключевым направлением является создание эффективной схемы взаимодействия школ, колледжей и компаний для подготовки кадров под реальные потребности экономики [3, с. 1]. Положительный опыт открытия педагогических классов и введения целевых стипендий для выпускников, инициированный в Якутске, может быть распространён на другие отрасли.

Поддержка предпринимательства и самозанятости. Развитие малого и среднего бизнеса создаёт дополнительные рабочие места и способствует диверсификации

экономики. В рамках проекта «Работающая Якутия. Продвижение», стартовавшего в 2025 году, предусмотрены меры поддержки женщин, желающих открыть собственное дело [8, с. 1]. По итогам пилотного этапа проекта 461 женщина нашла работу, 157 смогли открыть своё дело [8, с. 2]. Расширение подобных инициатив на другие категории населения может дать значительный эффект.

Развитие системы непрерывного образования. В условиях быстро меняющихся требований рынка труда особое значение приобретает возможность для работников повышать квалификацию и осваивать новые профессии на протяжении всей трудовой жизни. В рамках нацпроекта «Кадры» в регионе идёт бесплатное обучение безработных и других категорий граждан по 89 востребованным программам [8, с. 2]. Расширение перечня таких программ и повышение их доступности — важное направление политики занятости.

Стимулирование инвестиционной активности. Создание новых рабочих мест напрямую зависит от инвестиционного климата в регионе. Привлечение инвестиций в обрабатывающие производства, логистику, туризм и другие сферы позволит расширить возможности для трудоустройства местных жителей и снизить зависимость от бюджетного сектора. Развитие цифровой экономики и удалённой занятости. Обучение населения основам цифровой грамотности, разработка онлайн-платформ для фриланса и удалённой работы могут значи-

тельно увеличить возможности трудоустройства для молодёжи и женщин, которые особенно уязвимы на рынке труда [5, с. 5]. Для Якутска, обладающего относительно развитой телекоммуникационной инфраструктурой по сравнению с другими районами республики, это направление имеет большой потенциал.

Таким образом, проблема безработицы в городе Якутске имеет сложную, многомерную природу, сочетающую в себе как общероссийские тенденции, так и специфические черты, обусловленные особенностями региона. Анализ современного состояния рынка труда показывает, что наряду с позитивной динамикой снижения уровня безработицы сохраняются структурные диспропорции: дефицит квалифицированных кадров в одних отраслях соседствует с безработицей в других. Решение проблемы требует системного подхода, объединяющего усилия органов государственной власти, местного самоуправления, образовательных учреждений и бизнеса. Ключевыми направлениями должны стать развитие системы профориентации и целевой подготовки кадров, поддержка предпринимательской инициативы, создание условий для непрерывного образования и повышения квалификации, стимулирование инвестиционной активности. Реализация предложенных мер позволит не только снизить уровень безработицы, но и повысить качество использования трудовых ресурсов, что в конечном итоге будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию города Якутска и всей республики.

Литература:

1. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Трудовые ресурсы, занятость и безработица [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://14.rosstat.gov.ru/trudges> (дата обращения: 24.03.2026).
2. Больницкая, А. Н. Трудовой состав и проблемы занятости населения в Республике Саха (Якутия) / А. Н. Больницкая // Социально-экономические проблемы северного региона: новые глобальные вызовы 21 века: сборник трудов научно-практической конференции. — Якутск: Издательский дом СВФУ, 2023. — С. 226–232.
3. В Якутске остро ощущается нехватка рабочих кадров [Электронный ресурс] // ИА SakhaNews. — 2025. — 5 июня. — Режим доступа: <https://1sn.ru/v-yakutske-ostro-oshhushhaetsya-nexvatka-rabocix-kadrov> (дата обращения: 24.03.2026).
4. В Якутске обсудили подготовку кадров для рабочих профессий [Электронный ресурс] // ГТРК «Саха». — 2025. — 5 июня. — Режим доступа: <https://gtrksakha.ru/news/2025/06/05/v-yakutske-obsudili-podgotovku-kadrov-dlya-rabocix-professij/> (дата обращения: 24.03.2026).
5. Влас, Н. И. Безработица в Республике Саха (Якутия) / Н. И. Влас // Молодежный научный форум: электр. сб. ст. по мат. ССЛХХ междунар. студ. науч.-практ. конф. — № 38(270). — Режим доступа: <https://nauchforum.ru/studconf/science/270/153755> (дата обращения: 24.03.2026).
6. Государственная программа «Содействие занятости населения Республики Саха (Якутия)» [Электронный ресурс] // Портал малого и среднего предпринимательства Республики Саха (Якутия). — Режим доступа: <https://xn—14-9kcqjffxn3b.xn—p1ai/gosudarstvennye-programmy/gosudarstvennyj-komitet-respubliki-saha-yakutiya-pozanyatosti-naseleniya/> (дата обращения: 24.03.2026).
7. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 6 июня 2025 г. № 244 «Об утверждении Положения о стимулировании трудовой мобильности граждан» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/412155600/> (дата обращения: 24.03.2026).
8. Стартует проект для трудоустройства женщин «Работающая Якутия. Продвижение» [Электронный ресурс] // Yakutia-daily.ru. — 2025. — 14 августа. — Режим доступа: <https://yakutia-daily.ru/startuet-kadrovyy-proekt-dlya-trudoustrojstva-zhenshhin-rabotayushhaya-yakutiya-prodvizhenie/> (дата обращения: 24.03.2026).

Философские основы науки о бухгалтерском учете и экономическом анализе

Гиенко Мирослава Алексеевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Настоящая статья посвящена исследованию философских основ науки о бухгалтерском учете и экономическом анализе. Целью работы является выявление и систематизация философских оснований бухгалтерского учета и экономического анализа как научных дисциплин. В статье анализируются эволюция философских взглядов на природу бухгалтерского учета, определяются методологические принципы бухгалтерского учета с позиции философии науки, а также раскрываются концептуальные основы экономического анализа в контексте философского познания. Особое внимание уделено влиянию цифровизации и международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) на философское осмысление учетно-аналитических процессов.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, экономический анализ, философия науки, методология, онтология, гносеология, аксиология, Я. В. Соколов, МСФО, цифровизация.

Введение

Бухгалтерский учет и экономический анализ являются краеугольными камнями современной экономической науки и практики. Их роль выходит далеко за рамки простого учета и контроля финансовых потоков, затрагивая глубинные аспекты формирования экономической реальности, познания ее закономерностей и оценки эффективности хозяйственной деятельности. В условиях динамично меняющегося мира, характеризующегося глобализацией и цифровой трансформацией, философское осмысление этих дисциплин приобретает особую актуальность [7, с. 40].

Настоящая статья посвящена исследованию философских основ науки о бухгалтерском учете и экономическом анализе. Целью работы является выявление и систематизация философских оснований бухгалтерского учета и экономического анализа как научных дисциплин. Исследование опирается на работы ведущих отечественных ученых, таких как Я. В. Соколов, М. Л. Пятов, В. С. Плотников, В. В. Ковалев, а также учитывает современные тенденции, связанные с МСФО и цифровизацией.

1. Эволюция философских взглядов на природу бухгалтерского учета

Эволюция философских взглядов на природу бухгалтерского учета представляет собой процесс перехода от чисто утилитарного понимания учета как инструмента фиксации имущества к его восприятию как сложной семиотической системы. Бухгалтерский учет не может существовать в отрыве от экономической теории, что подчеркивает его статус как полноценной экономической науки [1, с. 7].

Фундаментальный вклад в философское осмысление учета внес Я. В. Соколов. В своей знаковой работе «Бухгалтерский учет как сумма фактов хозяйственной жизни» он обосновал понимание учета как специфического «языка», семиотической системы, посредством которой факты хозяйственной жизни трансформируются в фор-

мализованные операции [2, с. 14]. Соколов утверждал, что бухгалтерский учет не просто пассивно отражает реальность, а активно конструирует ее через профессиональное суждение бухгалтера, создавая символическую модель экономической жизни [2, с. 45]. Однако, как отмечают некоторые исследователи, концепция «конструирования реальности» может быть излишне широкой, требуя более четкого определения границ влияния бухгалтера на экономические процессы.

Дальнейшее развитие философских взглядов связано с пониманием социодинамической функции учета. М. Л. Пятов рассматривает бухгалтерский учет как элемент культуры и важный социальный институт, который не только фиксирует информацию, но и непосредственно влияет на поведение экономических субъектов, формируя «эпоху доверия» в бизнесе [3, с. 131].

Влияние международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) также привнесло новые философские аспекты. МСФО, в отличие от национальных стандартов, ориентированы на удовлетворение информационных потребностей инвесторов и кредиторов, что формирует иной взгляд на бухгалтерскую науку, направленный на отражение процесса накопления капитала и решение проблемы «парадокса развития» [6, с. 49].

2. Методологические принципы бухгалтерского учета с позиции философии науки

Методологические принципы бухгалтерского учета, рассматриваемые с позиции философии науки, представляют собой онтологические и гносеологические основания учетного знания. Одним из центральных принципов является принцип двойственности (двойной записи). С философской точки зрения, двойная запись выступает как категория баланса и гармонии, обеспечивающая системность и полноту отражения хозяйственных процессов [4, с. 80].

Гносеологические аспекты учета проявляются в принципах начисления и непрерывности деятельности. Принцип непрерывности (going concern) является аксиоматическим допущением, формирующим онтологиче-

скую рамку для оценки активов и обязательств [4, с. 110]. Принцип начисления, в свою очередь, направлен на познание экономической сущности операций, отделяя ее от простой фиксации движения денежных средств.

Методология учета также включает аксиологические (ценностные) компоненты, такие как принцип осмотрительности (консерватизма). Этот принцип отражает стремление к минимизации рисков и обеспечению устойчивости экономической системы через осторожное признание доходов и своевременное признание расходов [1, с. 8].

Авторская модель: уровни философского осмысления учетно-аналитической системы

Для систематизации философских аспектов бухгалтерского учета и экономического анализа предлагается модель, включающая три взаимосвязанных уровня:

1. **Онтологический уровень:** Определяет природу и сущность объектов учета и анализа. На этом уровне рассматривается, что именно является предметом отражения и изучения (например, факты хозяйственной жизни, активы, обязательства, капитал).

2. **Гносеологический уровень:** Описывает методы и способы познания экономической реальности. Здесь анализируются принципы и правила, используемые для сбора, обработки и интерпретации информации (например, двойная запись, принципы начисления).

3. **Аксиологический уровень:** Связан с ценностными ориентирами и целями учетно-аналитической деятельности. На этом уровне рассматривается, для чего осуществляется учет и анализ (например, для принятия управленческих решений, обеспечения прозрачности, оценки эффективности).

Литература:

1. Плотников В. С., Плотникова О. В. Философия бухгалтерского учета как экономической науки // Учет. Анализ. Аудит. — 2017. — № 3. — С. 7–21.
2. Соколов Я. В. Бухгалтерский учет как сумма фактов хозяйственной жизни. — М.: Магистр, 2010. — 224 с.
3. Пятов М. Л. Социодинамическая функция бухгалтерского учета как элемента культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2016. — № 3. — С. 131–150.
4. Соколов Я. В. Основы теории бухгалтерского учета. — М.: Финансы и статистика, 2000. — 496 с.
5. Ковалев В. В. Финансовый анализ: методы и процедуры. — М.: Финансы и статистика, 2002. — 560 с.
6. Фетисова О. А. Философия МСФО и новый взгляд на бухгалтерскую науку // Аудитор. — 2013. — № 3 (217). — С. 49–55.
7. Козлова Т. В., Замбрицкая Е. С. Цифровизация как основной тренд развития методологии бухгалтерского учёта // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. — Магнитогорск, 2019. — С. 40–52.

3. Концептуальные основы экономического анализа в контексте философского познания

Экономический анализ в контексте философского познания выступает как инструмент глубокого осмысления и интерпретации учетной информации. Его концептуальные основы охватывают онтологические, гносеологические и аксиологические аспекты аналитического знания. Онтология экономического анализа связана с пониманием природы анализируемых объектов как динамических систем [5, с. 25].

Современная цифровизация оказывает существенное влияние на методологию бухгалтерского учета и экономического анализа, ставя новые философские вопросы. Внедрение технологий, таких как блокчейн и большие данные, трансформирует процессы сбора и представления информации [7, с. 40].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Бухгалтерский учет эволюционировал от простого инструмента фиксации к сложной семиотической системе.
2. Основные принципы учета имеют глубокие онтологические и гносеологические основания.
3. Экономический анализ является ценностно-ориентированным процессом познания.
4. МСФО и цифровая трансформация ставят новые этические и философские вопросы.
5. Предложенная трехуровневая модель позволяет комплексно систематизировать философские аспекты учетно-аналитической системы.

Анализ развития и проблем финансирования железнодорожного транспорта в пригородном сообщении на примере Центрального транспортного узла

Ищенко Надежда Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Белогребень Антон Александрович, кандидат экономических наук, доцент
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В статье рассмотрены вопросы развития Центрального транспортного узла в 2020–2024 гг. Проанализированы основные показатели деятельности ЦППК за рассматриваемый период, выявлены ключевые проблемы финансирования железнодорожного транспорта в пригородном сообщении в условиях снижения общей транспортной подвижности населения, реализации проводимой транспортной политики, направленной на повышение качества транспортного обслуживания населения в условиях тарифного регулирования естественных монополий.

Ключевые слова: железнодорожные перевозки, пригородное сообщение, транспортное обслуживание населения.

Введение

Центральный транспортный узел (далее — ЦТУ) — это один из крупнейших и наиболее важных транспортных узлов России, который связывает столицу с 10 другими субъектами Центрального федерального округа сетью скоростных и пригородных поездов (Московскую, Владимирскую, Ивановскую, Калужскую, Костромскую, Рязанскую, Смоленскую, Тверскую, Тульскую и Ярославскую области).

На ЦТУ приходится почти около 75 % всех пригородных железнодорожных перевозок в Российской Федерации. Ежедневный пассажиропоток составляет более 2,1 млн. человек, из которых около 150 тысяч составляют жители других регионов.

Большую часть пригородных перевозок (91,4 %) в ЦТУ выполняет

АО «Центральная пригородная пассажирская компания» (далее — ЦППК). Подвижной состав, обслуживаемые направления и предлагаемые схемы маршрутов, находящиеся в ведении ЦППК и ОАО «РЖД», обслуживают 9 субъектов Российской Федерации с общей численностью населения свыше 28,3 млн. человек или около 20 % всего населения страны.

Оставшиеся доли пригородных перевозок в ЦТУ приходятся на Московско-Тверскую пригородную пассажирскую компанию, которая занимается обслуживанием пассажиров в пригородных поездах на Ленинградском направлении, а также в Тверской, Новгородской, Ярославской и Псковской областях, и Аэроэкспресс — обеспечивает пассажирское железнодорожное сообщение между

столицей и крупнейшими аэропортами Московского авиационного узла — Домодедово и Шереметьево.

Анализ основных показателей деятельности ЦППК в 2020–2024 гг. За рассматриваемый период деятельность ЦППК на территории г. Москвы и Московской области характеризуется устойчивым ростом пассажирооборота и транспортной работы (табл. 1).

Для осуществления пригородных перевозок в ЦТУ компанией задействовано более 10 тыс. работников, из которых 82 % — в производственном процессе, связанном с транспортным обслуживанием населения на межрегиональных и межмуниципальных маршрутах (рис. 1).

ЦППК эксплуатирует свыше 500 единиц подвижного состава,

из которых более 300 — собственные электропоезда. С 2013 по 2025 год только в приобретение нового подвижного состава инвестировано более 17,5 млрд рублей. Современные поезда имеют преимущества:

- увеличен срок службы с 28 до 40 лет (на 43 %);
- повышена конструкционная скорость до 140 км/ч (на 14 %);
- в салонах головных вагонов создана безбарьерная среда для людей с ограниченными возможностями — установлены подъемные устройства, спроектированы доступные туалетные комплексы.
- в вагонах обеспечен Wi-Fi-доступ в информационно-коммуникационную сеть «Интернет» по каналу 3G.

Наряду с общими для всего железнодорожного транспорта проблемами (ростом износа основных средств, снижением эффективности и качества предоставления услуг) в пассажирских пригородных перевозках можно выде-

Таблица 1. Динамика основных показателей деятельности ЦППК в 2020–2024 гг.

Показатели	Ед. изм	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Пассажирооборот	млрд пасс-км	17,1	12,3	14,0	15,0	15,2	15,8
Отправленные пассажиры	млн. чел.	556,6	426,0	500,9	521,6	540,0	584,2
Транспортная работа	млн вагоно-км	567,0	634,6	639,6	647,6	701,9	782,4
Дальность поездки	км	31,5	28,6	29,6	28,8	29,7	27,9
Тарифы 1 зона по МО	руб.	23	24	26	29	33	40

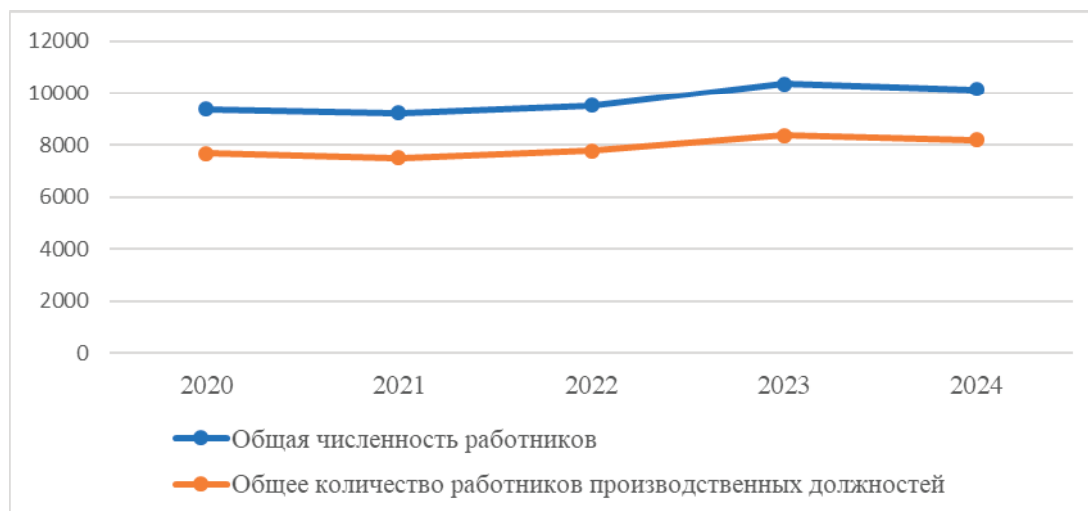

Рис. 1. Динамика численности работников ЦППК в 2020–2024 гг.

лить ключевую проблему — убыточность и широкомасштабное субсидирование со стороны субъектов Российской Федерации.

До 2020 года деятельность ЦППК по территории ЦТУ (Москва и Московская область) являлась безубыточной. Экономически обоснованный уровень тарифа для перевозчика фактически устанавливался на уровне тарифа для населения. В 2020 году в результате последствий пандемии COVID-19 пассажирооборот ЦППК в пригородном сообщении снизился к уровню 2019 года на 28 процентов и составил 12,3 млрд. пасс.-км. Правительством Российской Федерации в 2020 году в условиях сокращения объема транспортных услуг реализован комплекс антикризисных мер, направленный на поддержку

занятости и доходов населения, а также для поддержания системообразующих организаций, включая ЦППК (оплата по платежам за арендованный подвижной состав, льготные кредиты и т. д.). Данные меры позволили в связи с резким спадом пассажиропотока поддержать деятельность перевозчика.

В связи с восстановлением пассажиропотока и снятием ограничений по пандемии антикризисные меры были завершены в 2021 году. Вместе с тем, пассажиропоток восстанавливается медленно и до настоящего времени не достиг уровня 2019 года.

Финансовые результаты деятельности ЦППК, представленные в таблице 2, свидетельствуют о нарастании разницы в доходах и расходах перевозчика.

Таблица 2. Финансовые результаты деятельности ЦППК (для г. Москвы и Московской области), (в млрд. руб.)

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Доходы от перевозок	41,5	33,7	42,3	42,9	53,4	64,5
Расходы от перевозок	36,2	45,5	50,3	53,1	67,7	81,6
Убыток по перевозкам	+5,3	-11,9	-8,0	-10,1	-14,3	-17,1
Субсидии субъектов РФ						
Московская область		3,9	2,6	3,0	4,3	4,4
г. Москва		3,9	5,4	7,1	10,0	12,7

Тарифное регулирование ЦППК осуществляется в соответствии с Методикой расчета экономически обоснованного уровня затрат, учитываемых при формировании экономически обоснованного уровня тарифов за услуги субъектов естественных монополий в сфере перевозок пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования в пригородном сообщении, утвержденной приказом ФАС от 05.12.2017 № 1649/17.

Анализ сравнения экономически обоснованного тарифа и фактической доходной ставки за 1 пасс.-км свидетельствует о увеличении разрыва и росте объемов субсидий из консолидированных бюджетов субъектов

Российской Федерации для обеспечения безубыточной деятельности ЦППК (табл. 3).

Исходя из сложившихся тенденций развития рынка пассажирских пригородных перевозок наиболее вероятными рисками в развитии этого вида перевозок являются:

- установление тарифов на перевозки на уровне, не обеспечивающем экономически обоснованные результаты деятельности перевозчика при отсутствии эффективного механизма компенсации потерь доходов,
- со стороны регулирующих органов;
- отклонение фактического спроса на перевозки от прогнозируемого уровня, с учетом высокой сезонности

Таблица 3. Анализ среднего экономически обоснованного тарифа за 1 пасс-км и фактической доходной ставки за 2023–2025 гг

Показатель	Ед. изм.	2023	2024	2025
Доходы	млрд. руб.	53,4	64,5	76,2
Расходы	млрд руб.	67,7	81,6	96,3
Пассажиروоборот	млрд. пасс-км	15,2	15,8	16,0
Доходная ставка	руб./пасс-км	3,34	4,10	4,78
Экономически обоснованный уровень тарифа	руб./пасс-км	4,24	5,18	6,04
Разница	руб.	0,90	1,08 (+20 % к 2023)	1,26 (+16 % к 2024)

пассажи́рских перевозок, приводящее к избытку (дефициту) мощностей и непроизводительным (внеплановым) расходам (потере доходов).

Рост субсидий помогает удерживать социально значимые перевозки и низкие тарифы, но при длительном и неконтролируемом увеличении формирует системную нагрузку на бюджеты субъектов Российской Федерации и снижает стимулы к экономической эффективности отрасли.

Оптимальный вариант для регионов — сочетание субсидирования с мерами по повышению прозрачности затрат перевозчика, модернизацией инфраструктуры и постепенным снижением доли компенсаций в структуре доходов.

Рост расходов ЦППК связан с запуском Московских центральных диаметров (далее — МЦД) и сокращением интервалов движения по отдельным направлениям, при общем сокращении пассажирооборота.

В период с 2019 по 2023 гг. были запущены четыре диаметра: МЦД-1 «Одинцово-Лобня», МЦД-2 «Нахабино-Подольск», МЦД-3 «Зеленоград — Раменское» и МЦД-4 «Апрелевка — Железнодорожный» (далее — МЦД), которые дали жителям Московской области и Москвы комфортные пересадочные узлы, минимальный интервал движения между поездами в часы «пик» и позволили бесплатно делать пересадку на Московский метрополитен/МЦК.

Существенно увеличилось количество поездок на пригородных направлениях, особенно в часы пик, за счет:

- сквозных маршрутов без пересадок;
- более короткого времени в пути (экономия времени в пути до 30–50 %);
- единого тарифного пространства с городским транспортом (особый тариф с бесплатной пересадкой на метро);
- современного подвижного состава, средний возраст которого сократился с 23 лет до 5 лет. Вместимость новых вагонов в 1,5 раза больше.

В результате обновления парка количество пассажирских мест в поездах МЦД увеличилось в полтора раза — с 5,4 миллиона до 7,8 миллиона в сутки.

В вагонах стало просторнее даже в часы пик, что особенно ценят пассажиры.

В течение семи лет на МЦД перевезено порядка 1,6 млрд пассажиров.

Вместе с тем увеличились эксплуатационные затраты в связи с частотой рейсов (в часы пик от 5 до 6 минут — требование Параметров МЦД), износом подвижного состава, а также с увеличением расходов ЦППК на обновление подвижного состава, включая его содержание.

Так, в 2025 году убыток ЦППК составил 20,1 млрд, из которых 5,2 млрд — затраты Московской области, а затраты на подвижной состав в 2025 году по сравнению с 2022 годом выросли на 67 %.

С учетом плана развития ЦТУ (в том числе запуск экспрессов в регионы) общая потребность в закупке поездов с 2026–2030 гг. составит 129 поездов на сумму 360 млрд рублей.

Влияние конъюнктуры рынка и меры по сокращению затрат на транспортное обслуживание населения. Стратегическими зонами для развития ЦППК на данный момент также являются интеграция с существующими транспортными системами и узлами, автоматизация и упрощение доступа ко всем услугам компании со стороны населения.

После запуска МЦД произошли значительные изменения в автобусной маршрутной сети Московской области.

Так, в связи с запуском линий МЦД с 2019 год по настоящее время было внесено более 174 изменений в маршрутную сеть подвозных маршрутов регулярных пассажирских перевозок Московской области, в том числе:

- открыто или возобновлено обслуживание — 13 маршрутов;
- переведено на обслуживание в регулируемый тариф — 18 маршрутов;
- закрыто в целях снижения и повышения эффективности — 23 маршрута;
- внесены изменений в схему движения — 120 маршрутов (сокращены до станций МЦД — 20 маршрутов).

Эти изменения направлены на улучшение удобства пассажиров и сокращение времени поездки, повышение наполняемости железнодорожных вагонов и рационализации расходов на транспортное обслуживание населения.

Вместе с тем экономия бюджета на нерентабельных маршрутах, вызывает недовольство жителей районов Московской области, где прямое сообщение с Москвой было сокращено. Так, по жалобам пассажиров с 1 октября 2025 года были отменены ранее введенные рейсы маршрута

№ 460 из Коломны до платформы Отдых (МЦД-3) с возвращением прежней схемы движения до станции метро «Котельники».

Анализ конъюнктуры рынка пригородных перевозок железнодорожным транспортом позволяет выявить ключевую проблему, связанные с низкой доходностью перевозчика, которая зависит от:

- недостаточного спроса потребителей на транспортные услуги;
- ограничений железнодорожной инфраструктуры в период проведения работ, связанных с техническим обслуживанием и ремонтом сооружений, устройств инфраструктуры и железнодорожных путей с соблюдением требований, установленных Правилами технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации, утвержденными приказом Минтранса России от 23.06.2022 № 250;
- внезапных изменений в расписании пригородных поездов в связи с техническими неисправностями подвижного состава (грузовые поезда, поезда дальнего следования и пригородные электропоезда) и инфраструктуры ОАО «РЖД», либо в следствии травмирования посторонних лиц на железной дороге или дорожно-транспортные происшествия на переездах;
- погодных условий;
- высокого уровня износа подвижного состава на направлениях, где еще не обновлен подвижной состав и др.

В целях улучшения сервиса транспортного обслуживания пассажиров перевозчиком проводится политика в части:

- внесения изменений в график движения пригородных поездов (изменение время курсирования пригородных поездов, назначение остановок, восстановление пригородных поездов);
- восстановления пригородных маршрутов (в марте 2024 г. восстановлен маршрут Москва-Пассажи́рская-Смоленская — Гагарин);
- запуска новых маршрутов (в августе 2024 г. запущен маршрут Терминал-Внуково — Москва-Пассажи́рская-Киевская);
- проведения мероприятий по взысканию штрафов за безбилетный проезд в пригородных поездах (оформлено более 6000 штрафных актов);
- проведения мониторинга эффективности работы кассовых окон в системе корпоративного информационного хранилища, в результате чего оптимизируются графики работы билетных касс: меняется время перерывов в соответствии с графиком движения, при необходимости открываются дополнительные каналы продаж;
- повышения качества обслуживания пассажиров (установлено 2067 билетопечатающих аппаратов (далее — БПА), из них 1364 полнофункциональных и 703 безналичных билетопечатающих аппаратов).

Также в последние годы происходит снижение транспортной мобильности населения страны, связанное с обострением конкуренции всех видов транспорта в сфере пассажирских перевозок.

На достижение целей роста пассажиропотока направлены маркетинговые акции АО «ЦППК» и специальные тарифные предложения.

Расширяется продуктовый портфель пассажирского комплекса, который направлен на улучшение сервиса и удобства пассажиров в пригородном сообщении:

- услуга «Карта провожающего», позволяющая пассажирам бесплатно пройти на станцию и выйти с платформы в течение 30 минут, чтобы встретить и проводить близких;
- кешбэк до 15 %. Пассажиры могут вернуть 15 % от стоимости билетов, купленных в мобильном приложении «Расписание и билеты ЦППК» и 10 % — в билетных автоматах (БПА). Максимальный размер кешбэка до 2,5 тысяч рублей в месяц.

Заключение

Анализ деятельности крупнейшего перевозчика на территории ЦТУ свидетельствует о существенных изменениях в условиях финансирования и финансовых результатах ЦППК, как за счет естественных причин, обусловленных снижением общей транспортной подвижности населения, так и за счет проводимой транспортной политики властями г. Москвы и Московской области, направленной на повышение качества транспортного обслуживания населения в условиях тарифного регулирования естественных монополий.

Наблюдается тенденция роста убыточности пригородных пассажирских компаний, вызванная конкуренцией с автотранспортом в период проведения ремонтных работ инфраструктуры, невыдачей или неисправностью подвижного состава, а также проблемами с регулированием тарифов, отказом субъектов Российской Федерации от компенсации финансирования потерь в доходах, возникших в результате установления тарифов ниже экономически обоснованного уровня, отсутствием долгосрочных соглашений на транспортное обслуживание, с существенным износом подвижного состава, сокращением пассажиропотока после пандемии (пассажиропоток не восстановился до уровня 2019 года), что приводит к дисбалансу между расходами и доходами пригородных компаний.

Для решения проблем пригородного пассажирского транспорта и улучшения его показателей в связи с не восстановившимся пассажиропотоком необходимо:

- сохранить государственную поддержку Субъектами Российской Федерации для субсидирования деятельности пригородных пассажирских компаний с учетом региональных особенностей;
- обеспечить заключение субъектами Российской Федерации долгосрочных соглашений на транспортное обслуживание для обеспечения гарантии в транспортной работе при обновлении пригородных поездов;
- реализовать меры государственной (федеральной) поддержки, направленные на обновление железнодорожного пригородного подвижного состава, в том числе с возможностью применения механизмов льготного лизинга и льготного кредитования.

Литература:

1. Приказ ФАС от 05.12.2017 № 1649/17 «Об утверждении Методики расчета экономически обоснованного уровня затрат, учитываемых при формировании экономически обоснованного уровня тарифов за услуги субъектов естественных монополий в сфере перевозок пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования в пригородном сообщении» [Электронный ресурс]. — URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=019255F209F7A8EB5CD5C2B2E14500E1&mode=searchcard&base=LAW&n=456792&BASENODE=IiIiMSwwLDEiIiwiljIsMSxMQVcilii&rnd=bxppEQ#pS2lxEVWOC2ZiR6I>.
2. Федеральный закон № 17-ФЗ от 10 января 2003 года «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511787&dst=0&edition=etD&rnd=FwAAIA#01hIhEVUojrEzYep>.
3. Федеральный закон № 18-ФЗ от 10.01.2003 (с изменениями и дополнениями) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=514696&dst=0&edition=etD&rnd=FwAAIA#QJHmhEVwRuhObPbh1>.
4. Годовой отчет Акционерное общество «Центральная пригородная пассажирская компания» за 2019 год. [Электронный ресурс]. — URL: <https://disclosure.skrin.ru/disclosure/7705705370/?DTI=7>.
5. Годовой отчет Акционерное общество «Центральная пригородная пассажирская компания» за 2020 год. [Электронный ресурс]. — URL: <https://disclosure.skrin.ru/disclosure/7705705370/?DTI=7>.
6. Годовой отчет Акционерное общество «Центральная пригородная пассажирская компания» за 2021 год. [Электронный ресурс]. — URL: <https://disclosure.skrin.ru/disclosure/7705705370/?DTI=7>.
7. Годовой отчет Акционерное общество «Центральная пригородная пассажирская компания» за 2022 год. [Электронный ресурс]. — URL: <https://disclosure.skrin.ru/disclosure/7705705370/?DTI=7>.
8. Годовой отчет Акционерное общество «Центральная пригородная пассажирская компания» за 2023 год. [Электронный ресурс]. — URL: <https://disclosure.skrin.ru/disclosure/7705705370/?DTI=7>.
9. Годовой отчет Акционерное общество «Центральная пригородная пассажирская компания» за 2024 год. [Электронный ресурс]. — URL: <https://disclosure.skrin.ru/disclosure/7705705370/?DTI=7>.
10. Прогнозный отчет Акционерное общество «Центральная пригородная пассажирская компания» за 2025 год. [Электронный ресурс]. — URL: <https://disclosure.skrin.ru/disclosure/7705705370/?DTI=7>.
11. Шнейдер М. А. Рынок пригородных железнодорожных перевозок: управление и экономика / М. А. Шнейдер, Е. А. Прокуракова. М.: НП-Принт, 2012. 288 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23144693>.
12. Савчук В. Б., Рузавин Л. Н. Проблемы финансирования пригородных пассажирских перевозок в России // Транспорт Российской Федерации. 2014. № 4 (53). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansirovaniya-prigorodnyh-passazhirskih-perevozk-v-rossii>.
13. Концепция развития пригородных пассажирских перевозок железнодорожным транспортом. Распоряжение Правительства РФ от 19.05.2014 г. № 857-р. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=BAFB677B5C75844DE0735905EBFC1EAC&mode=searchcard&base=LAW&n=163361&BASENODE=IiIiMSwwLDEiIiwiljIsMSxMQVcilii&rnd=UYHucA#TP3oxEV9L40P91D8>.

Совершенствование механизмов контроля в сфере государственных закупок (на примере общеобразовательной школы)

Косынкина Екатерина Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает пути совершенствования механизмов контроля в сфере госзакупок на примере общеобразовательной школы и ставит задачи: проанализировать нормативно-правовую базу закупок в образовании; выявить типичные проблемы и риски; предложить конкретные меры по улучшению системы контроля.

Ключевые слова: государственные закупки, проблемы и риски, механизмы контроля, повышение эффективности.

Введение

Эффективный контроль в сфере государственных закупок — ключевое условие рационального использования

бюджетных средств и обеспечения высокого качества образовательного процесса. Для общеобразовательных школ, работающих в условиях ограниченного финансирования, прозрачность и эффективность закупочных процедур особенно важны.

Теоретические основы и вклад учёных в изучение проблемы контроля госзакупок

Исследованию проблем контроля в сфере государственных закупок посвящено множество научных работ. Рассмотрим вклад отдельных учёных, чьи идеи могут быть полезны для совершенствования закупочной деятельности общеобразовательных школ.

1. Исследования в области нормативноправового регулирования:

— Ф. А. Тасалов в монографии о контрактной системе в России и США провёл сравнительноправовой анализ, что позволяет заимствовать лучшие практики контроля [12].

— К. В. Кичик изучал правовые аспекты госзакупок, включая механизмы контроля и ответственности, что актуально для школ при составлении локальных актов [4].

2. Экономические и управленческие аспекты:

— И. И. Смотрицкая рассматривала госзакупки как инструмент развития экономики и поддержки предпринимательства. Её выводы применимы для школ при выборе поставщиков (например, приоритет местным производителям) [11].

— М. В. Назаров анализировал госзакупки как механизм инновационного развития. Для школ это означает возможность закупать современное оборудование с учётом долгосрочных образовательных задач [8].

— Л. И. Немченко изучала госзакупки в контексте финансовой системы государства. Её подход помогает обосновать НМЦК (начальную максимальную цену контракта) и оптимизировать бюджет [9].

3. Вопросы прозрачности и противодействия злоупотреблениям:

— Н. В. Мячин исследовал механизмы противодействия теневым схемам в госзакупках. Его рекомендации полезны для школ в части усиления общественного контроля и мониторинга поставщиков [7].

— И. А. Любый акцентировал внимание на ответственности за нарушения в сфере закупок. Это важно для школ при формировании требований к сотрудникам закупочной комиссии [6].

4. Методики оценки эффективности:

— Д. И. Батуева, Н. А. Проданова разрабатывали методы оценки результатов управления госзакупками. Их подходы позволяют школам внедрить KPI (ключевые показатели эффективности) для закупочной деятельности [1].

— Е. А. Пластинина изучала госзакупки как фактор экономической безопасности региона. Для школ это выражается в выборе надёжных поставщиков и минимизации рисков срыва поставок [10].

5. Практические инструменты и автоматизация:

— Г. Р. Гафарова, Е. Ю. Матвеева предлагали решения по оптимизации закупочных процедур, включая использование цифровых платформ. Их идеи применимы для интеграции школьных систем учёта с ЕИС (Единой информационной системой) [2].

— Т. Р. Григорян исследовала рискоориентированный подход в контроле закупок. Это помогает школам выде-

лять «зоны риска» (например, крупные закупки оборудования) и усиливать надзор за ними [3].

6. Общественный контроль и вовлечение стейкхолдеров:

— А. А. Яковлев, Л. И. Якобсон изучали роль общественности в мониторинге госзакупок. Их работы легли в основу рекомендаций по созданию школьных рабочих групп из родителей и педагогов [13].

Нормативноправовая база закупок в образовании

Деятельность школ в сфере госзакупок регулируется следующими основными актами:

— Федеральный закон № 44ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

— Федеральный закон № 223ФЗ (при закупках за счёт грантов, внебюджетных средств);

— Постановления Правительства РФ (в т.ч. № 99 от 04.02.2015, № 832 от 22.08.2016);

— локальные акты школы (положение о закупках, планграфик, план закупок).

Эти документы определяют порядок планирования, проведения процедур, заключения и исполнения контрактов, а также требования к контролю.

Типичные проблемы и риски в системе контроля закупок в общеобразовательной организации

Анализ практики показывает следующие основные проблемы:

— Недостаточная прозрачность процедур. Отсутствие чёткой фиксации решений комиссии, недостаточная публикация информации.

— Ограниченные компетенции сотрудников. Нехватка квалификации у членов закупочной комиссии и контрактного управляющего.

— Риски злоупотреблений. Возможность сговора с поставщиками, завышение цен, закупка товаров с избыточными характеристиками.

— Формальный подход к планированию. Планграфик составляется «для галочки», без учёта реальных потребностей школы.

— Слабый мониторинг исполнения контрактов. Недостаточный контроль качества поставляемых товаров и услуг, несвоевременное реагирование на нарушения.

— Проблемы с закупками отдельных категорий товаров. Например, при закупке продуктов питания необходимо учитывать ограничения на импортные товары (постановление № 832).

В общеобразовательных организациях применяются следующие механизмы контроля:

— Внутренний контроль. Проверка обоснованности закупок, соответствия плануграфику, правильности оформления документации.

— Общественный контроль. Участие родителей, педагогов, представителей общественности в работе закупочной комиссии.

— Внешний аудит. Проверки контрольно-счётных органов, органов финансового контроля.

— Мониторинг цен. Сравнение предложений поставщиков, анализ рыночных цен.

— Использование Единой информационной системы (ЕИС). Публикация планов, извещений, отчётов, что повышает прозрачность.

Однако на практике эти инструменты часто работают неэффективно из-за нехватки ресурсов и компетенций.

Рекомендации по совершенствованию системы контроля

Для повышения эффективности контроля в сфере госзакупок в общеобразовательной организации рекомендуется реализовать следующие меры:

1. Усилить планирование закупок:
 - формировать планграфик на основе реальных потребностей подразделений (учителей, администрации, технического персонала);
 - проводить предварительный анализ рынка для обоснования начальной максимальной цены контракта (НМЦК);
 - учитывать сезонные и срочные потребности (например, закупку канцтоваров перед началом учебного года).
2. Повысить квалификацию сотрудников:
 - организовать регулярное обучение членов закупочной комиссии и контрактного управляющего;
 - привлекать внешних экспертов для консультаций по сложным закупкам;
 - внедрить чеклисты и шаблоны документов для снижения числа ошибок.
3. Расширить общественный контроль:
 - создать постоянно действующую рабочую группу из представителей родителей, педагогов и администрации для мониторинга закупок;
 - публиковать на сайте школы подробные отчёты о закупках с обоснованием выбора поставщиков;
 - проводить открытые обсуждения крупных закупок (например, оборудования для кабинетов).
4. Автоматизировать процессы:
 - использовать электронные системы учёта закупок для отслеживания этапов процедур;
 - интегрировать данные ЕИС с внутренними учётными системами школы;
 - внедрить систему электронного документооборота для ускорения согласования.
5. Усилить мониторинг исполнения контрактов:
 - назначить ответственных за приёмку товаров и услуг в каждом подразделении;
 - разработать чеклисты для проверки качества поставляемых товаров (канцтовары, продукты питания, оборудование);
 - фиксировать и анализировать случаи нарушений со стороны поставщиков.
6. Оптимизировать выбор поставщиков:

— при оценке заявок учитывать не только цену, но и репутацию поставщика, опыт выполнения аналогичных контрактов;

— для закупок продуктов питания отдавать приоритет местным производителям (с учётом требований постановления № 832);

— формировать «белый список» надёжных поставщиков на основе прошлых контрактов.

7. Внедрить рискориентированный подход:

— выделять закупки с высоким риском нарушений (крупные суммы, сложные технические требования) и уделять им особое внимание;

— проводить внеплановые проверки по сигналам о возможных злоупотреблениях.

Оценка эффективности предложенных мер

Эффективность внедрения рекомендаций можно оценить по следующим показателям:

- снижение количества нарушений, выявленных внешними проверками;
- сокращение времени на проведение закупочных процедур;
- повышение удовлетворённости педагогов и родителей качеством закупаемых товаров и услуг;
- экономия бюджетных средств за счёт более точного планирования и выбора поставщиков;
- рост прозрачности закупок (количество опубликованных документов, обращений граждан).

Заключение

Совершенствование механизмов контроля в сфере госзакупок для общеобразовательной организации — это комплексный процесс, требующий изменений в планировании, обучении персонала, вовлечении общественности и использовании цифровых технологий. Реализация предложенных мер позволит:

- повысить прозрачность и подотчётность закупочных процедур;
 - снизить риски злоупотреблений и нерационального расходования средств;
 - обеспечить соответствие закупок реальным потребностям образовательного процесса;
 - улучшить качество закупаемых товаров и услуг.
- Реализация предложенных мер, основанных на трудах ведущих учёных, позволит общеобразовательной школе:
- выстроить прозрачную и подотчётную систему закупок;
 - минимизировать финансовые и репутационные риски;
 - обеспечить качество закупаемых товаров и услуг в соответствии с образовательными стандартами;
 - повысить эффективность использования бюджетных средств.

Комплексный подход, сочетающий правовые, экономические и технологические решения, станет залогом устойчивого развития школы в условиях ограниченного финансирования.

В долгосрочной перспективе это приведёт к более эффективному использованию бюджетных ресурсов и созданию благоприятных условий для развития школы.

Литература:

1. Багуева Д. И., Проданова Н. А. Методы оценки эффективности управления государственными закупками // Финансовый менеджмент. — 2021. — № 5. — С. 45–52.
2. Гафарова Г. Р., Матвеева Е. Ю. Оптимизация закупочных процедур в бюджетных учреждениях: цифровые решения // Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2022. — № 12. — С. 23–31.
3. Григорян Т. Р. Риск ориентированный подход в контроле государственных закупок // Аудит и финансовый анализ. — 2023. — № 3. — С. 78–85.
4. Кичик К. В. Государственные (муниципальные) закупки: правовое регулирование, проблемы и перспективы. — М.: Юстицинформ, 2021. — 248 с.
5. Кравченко В. В. Контроль, мониторинг и аудит в сфере государственных закупок // Экономика и управление. — 2022. — № 7. — С. 112–119.
6. Любый И. А. Ответственность за нарушения в сфере закупок: правовые аспекты // Журнал российского права. — 2021. — № 9. — С. 67–75.
7. Мячин Н. В. Противодействие теневым схемам в государственных закупках // Финансовое право. — 2022. — № 4. — С. 34–40.
8. Назаров М. В. Инновационное развитие через госзакупки: опыт регионов // Инновации. — 2021. — № 6. — С. 89–96.
9. Немченко Л. И. Финансово экономический анализ закупочной деятельности бюджетных учреждений // Финансы. — 2023. — № 2. — С. 55–61.
10. Пластинина Е. А. Государственные закупки как фактор экономической безопасности региона // Региональная экономика. — 2022. — № 8. — С. 102–109.
11. Смотрицкая И. И. Экономика государственных закупок: теория и практика. — М.: ИЭ РАН, 2020. — 186 с.
12. Тасалов Ф. А. Контрактная система в России: от регулирования закупок к управлению закупками. Сравнительно правовой анализ. М.: Проспект, 2022. — 312 с.
13. Яковлев А. А., Якобсон Л. И. Общественный контроль в сфере госзакупок: механизмы и эффективность // Общественные науки и современность. — 2021. — № 5. — С. 44–53.

Зарубежный опыт реализации программ реновации и возможности его адаптации в российских условиях

Кулькова Дарья Александровна, студент магистратуры
Государственный университет по землеустройству (г. Москва)

В статье представлен комплексный анализ зарубежных подходов к реализации программ реновации жилой и промышленной застройки. На основе изучения опыта Израиля, Гонконга, Германии, Франции, Китая и других стран выявлены основные механизмы правового регулирования, финансовые модели и способы взаимодействия с собственниками. Особое внимание уделено возможностям адаптации успешных зарубежных практик в российских условиях с учетом дифференциации городов по масштабу и типу застройки. Сформулированы рекомендации по совершенствованию отечественного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: реновация, комплексное развитие территорий, зарубежный опыт, адаптация, жилищное право, градостроительная политика.

International experience in implementing renovation programs and the possibility of adapting them to Russian conditions

This article presents a comprehensive analysis of international approaches to implementing renovation programs for residential and industrial buildings. Based on a study of the experience of Israel, Hong Kong, Germany, France, China, and other countries, the main

mechanisms of legal regulation, financial models, and methods of interaction with property owners are identified. Particular attention is paid to the possibilities of adapting successful foreign practices to Russian conditions, taking into account the differentiation of cities by scale and type of development. Recommendations have been formulated for improving domestic legislation and law enforcement practices.

Keywords: *renovation, comprehensive territorial development, foreign experience, adaptation, housing law, urban planning policy.*

Программы обновления городской среды реализуются во многих странах мира, однако их масштабы, механизмы и результаты существенно различаются в зависимости от исторических, экономических и правовых особенностей. Московская программа реновации, стартовавшая в 2017 году, является одной из крупнейших в мире: она затрагивает более 5 тыс. домов и около 1 млн человек [1]. Столь масштабный проект закономерно вызывает интерес к международному опыту, его успехам и неудачам.

Как отмечает президент Фонда «Институт экономики города» Надежда Косарева, программы redevelopment реализуются практически во всех странах, однако различаются не только масштабом, но и механизмами: инвесторы могут выкупать устаревший фонд в рамках рыночных сделок, также имущество может быть изъято для общественных нужд или на условиях соглашения между собственниками [1].

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить наиболее эффективные зарубежные практики реновации и определить возможности их адаптации в российских правовых и экономических реалиях.

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить несколько моделей реализации программ реновации [2, с. 37]:

1. Государственно-ориентированная модель (реализуется за счет бюджетных средств с последующей передачей земли застройщикам (США, 1949–1973 гг.));
2. Институциональная модель (создание специализированных квазигосударственных корпораций (Гонконг));
3. Девелоперская модель (передача прав застройщику на условиях соглашения с собственниками (Израиль));
4. Национальные программы обновления городов (системное обновление деградирующих кварталов (Франция));
5. Стимулирующие программы (субсидирование собственников для ремонта и вовлечения пустующего жилья (Греция)).

Гонконг демонстрирует пример успешного институционального подхода. В 2001 году здесь была создана квазигосударственная корпорация — Администрация городского обновления (Urban Renewal Authority), наделенная полномочиями в сфере redevelopment, градостроительного управления, привлечения и предоставления финансирования [3, с. 578]. Данная структура реализует собственные проекты, в том числе совместно с частными девелоперами, а также помогает собственникам консолидировать объекты недвижимости для последующей совместной продажи инвестору.

Израильский подход основан на программно-целевом методе. Министерство строительства разработало про-

грамму «Обновление застройки», в соответствии с которой проект redevelopment должен содержать 100 и более жилых лотов [4, с. 69]. Основным документом, который определяет территории для реализации программы, является градостроительный план, который проходит обсуждение на уровне городских и областных властей, а затем оценивается жителями обновляемых участков.

Франция реализует национальные программы обновления городов и переквалификации старых деградирующих кварталов, затрагивающие интересы более 7 млн жителей [4, с. 70]. Это один из наиболее масштабных современных европейских проектов.

Основной элемент любой программы реновации — обеспечение баланса интересов города, застройщиков и жителей.

Израильская модель предусматривает следующие элементы [4, с. 69]:

- собственники на 2 года передают девелоперу свое жилье;
- девелопер на это время предоставляет и оплачивает им аренду;
- через 2 года владельцы получают новые квартиры;
- в договоре между девелопером и собственником прописывается площадь на человека, которая предоставляется в новых квартирах;
- для реализации плана необходимо согласие не менее 80 % домовладений;
- собственники вправе заказать альтернативный проект за свой счет, и власти обязаны его рассмотреть.

Гонконгская модель предлагает выбор [1]:

- если владелец живет в квартире сам, он получает рыночную стоимость квартиры и субсидию на приобретение нового жилья (разница между рыночной оценкой условной квартиры-аналога и стоимостью выкупаемой);
- если собственник сдает жилье, сумма субсидии делится пополам;
- альтернатива — новое жилье по схеме «квартира за квартиру» (на выбор: в том же районе либо в специально построенном для переселенцев проекте Kai Tak).

Германский опыт при санации территории предлагал либо смежный район проживания, либо другой. При этом, как отмечает руководитель Департамента градостроительной политики Москвы Сергей Левкин, в Германии применялось временное переселение, тогда как московская модель предполагает предоставление квартир сразу, без маневренного фонда [1].

Анализ финансовых механизмов показывает разнообразие подходов к финансированию реновации (таблица 1).

Особого внимания заслуживает греческая программа «Ремонтирую — сдаю» (2025 год). Схема действует всего

Таблица 1. Сравнительный анализ финансовых моделей реновации

Страна	Источники финансирования	Механизм компенсации	Участие собственников
США (1949–1973)	Бюджетные средства	Переселение за счет бюджета, продажа земли застройщикам	Минимальное
Израиль	Средства девелопера	Аренда за счет застройщика на период строительства, получение новой квартиры	Согласие 80 %
Гонконг	Гибридное (корпорация + девелоперы)	Рыночная стоимость + субсидия либо «квартира за квартиру»	Индивидуальный выбор
Греция	Государственные субсидии	Субсидия до 60 % расходов на ремонт (до €8 тыс.)	Инициативное

полгода, но уже достигла уровня освоения 75,4 % от выделенного бюджета в €50 млн (4.666 одобренных заявок) [5]. Программа рассчитана на владельцев пустующей недвижимости площадью не более 100 м², желающих использовать ее, но не имеющих средств на ремонт. Размер субсидии достигает 60 % (максимум €8 тыс.). По оценкам, в Греции пустует от 700 до 900 тыс. квартир, что делает программу крайне востребованной [5].

Отдельное направление — ревитализация бывших промышленных зон и экстрактивных территорий (шахт, карьеров, заводов).

Как отмечает доцент УрФУ Александр Бурнасов, столкнувшись с кризисом во второй половине XX века, такие регионы, как Рур в Германии или Нор — Па-де-Кале во Франции, превратили индустриальное прошлое в новый капитал [6]. Примечательно, что такая реновация зачастую оказывалась экономически более выгодной, чем снос

инфраструктуры и последующая рекультивация. Среди основных примеров стоит отметить следующие:

— промышленный комплекс Нор — Па-де-Кале внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО;

— в немецком Руре комплекс «Цольферайн» и ландшафтный парк «Дуйсбург-Норд» стали туристическими магнитами и символами успешного преобразования.

Китайский опыт демонстрирует системный подход: с 2005 по 2021 годы министерство земельных ресурсов превратило 88 бывших государственных шахт в национальные горнозаводские парки. Цель такой политики — стимулирование культурных индустрий и туризма, призванных заменить промышленность в качестве якоря локальной экономики [5].

На основе исследования С. В. Колобовой [7] можно выделить определенные различия между зарубежными программами и московской реновацией (таблица 2).

Таблица 2. Сравнительная характеристика отечественного и зарубежных подходов к реновации

Критерий	Зарубежные программы (Европа, Израиль, Гонконг)	Московская программа реновации
Масштаб	Различный, часто точечный или квартальный	Сверхкрупный (5 тыс. домов, 1 млн чел.)
Сроки переселения	С временным проживанием (до 2 лет в Израиле)	Без переселения, сразу в новое жилье
Компенсации	Рыночная стоимость + субсидии / аренда	Равнозначное или равноценное жилье
Участие жителей	Высокое (80 % в Израиле, право на альтернативный проект)	2/3 голосов для включения
Финансирование	Девелоперы / бюджет / гибрид	Бюджет города + внебюджетные источники

Кроме того, в исследовании С. В. Колобовой [7] отмечены положительные и отрицательные факторы реализации программ реновации в европейских городах и в Москве. Так, к положительным факторам европейского опыта отнесены:

- учет интересов жителей и бизнеса;
- возможность выбора формата участия;
- гибкость финансовых механизмов.

В свою очередь к отрицательным факторам автор относит:

- длительность согласований;
- риски недостижения консенсуса;
- высокие транзакционные издержки.

Основная рекомендация исследователей — применение дифференцированного подхода в зависимости от типа города.

Для мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург) предпочтительна московская модель реновации, которая предполагает:

- централизованное планирование;
- бюджетное финансирование;
- крупные масштабы;
- развитие механизмов комплексного развития территорий.

Для средних и малых городов целесообразно применение европейского опыта:

— сохранение исторически ценной малоэтажной застройки;

— стимулирование инициативы собственников (по аналогии с греческой программой);

— использование механизмов софинансирования;

— развитие институтов общественного участия.

Израильский опыт согласования с 80 % домовладений может быть использован при разработке региональных программ реновации. В Москве, как отмечается в постановлении Правительства Москвы от 2024 года, решение о включении дома в программу принимается большинством не менее 2/3 от общего числа собственников [8].

Гонконгская модель «квартира за квартиру» с правом выбора локации и субсидиями уже частично реализована в московской программе, где предусмотрена возможность получения равноценного жилья в том же районе.

Опыт Рура и Нор — Па-де-Кале демонстрирует возможность превращения индустриального наследия в капиталоемкие объекты и точки притяжения. Для России, которая обладает одним из крупнейших в мире «экстрактивных поясов» (индустриальный Урал, Кузбасс, нефтегазовые регионы Западной Сибири), данный опыт особенно актуален [6]. Проблема в том, что в России экстрактивные ландшафты рассматриваются, прежде всего, через призму экологической безопасности, а индустриальное наследие понимается лишь как архитектура, без учета ландшафта. Серьезных национальных программ комплексной рекультивации и реновации пока не существует.

Греческая программа субсидирования ремонта пустующего жилья демонстрирует высокую эффективность при относительно небольших бюджетных затратах. В российских условиях, особенно в регионах с высоким уровнем пустующего жилого фонда, подобный механизм мог бы стать дополнением к программам комплексного развития территорий.

Европейские проекты (drOp, SENSE, IURC) показывают важность вовлечения жителей в процесс реновации на ранних стадиях. Как отмечается в материалах проекта drOp, эффективное участие требует не формальных структур, а гибких подходов: доверие строится постепенно — через небольшие инициативы, последовательную коммуникацию и мероприятия, которые встречаются жителей «там, где они находятся» [9].

Действующее российское законодательство о комплексном развитии территорий (Федеральный закон от 30.12.2020 № 494 [10]) создает основу для реализации крупных проектов, однако нуждается в совершенствовании в части:

— механизмов учета мнения жителей на всех этапах;

— гарантий прав предпринимателей в сносимых домах;

— стимулирования девелоперов к участию в проектах комплексного развития территорий.

Провалы аукционов по проектам комплексного развития территорий в Москве в начале 2026 года свидетельствуют о необходимости пересмотра условий участия застройщиков. Как показывает израильский опыт, привлекательность для девелоперов обеспечивается четким распределением рисков и сроков.

Успешная адаптация зарубежного опыта требует учета российской специфики:

— иного уровня доверия к государственным и муниципальным институтам;

— различных моделей социального поведения;

— иных ожиданий от участия в программах.

Таким образом, проведенный анализ зарубежного опыта реализации программ реновации позволяет сформулировать следующие выводы и рекомендации. Универсальных моделей не существует — успешность программы зависит от ее соответствия конкретным социально-экономическим и градостроительным условиям. Основной фактор успеха — баланс интересов всех участников: города, жителей и инвесторов. Израильская и гонконгская модели демонстрируют различные способы достижения такого баланса. Для российских мегаполисов наиболее релевантна московская модель с элементами израильского опыта (четкие правила взаимодействия с девелоперами) и гонконгского опыта (гибкие схемы компенсации). Для малых и средних городов перспективно применение европейских подходов с акцентом на сохранение исторической застройки, стимулирование инициативы собственников и развитие институтов соучастия. Особого внимания требует ревитализация промышленных территорий. Опыт Рура, Нор — Па-де-Кале и Китая показывает возможность превращения индустриального наследия в драйвер развития, что крайне актуально для уральских, сибирских и дальневосточных регионов России. Необходима разработка национальных программ комплексной рекультивации и реновации экстрактивных территорий, объединяющих усилия экологов, ландшафтных дизайнеров, историков и культурологов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методических рекомендаций по адаптации конкретных зарубежных механизмов в российских регионах с учетом их социально-экономической и градостроительной специфики.

Литература:

1. Глобальный снос. Н. Б. Косарева о программах редевелопмента // Институт экономики города. 28 октября 2025. [Электронный ресурс]. — URL: <https://urbaneconomics.ru/en/node/23787> (дата обращения: 16.03.2026).
2. Никитенко С. Н. Зарубежный опыт реновации жилищного фонда / С. Н. Никитенко // Дискуссия. — 2024. — № 3 (124). — С. 35–40.
3. Денисова Е. Л. Отечественный и зарубежный опыт правового экспериментирования в сфере реновации жилищного фонда / Е. Л. Денисова // Юридическая техника. — 2025. — № 19. — С. 576–580.

4. Руденко Е. В., Юрасова И. И., Дайнеко Л. В. Направления совершенствования программ реновации жилой недвижимости / Е. В. Руденко, И. И. Юрасова, Л. В. Дайнеко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2023. — № 1 (69). — С. 66–73.
5. Греческая программа субсидий на ремонт жилья пользуется огромным спросом [Электронный ресурс]. — URL: <https://prian.ru/news/grecheskaya-programma-subsidiy-na-remont-zhilya-polzuetsya-ogromnym-sprosom.html> (дата обращения: 16.03.2026).
6. Александр Бурнасоев рассказал о мировом опыте и вариантах реновации городов нашей страны [Электронный ресурс]. — URL: <https://creind.urfu.ru/ru/news/?news=56423&cHash=493cbce9779970867e5df4522fe75860> (дата обращения: 16.03.2026).
7. Kolobova S. V. Overview of international and Moscow experience in urban renovation / S. V. Kolobova // Vestnik MGSU. — 2023. — № 5. — P. 757–770.
8. Постановление Правительства Москвы от 08.10.2024 № 2251-ПП «Об Адресной инвестиционной программе города Москвы на 2024–2027 годы» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=247454#28tiCEVNlufWH8ZT> (дата обращения: 16.03.2026).
9. Neighbourhoods in Conversation: Lessons from Spain, Estonia and Italy [Электронный ресурс]. — URL: <https://drop-project.eu/news/neighbourhoods-in-conversation-lessons-from-ermua-and-elva/> (дата обращения: 16.03.2026).
10. Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 1 (часть I). — Ст. 33.

Анализ применения программ реновации для улучшения использования территорий на примере Москвы

Кулькова Дарья Александровна, студент магистратуры
Государственный университет по землеустройству (г. Москва)

В настоящей статье исследуются правовые и практические аспекты реализации программы реновации жилищного фонда в городе Москве как инструмента комплексного развития территорий. На основе анализа официальных данных за 2023–2026 годы выявлены основные тенденции, достижения и проблемы программы. Особое внимание уделено механизмам комплексного развития территорий, статистике переселения, а также причинам срывов отдельных проектов. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики.

Ключевые слова: реновация, комплексное развитие территорий, жилищное право, градостроительство, Москва, переселение, инвестиционная привлекательность.

Analysis of the application of renovation programs to improve land use: the case of Moscow

This article examines the legal and practical aspects of implementing the housing stock renovation program in Moscow as a tool for comprehensive territorial development. Based on an analysis of official data for 2023–2026, the study identifies the program's main trends, achievements, and challenges. Particular attention is paid to mechanisms for comprehensive territorial development, resettlement statistics, and the reasons for the failure of individual projects. Proposals are formulated to improve legal regulation and law enforcement practices.

Keywords: renovation, comprehensive territorial development, housing law, urban planning, Moscow, resettlement, investment attractiveness.

Программа реновации жилищного фонда в городе Москве, утвержденная в 2017 году, является уникальным для Российской Федерации проектом комплексного обновления городской среды. За почти десятилетний период реализации программа претерпела значительную эволюцию: от точечного расселения пятиэтажек первого

периода индустриального домостроения до полноценного механизма комплексного развития территорий, охватывающего бывшие промышленные зоны и неэффективно используемые участки.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления промежуточных итогов

программы, анализа правовых проблем, возникших в ходе ее реализации, и выработки рекомендаций по совершенствованию механизмов комплексного развития территорий в условиях меняющейся экономической конъюнктуры. Целью статьи является комплексный анализ реализации программы реновации в городе Москве за период 2023–2026 годов, включая правовое регулирование, статистические показатели, проблемы правоприменения и перспективы развития.

Нормативную основу программы реновации в городе Москве составляет федеральное и региональное законодательство. Базовым актом является Закон Российской Федерации от 15.04.1993 № 4802–1 «О статусе столицы Российской Федерации» [1] (в редакции Федерального закона от 01.07.2017 № 141), которым были введены статьи 7.3–7.6, регламентирующие реновацию.

Основным событием 2024 года стало принятие постановления Правительства Москвы от 23.10.2024 № 2410–ПП «Об особенностях комплексного развития территории жилой застройки, комплексного развития территории нежилкой застройки при реализации Программы реновации жилищного фонда в городе Москве» [2]. Как отмечается в обзоре законодательства, указанным правовым актом значительно расширена сфера применения: его действие теперь распространяется не только на нежилую, но и на жилую застройку.

Существенные изменения внесены в правовой статус Московского фонда реновации. В соответствии с новеллами 2025–2026 годов Фонд наделен правом заключать не только договоры комплексного развития территорий, но и иные виды договоров на проектирование и строительство, а также вносить изменения в договоры при корректировке решений о комплексном развитии территорий [3]. Важным нововведением стала методика расчета начальной минимальной цены договоров о комплексном развитии территорий: предписывается применение укрупненных показателей стоимости строительства, в том числе при наличии положительного заключения государственной экспертизы. Данная мера направлена на унификацию подходов к ценообразованию и повышение прозрачности торгов [3].

В 2026 году продолжается совершенствование механизмов комплексного развития территорий. Как сообщается в официальных источниках, по поручению мэра Москвы Сергея Собянина реализуется почти 400 проектов комплексного развития территорий общей площадью около 4,5 тысячи гектаров [3].

По состоянию на март 2026 года, с момента запуска программы новые квартиры получили около 85 тысяч столичных семей, что составляет примерно 260 тысяч граждан [4]. Данный показатель демонстрирует устойчивую динамику роста: если к концу 2025 года в переселение было вовлечено около 250 тысяч жителей, то уже в первом квартале 2026 года данный показатель превысил 260 тысяч человек.

Особенно показательной является активность переселения в январе 2026 года. Согласно данным Департамента

городского имущества города Москвы, в первый месяц года договоры на новые квартиры заключили около 3,5 тысяч горожан из 181 старого дома, что в 2 раза больше, чем за аналогичный период 2025 года [5].

Анализ данных о вводе жилья по программе реновации за период 2023–2026 годов позволяет выявить устойчивую тенденцию к наращиванию темпов строительства. Согласно данным столичного управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра), по итогам 2023 года на кадастровый учет был поставлен 61 многоквартирный дом, возведенный в рамках реализации программы реновации. Совокупная площадь зарегистрированных объектов достигла 1,69 млн квадратных метров. Как отмечал руководитель Управления Росреестра по Москве Игорь Майданов, данный показатель превысил результаты 2022 года на 88 тысяч квадратных метров [6].

По сведениям, опубликованным мэрией Москвы, к концу 2025 года программа реновации была реализована более чем на четверть от общего запланированного объема. В течение 2025 года было введено 2,3 млн квадратных метров жилья. Как сообщили в пресс-службе мэрии, 2025 год ознаменовался существенным ускорением темпов реализации программы: за январь–июль было введено порядка 600 тысяч квадратных метров жилья, что составило 10 % от общего объема, выполненного за восемь лет реализации программы [7]. Всего с момента начала программы введено в эксплуатацию 6,2 млн квадратных метров жилья, что позволило приступить к расселению свыше 1300 старых домов [7].

Плановый период 2026–2028 годов характеризуется как этап пиковых значений ввода жилья по программе реновации. Согласно прогнозам, количество граждан, ставших новоселами в рамках программы, превысит 450 тысяч человек. Как отмечал руководитель Департамента строительства Москвы, пиковые значения программы придутся именно на 2026–2028 годы, что соответствует второй волне реализации. Мэр Москвы Сергей Собянин уточнил, что в указанный период планируется построить 8,7 миллиона квадратных метров жилья, благодаря чему новые квартиры получат в 1,5 раза больше москвичей, чем за 3 предшествующих года.

В соответствии с утвержденной периодизацией, программа реновации в Москве реализуется в 3 последовательных этапа:

1. Первый этап (2020–2024 годы) предусматривал переселение порядка 170 тысяч москвичей из 930 домов;
2. Второй этап (2025–2028 годы) рассчитан на начало переезда около 330 тысяч жителей из более чем 1630 домов;
3. Третий этап (2029–2032 годы) планируется начать переселение порядка 380 тысяч москвичей из более чем 1800 домов.

Как пояснял бывший руководитель Департамента градостроительной политики Москвы, на втором и третьем этапах формируются более масштабные площадки для строительства новых «стартовых» домов, а переезжа-

ющие получают более широкие возможности выбора квартир вблизи от места привычного проживания за счет строительства жилья на месте снесенных объектов первого этапа.

Кроме того, по информации руководителя Департамента строительства Москвы, с января 2026 года введено 60 домов жилой площадью более 960 тысяч квадратных метров. Лидерами по вводу стали Северо-Восточный и Юго-Западный административные округа — там готово

по 9 домов [7]. Активно ведется и снос пятиэтажек. Всего демонтировано 325 домов, причем 192 из них снесены с начала 2026 года. До конца года планируется снести еще 20 пятиэтажек с применением технологии «умного» сноса, позволяющей вторично использовать строительные материалы.

Анализ распределения переселяемых семей по административным округам показывает неравномерность реализации программы (таблица 1).

Таблица 1. Количество семей, получивших жилье по программе реновации (по состоянию на март 2026 года) [4]

Административный округ	Количество семей	Доля от общего числа
Восточный округ (ВАО)	15 000	17,6 %
Юго-Восточный округ (ЮВАО)	13 800	16,2 %
Северный округ (САО)	10 000	11,8 %
Прочие округа	46 200	54,4 %
Всего	85 000	100 %

Лидером по числу новоселов является Восточный округ, где новые квартиры получили порядка 15 тысяч семей. Вторую строчку занимает Юго-Восточный округ (почти 13,8 тысяч семей), замыкает тройку лидеров Северный округ (более 10 тысяч новоселов). В сентябре 2025 года наиболее активно переселение шло на западе Москвы (795 участников программы), на северо-востоке (почти 700 человек) и на востоке (около 630 москвичей).

Проект комплексного развития территорий в бывшей промзоне «Братцево». Одним из наиболее показательных примеров комплексного развития территорий является строительство нового городского квартала «Инджой» в Войковском районе на севере Москвы. В бывшей промзоне «Братцево» продолжается возведение квартала, где всего планируется возвести 550 тысяч квадратных метров недвижимости, включая жилые новостройки и объекты инфраструктуры [8]. Уже готов монолит многосекционного жилого комплекса в рамках первой очереди на 1506 квартир, ведутся фасадные работы. Особое внимание уделяется созданию парковочных мест: в подземном уровне комплекса будет оборудовано 575 машино-мест. Застройщиком проекта выступает федеральная девелоперская компания «Талан» [8].

Жилой комплекс в Покровском-Стрешнево. В феврале 2026 года введена в эксплуатацию первая очередь городского квартала рядом с парком Покровское-Стрешнево — 30-этажный дом на 330 квартир общей площадью почти 30 тысяч квадратных метров. На подземном уровне

оборудован паркинг для 70 автомобилей и кладовые [9]. Девелопером комплекса выступает компания FORMA. Корпус № 1 входит в состав ЖК Moments, в котором параллельно возводится вторая очередь — 3 дома на 1268 квартир. Реализация квартир ведется с использованием счетов эскроу в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2004 № 214.

По информации на начало 2026 года, в работе находится 430 объектов реновации: в проектировании — более 200, еще свыше 230 — в строительстве. Наиболее активные работы ведутся на востоке столицы: там строится 56 объектов.

В районе Войковский на улице Нарвская уже построены 2 жилых комплекса (342 квартиры общей площадью почти 19 тысяч квадратных метров), а также освобожден участок для строительства еще одной новостройки площадью около 21,8 тысячи квадратных метров, что позволит переселить примерно 800 москвичей [7].

Несмотря на общую позитивную динамику, в 2026 году выявлены серьезные проблемы с реализацией масштабных проектов комплексного развития территорий в центральной части города (таблица 2).

Как было установлено, на аукцион по комплексному развитию территории, охватывающий улицы Русаковская, Леснорядская и Посланников переулок, поступила всего 1 заявка от компании «Монарт Строй», однако она не была допущена к участию в торгах. Еще более тревожная ситуация сложилась с аукционом на Варшавском

Таблица 2. Проблемные аукционы по комплексному развитию территорий (январь 2026 года) [10]

Лот	Характеристики	Минимальный объем инвестиций	Результат
Русаковская, Леснорядская, Посланников переулок	80 тыс. кв. м жилья	10,6 млрд руб.	1 заявка (отклонена), торги не состоялись
Варшавское шоссе, Нагатинская	37 тыс. кв. м жилья	4,6 млрд руб.	0 заявок, торги не состоялись

шоссе и улице Нагатинская — не поступило ни одной заявки [10].

Провал аукционов по 2-м масштабным лотам в январе 2026 года выявил системную проблему: при существующих условиях крупные девелоперы не готовы участвовать в проектах комплексного развития территорий в центре города. Эксперты связывают низкую активность строительных компаний с рядом факторов:

- ужесточение требований к участникам торгов;
- высокая стоимость реализации проектов;
- экономические риски, связанные с макроэкономической ситуацией;
- неопределенность в части изменений законодательства [10].

В профессиональном сообществе отмечают, что для успешной реализации программы реновации необходима не только поддержка города, но и создание привлекательных условий для бизнеса.

В марте 2026 года мэр Москвы Сергей Собянин объявил о мерах по оптимизации бюджетных расходов. Планируется сократить 15 % государственных гражданских служащих органов правительства, а также на 10 % урезать бюджет на инвестиционные программы [11]. Причина внезапной экономии — недостаточный рост доходов. По итогам 2-х месяцев 2026 года Москва заработала существенно меньше, чем ожидалось: бюджет увеличился лишь на 2 % вместо запланированных 6,5 % [11]. Однако согласно официальным заявлениям, реновация, строительство метро и другие ключевые проекты будут реализованы в запланированные сроки. Как подчеркнул Сергей Собянин, принятые меры позволят гарантировать сохранение высоких московских стандартов предоставления услуг и реализацию стратегических мероприятий развития города [11].

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить следующие проблемы:

1. Сложность взаимодействия с правообладателями нежилых помещений. Внесение изменений в законодательство о реновации в 2017 году предусматривало механизмы защиты прав предпринимателей, арендующих первые этажи в сносимых домах, однако на практике возникают споры о размере компенсации;

2. Необходимость корректировки договоров комплексного развития территорий. Расширение полномочий Московского фонда реновации по внесению изменений в договоры при корректировке решений о комплексном развитии территорий свидетельствует о том, что первоначальные параметры проектов нередко требуют пересмотра;

3. Проблема информирования жителей. Несмотря на активную работу центров информирования, отдельные группы граждан выражают недоверие к программе и опасаются нарушения своих прав.

В целях повышения инвестиционной привлекательности проектов комплексного развития территорий целесообразно рассмотреть следующие меры:

— пересмотреть методики расчета начальной цены договоров с учетом реальной рыночной конъюнктуры, а не только укрупненных показателей стоимости строительства;

— снизить административные барьеры для участников торгов, включая упрощение требований к предквалификации;

— предоставить дополнительные преференции застройщикам, реализующим проекты в центральной части города (налоговые льготы, технические условия подключения к сетям).

Поправки к закону о реновации, принятые Госдумой в 2017 году, предусмотрели возможность выхода дома из программы до начала расселения. Однако на практике сохраняется потребность в совершенствовании механизмов учета мнения жителей на всех этапах реализации программы. Перспективным направлением является синхронизация программы реновации с развитием транспортной инфраструктуры, строительством социальных объектов и созданием новых рабочих мест. Как показывает практика квартала «Инджой» в Войковском районе, комплексный подход позволяет создавать полноценные городские пространства, гармонично интегрированные в окружающую застройку.

Таким образом, проведенный анализ реализации программы реновации в городе Москве за период 2023–2026 годов позволяет сделать следующие выводы. Программа демонстрирует устойчивую положительную динамику. Количество переселенных семей достигло 85 тысяч, введено 288 домов, активно ведется снос пятиэтажек с применением технологий вторичной переработки материалов. **Правовое регулирование программы развивается в направлении расширения инструментов комплексного развития территорий.** Принятие постановления № 2410-ПП, расширение полномочий Московского фонда реновации, внедрение методики расчета на основе укрупненных показателей стоимости строительства создают основу для более эффективной реализации проектов. Выявлены системные проблемы, которые требуют решения. Провал аукционов по крупным лотам в центре Москвы свидетельствует о необходимости пересмотра условий участия застройщиков в проектах комплексного развития территорий. Бюджетные ограничения требуют оптимизации расходов без снижения темпов реализации программы. Успешные проекты демонстрируют эффективность комплексного подхода. Кварталы «Инджой» в Войковском районе и ЖК Moments в Покровском-Стрешнево являются примерами создания современной городской среды на месте бывших промзон и неэффективно используемых территорий. Дальнейшее совершенствование программы реновации должно быть направлено на поиск баланса между публичными интересами (обновление городской среды, выполнение социальных обязательств) и интересами частного бизнеса (обеспечение рентабельности инвестиционных проектов). Только при соблюдении указанного баланса возможно достижение целей программы — создания комфортной городской среды и улучшения жилищных условий москвичей.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 15.04.1993 № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. — 1993. — № 19. — Ст. 683.
2. Постановление Правительства Москвы от 23.10.2024 № 2410-ПП «Об особенностях комплексного развития территории жилой застройки, комплексного развития территории нежилой застройки при реализации Программы реновации жилищного фонда в городе Москве» // Вестник Москвы. — 2024. — № 60.
3. Постановление Правительства Москвы от 09.02.2026 № 130-ПП «О внесении изменений в правовые акты города Москвы» // Вестник Москвы. — 2026. — № 9.
4. Около 85 тысяч семей в Москве получили квартиры по реновации // АБН24. 2 марта 2026. [Электронный ресурс]. — URL: <https://abnews.ru/center/news/msk/2026/3/2/okolo-85-tysyach-semej-v-moskve-poluchili-kvartiry-po-renovaczii> (дата обращения: 17.03.2026).
5. Около 3,5 тыс. москвичей получили квартиры в новостройках по реновации в январе // Информационный Центр Правительства Москвы. 9 марта 2026. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3536992> (дата обращения: 17.03.2026).
6. Росреестр назвал округа Москвы — лидеры по вводу домов по реновации [Электронный ресурс]. — URL: <https://realty.rbc.ru/news/65a4efb09a794784d15458e8?from=copу> (дата обращения: 17.03.2026).
7. В Москве ускоряется программа ввода жилья по реновации [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2025/08/09/v-moskve-uskoriaetsia-programma-vvoda-zhilia-po-renovacii.html> (дата обращения: 17.03.2026).
8. Овчинский: 500 машино-мест появится в Войковском районе по программе КРТ [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.vesti.news/ovchinskii-500-mashinomest-poyavitsya-voikovskom-raione-26031410070039.htm> (дата обращения: 17.03.2026).
9. Первая очередь городского квартала рядом с парком Покровское-Стрешнево введена в эксплуатацию. 03.02.2026. [Электронный ресурс]. — URL: <https://mperspektiva.ru/topics/pervaya-ochered-gorodskogo-kvartala-ryadom-s-parkom-pokrovskoe-streshnevo-vvedena-v-ekspluatatsiyu/> (дата обращения: 17.03.2026).
10. Фонд реновации не нашел застройщиков для крупных проектов КРТ в Москве [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.restate.ru/material/fond-renovacii-ne-nashel-zastroyschikov-dlya-krupnyh-proektov-krt-v-moskve-183642.html> (дата обращения: 17.03.2026).
11. До 1 июня Москва уволит часть бюджетников из правительства, а также снизит расходы на благоустройство и праздники. С таким заявлением выступил столичный мэр Сергей Собянин. [Электронный ресурс]. — URL: <https://msk1.ru/text/gorod/2026/03/04/76294682/> (дата обращения: 17.03.2026).

Особенности подбора персонала в транспортно-экспедиторских компаниях

Мацкевич Яна Георгиевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

В статье автор исследует современные вызовы и инновационные подходы в подборе персонала транспортно-экспедиторских компаний.

Ключевые слова: подбор персонала, автоматизация найма, инновационные методы рекрутинга.

Подбор персонала в транспортно-экспедиторских компаниях сегодня сталкивается с рядом серьезных вызовов, которые существенно влияют на эффективность работы всей отрасли. Первое и, пожалуй, самое очевидное препятствие — это дефицит квалифицированных специалистов. По мнению К. А. Самойловой, в рыночной экономике от уровня и качества профессионализма персонала зависит, выживут и будут ли стабильно существовать и осуществлять деятельность многие российские организации. [6].

В условиях стремительного роста рынка и усложнения логистических процессов спрос на профессионалов значительно превышает предложение. Это создает жесткую

конкуренцию между компаниями за талантливых сотрудников и вынуждает HR-отделы искать нестандартные подходы к привлечению и удержанию кадров.

Следующий важный вызов — быстро меняющиеся требования к компетенциям. Логистика перестает быть просто перевозкой и хранением грузов. Сегодня это сложная система, включающая цифровые технологии, автоматизацию и аналитические инструменты. Соответственно, сотрудники должны обладать не только базовыми навыками, но и умением работать с современными ИТ-системами, адаптироваться к новым технологиям и быстро обучаться. Это требует от рекрутеров глубокого по-

нимания отрасли и постоянного обновления критериев отбора.

Еще один фактор, который нельзя игнорировать, — высокая текучесть кадров. Логистические компании часто сталкиваются с проблемой удержания сотрудников из-за специфики работы: сменный график, высокая нагрузка, стрессовые ситуации. Это приводит к дополнительным затратам на повторный подбор и обучение новых специалистов, снижая общую производительность и стабильность команды.

Немаловажным вызовом является и региональная специфика. В разных регионах страны уровень развития инфраструктуры, доступность квалифицированных кадров и экономические условия сильно различаются. Логистическим компаниям приходится адаптировать свои стратегии найма под локальные реалии, что требует гибкости и дополнительных ресурсов.

Ключевые требования к сотрудникам транспортно-экспедиторских компаний

В современной логистической индустрии наблюдается тенденция к активному переходу компаний на модель работы полного цикла, предполагающую создание мультифункциональных команд, где один специалист выполняет сразу несколько ключевых функций: привлечение клиентов, продажа услуг, организация логистических процессов, поиск транспортных средств, работа с документооборотом и т. д. Такой подход существенно повышает эффективность взаимодействий, обеспечивая непрерывность коммуникации и снижение вероятности потерь клиентов из-за разрывов в цепочке обслуживания, что, в свою очередь, способствует росту возвращаемости заказчиков.

Однако внедрение многофункциональных ролей существенно усложняет задачу подбора квалифицированного персонала. Обучение такого сотрудника требует комплексных усилий, поскольку необходимо не только сформировать широкий спектр профессиональных компетенций, но и развить его адаптивные и межличностные навыки.

Решения и инновации в процессах найма

Поэтому традиционные методы найма в логистических компаниях уже не всегда отвечают современным требованиям рынка. Сегодня инновации становятся ключом к успешному подбору персонала. Во-первых, автоматизация и цифровизация процесса найма существенно по-

вышают его эффективность. Например, использование специализированных платформ с искусственным интеллектом позволяет быстро отсеивать неподходящих кандидатов, фокусируясь на тех, кто максимально соответствует требованиям. Это экономит время рекрутеров и снижает вероятность ошибок при оценке.

Рассмотрим применение геймификационных методов в рамках процесса оценки и отбора кандидатов. Через игровые сценарии можно проверить реакцию на стресс, способность к командной работе и решение нестандартных задач — именно те качества, которые ценятся в логистике. Такой подход делает процесс найма более интерактивным и привлекательным для молодых специалистов.

Следующий важный момент — использование аналитики больших данных. Компании начинают анализировать не только резюме, но и поведенческие паттерны, результаты тестов и даже социальные сети, чтобы получить комплексное представление о кандидатах. Это помогает прогнозировать, насколько кандидат будет успешен в долгосрочной перспективе, снижая текучесть кадров.

Также, следует подчеркнуть существенную роль формирования и развития корпоративного бренда работодателя. Привлекательный имидж компании помогает привлечь лучших специалистов. Современные решения включают активное использование социальных сетей, видео-историй сотрудников и виртуальных туров по рабочим местам. Это создает эмоциональную связь и повышает лояльность.

В заключение можно сказать, что современная транспортно-экспедиторская отрасль сталкивается с множеством вызовов, обусловленных изменениями рынка, технологическим прогрессом и региональными особенностями. Для повышения эффективности управления кадровыми ресурсами требуется не только улучшение устоявшихся методов подбора и удержания сотрудников, но и активное применение инновационных технологий, включая автоматизацию, искусственный интеллект и анализ больших данных. Особое значение приобретает создание мультифункциональных команд, что предъявляет повышенные требования к компетенциям и межличностным навыкам сотрудников, а также требует гибкости адаптации в условиях региональных различий. Важнейшую роль играет формирование привлекательного корпоративного бренда, способного привлечь талантливых специалистов и повысить их лояльность. В целом, интеграция современных цифровых решений и стратегий позиционирования становится ключевым фактором конкурентоспособности компаний в условиях быстроразвивающейся логистической среды.

Литература:

1. Бизюкова, И. В. Кадры управления: подбор и оценка: учеб. пособие / И. В. Бизюкова — М.: Экономика, 2008. — 112 с.
2. Робертс, Г. Рекрутмент и отбор: подход, основанный на компетенциях / Г. Робертс., [пер. с англ. Л. Зайко]. — М.: НИРО, 2010. — 278 с.

3. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А. Я. Кибанова. — 4-е изд., доп. и перераб. — Москва: ИНФРА-М, 2021. — 695 с.
4. Клеткина Н. В. Актуальность и методы отбора персонала. Проблемы и пути их решения // Научный журнал. — 2017. — № 1 (14). — С. 46–50.
5. Резникова О. С. Роль найма и отбора персонала в организации // Молодой ученый. — 2017. — № 8. — С. 189–191.
6. Самойлова К. А. Теоретические подходы к проблеме отбора персонала в организации и пути ее решения // Гуманитарный научный журнал. — ФГБОУ ВО «СНИГУ». Саратов, 2018. — № 1 — С. 121–123.

Факторы повышения эффективности финансовых потоков в малом бизнесе

Сасык Артемий Владимирович, студент магистратуры;
Богданова Алена Алексеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются ключевые факторы повышения эффективности управления финансовыми потоками в малом бизнесе. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий, организационных решений и отраслевой специфики на формирование устойчивых денежных потоков. Предложена систематизация факторов и модель их влияния на финансовую устойчивость предприятия.

Ключевые слова: финансовые потоки, эффективность управления, ликвидность, цифровые технологии.

Эффективное управление финансовыми потоками является одним из ключевых условий устойчивого функционирования малого бизнеса. В условиях нестабильной экономической среды, высокой конкуренции и ограниченного доступа к финансовым ресурсам малые предприятия особенно уязвимы к кассовым разрывам, снижению ликвидности и росту финансовых рисков.

Финансовые потоки отражают движение денежных средств предприятия и напрямую связаны с его платежеспособностью, инвестиционной активностью и рентабельностью. Для малого бизнеса характерны такие особенности, как ограниченность финансовых резервов, высокая зависимость от внешних факторов и недостаточная автоматизация управленческих процессов.

В современных условиях цифровизации экономика открывает новые возможности для повышения эффективности управления финансовыми потоками. Использование информационных технологий позволяет повысить прозрачность финансовых операций, улучшить планирование и снизить издержки.

Финансовые потоки представляют собой совокупность поступлений и выплат денежных средств, возникающих в процессе хозяйственной деятельности предприятия, которые включают в себя операционные, инвестиционные и финансовые потоки.

Эффективность финансовых потоков определяется:

1. их сбалансированностью;
2. синхронизацией поступлений и платежей;
3. способностью обеспечивать текущую и долгосрочную платежеспособность.

Факторы можно разделить на три основные группы:

1. Внутренние факторы, связаны с организацией деятельности предприятия, включают в себя структуру затрат, систему финансового планирования, уровень управленческого учета, классификацию персонала, управление дебиторской и кредиторской задолженностью.
2. Внешние факторы определяются окружающей экономической средой: уровень инфляции, налоговую политику, доступность кредитных ресурсов, государственную поддержку.
3. Технологические факторы связаны с внедрением цифровых решений, автоматизация учета, использование ERP-систем, цифровые платежные инструменты.

Внедрение цифровых технологий позволяет повысить прозрачность финансовых операций, ускорить движение денежных средств и снизить транзакционные издержки.

Одним из ключевых направлений цифровизации является автоматизация финансового учета. Использование специализированных программных продуктов обеспечивает оперативное отражение хозяйственных операций, минимизирует ошибки, связанные с человеческим фактором.

Таблица 1. Классификация факторов

Группа факторов	Содержание	Влияние
Внутренние	управление, учет, затраты	прямое
Внешние	рынок, государство	косвенное
Технологические	цифровизация	усиливающее

Важную роль играет внедрение ERP-систем и CRM-систем, которые позволяют интегрировать финансовые и производственные процессы предприятия. Благодаря этому достигается синхронизация денежных потоков, сокращаются временные лаги между поступлениями и выплатами, а также повышается управляемость дебиторской и кредиторской задолженностью.

Цифровые платежные инструменты обеспечивают ускорение финансовых операций, снижение издержек на проведение платежей и повышение ликвидности предприятия.

Кроме того, развитие технологических решений расширяет доступ малого бизнеса к альтернативным источникам финансирования, включая краудфандинг и онлайн-кредитование.

Особое значение имеет применение аналитических цифровых инструментов, основанных на обработке больших данных. Они позволяют прогнозировать денежные потоки, выявлять риски кассовых разрывов и оптимизировать финансовое планирование. В результате повышается финансовая устойчивость предприятия и его способность адаптироваться к изменениям внешней среды.

Таблица 2. Влияние цифровизации

Инструмент	Эффект
ERP-система	интеграция финансов
CRM-система	контроль поступлений
Аналитика	прогнозирование

Модель повышения эффективности финансовых потоков в малом бизнесе основывается на системном подходе и предполагает интеграцию организационных, финансовых и цифровых инструментов управления. В отличие от традиционных подходов, ориентированных преимущественно на учет уже совершенных операций, данная модель направлена на управление денежными потоками, которая включает планирование, прогнозирование и оперативную корректировку.

В рамках модели финансовые потоки рассматриваются как динамическая система, эффективность которой определяется не только объемом поступлений и выплат, но и их синхронизацией во времени, стоимостью привлеченных ресурсов и уровнем цифровой зрелости предприятия. Центральным элементом модели является управление чистым денежным потоком — формула (1), который отражает конечный финансовый результат движения денежных средств и рассчитывается как разница между входящими и исходящими потоками за определенный период.

$$NCF = \sum_{t=1}^n (CIF_t - COF_t) \tag{1}$$

- где (NCF) — чистый денежный поток;
- (CIF_t) — денежные поступления в периоде (t);
- (COF_t) — денежные выплаты;
- (n) — количество анализируемых периодов.

Эффективность финансовых потоков в рамках модели предлагается оценивать на основе системы взаимосвязанных показателей. К ключевым из них относятся коэффициент текущей ликвидности, характеризующий способность предприятия покрывать краткосрочные обязательства; коэффициент оборачиваемости денежных средств, отражающий скорость их обращения; а также уровень рентабельности, показывающий способность генерировать прибыль на вложенный капитал. Дополнительно вводится показатель синхронизации денежных потоков, который может

быть определен как отношение средневзвешенного периода поступлений к периоду выплат. Его значение, близкое к единице, свидетельствует о сбалансированности финансовых потоков и отсутствии кассовых разрывов.

Особое место в модели занимает цифровой компонент, который усиливает эффективность традиционных инструментов управления. Внедрение информационных систем позволяет автоматизировать учет денежных потоков, повысить точность расчетов и обеспечить оперативный доступ к аналитической информации. Это способствует снижению временных лагов между возникновением финансовых операций и их отражением в системе управления, что, в свою очередь, повышает обоснованность принимаемых решений.

Механизм функционирования модели предполагает последовательную реализацию этапов диагностики, оптимизации и цифровизации. На первом этапе проводится анализ текущего состояния финансовых потоков, выявляются узкие места, такие как высокая дебиторская задолженность или неэффективная структура затрат. На втором этапе осуществляется оптимизация финансовых процессов за счет внедрения бюджетирования, совершенствования управления расчетами и повышения дисциплины платежей. На третьем этапе реализуется цифровая трансформация, включающая внедрение ERP- систем и аналитических систем, обеспечивающих интеграцию данных и прогнозирование денежных потоков.

Результатом применения модели является повышение финансовой устойчивости предприятия, выражающееся в росте чистого денежного потока, снижении вероятности кассовых разрывов и повышении ликвидности. Кроме того, достигается ускорение оборота денежных средств и снижение зависимости от внешнего финансирования. Таким образом, предложенная модель обеспечивает комплексное повышение эффективности финансовых потоков малого бизнеса за счет сочетания организационных, финансовых и цифровых факторов.

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики. Малое и среднее предпринимательство в России: статистический сборник. — М.: Росстат, 2024.
2. Министерство экономического развития Российской Федерации. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года. — М., 2023.
3. Фролова В. Б. Влияние цифровых технологий на развитие финансового менеджмента корпораций. — 2020.

Совершенствование экономического механизма деятельности учреждений дополнительного образования на примере ГАУ ДО РС(Я) ЦОиОД «Сосновый бор»

Сергеева Намыына Семеновна, студент
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты совершенствования экономического механизма деятельности учреждений дополнительного образования на примере ГАУ ДО РС(Я) ЦОиОД «Сосновый бор». Проведён комплексный анализ финансового состояния учреждения за 2023–2025 годы, выявлены ключевые тенденции развития, определены основные направления повышения эффективности его работы. Особое внимание уделено анализу структуры расходов, источников финансирования, а также роли государственных субсидий и внебюджетных поступлений. В рамках практической части разработаны мероприятия по оптимизации затрат, модернизации образовательных процессов, развитию платных образовательных услуг и внедрению системы KPI для мониторинга эффективности.

Ключевые слова: экономический механизм, учреждение дополнительного образования, финансовое состояние, анализ деятельности, оптимизация затрат, модернизация процессов, платные образовательные услуги.

В условиях трансформации российской экономики и роста конкуренции на рынке образовательных услуг вопросы повышения эффективности деятельности учреждений дополнительного образования приобретают особую актуальность. Современные вызовы требуют не только анализа текущего экономического состояния, но и разработки комплекса мероприятий, направленных на устойчивое развитие, диверсификацию источников финансирования и внедрение инновационных образовательных технологий. В этом контексте исследование экономического механизма деятельности ГАУ ДО РС(Я) ЦОиОД «Сосновый бор» представляет значительный научный и практический интерес.

Экономический механизм учреждения дополнительного образования определяется как совокупность управленческих, финансовых и организационных инструментов, обеспечивающих достижение стратегических целей при оптимальном использовании ресурсов. В научной литературе отмечается, что эффективность работы учреждения выражается в соотношении достигнутых результатов к затраченным ресурсам, а также в способности адаптироваться к изменениям внешней среды.

Для оценки экономического состояния применяются следующие методы анализа:

Горизонтальный анализ — сравнение показателей за ряд периодов для выявления динамики.

Вертикальный анализ — определение структуры активов, обязательств, доходов и расходов.

Коэффициентный анализ — расчёт и сравнение финансовых коэффициентов с нормативами.

Трендовый и сравнительный анализ — выявление тенденций и сопоставление с аналогичными организациями.

Ключевыми показателями эффективности выступают рентабельность продаж, активов, собственного капитала, а также показатели платежеспособности и финансовой устойчивости. Анализ этих индикаторов позволяет выявлять резервы для повышения эффективности и принимать обоснованные управленческие решения.

Учреждение реализует образовательные программы дошкольного и дополнительного образования, а также организует отдых и оздоровление детей. За 2023–2025 годы наблюдается устойчивый рост основных финансовых показателей: выручка увеличилась с 87,7 млн руб. до 380,2 млн руб., валовая прибыль — с 1,8 млн руб. до 6,6 млн руб., чистая прибыль — с 0,58 млн руб. до 2,87 млн руб. Это свидетельствует о повышении эффективности использования ресурсов и укреплении финансовой устойчивости.

Анализ структуры расходов показал, что наибольший удельный вес занимают фонд оплаты труда (66 %) и хозяйственные расходы (32 %). Финансирование осуществляется за счёт государственных субсидий (170,2 млн руб. в 2024 году), целевых субсидий (26,3 млн руб.) и внебюджетных поступлений (64,5 млн руб.).

На основе анализа разработаны следующие направления совершенствования:

Оптимизация затрат: внедрение бережливого производства, автоматизация процессов, пересмотр инвестиционных и операционных расходов.

Модернизация образовательных процессов: внедрение интерактивных методов обучения, развитие цифровых платформ.

Развитие платных образовательных услуг: создание новых курсов, ориентированных на потребности детей и родителей, в том числе курса по изучению китайского языка с использованием игровых технологий.

Внедрение системы KPI: для мониторинга эффективности реализуемых мероприятий и оперативного реагирования на отклонения.

В качестве примера представлен бизнес-план курса по изучению китайского языка для детей. Проект предусматривает разработку онлайн-курсов, интерактивных игр, вебинаров для родителей и мобильного приложения. Прогноз доходов на первый год — 1 115 000 руб., расходов — 1

050 000 руб., прибыль — 65 000 руб. Особое внимание уделено маркетинговой стратегии и мерам по минимизации рисков (высокая конкуренция, технологические и финансовые риски).

Проведённое исследование демонстрирует, что системный подход к анализу и совершенствованию экономического механизма способствует устойчивому развитию учреждения, росту эффективности и достижению стратегических целей. Предложенные рекомендации могут быть использованы управленческими службами для повышения финансовой устойчивости, расширения спектра услуг и укрепления конкурентных позиций на рынке дополнительного образования.

Реализация комплекса мероприятий позволит не только улучшить экономические показатели, но и повысить качество образовательных услуг, удовлетворяя растущие запросы общества и способствуя формированию новых стандартов в сфере дополнительного образования.

Литература:

1. Магистерская диссертация Сергеевой Н. С. «Совершенствование экономического механизма деятельности учреждений дополнительного образования (на примере ГАУ ДО РС(Я) ЦОиОД «Сосновый бор»», Якутск — 2026.
2. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / Пер. с англ. — М.: Дело, 2021.
3. Шеремет А. Д., Старовойтова Е. В. Бухгалтерский учёт и анализ: учебник / под общ. ред. проф. А. Д. Шеремета. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2022.
4. Ковалёв В. В., Волкова О. Н. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. — М.: ПБОЮЛ Гриженко Е. М., 2023.

Сравнительный анализ организационной структуры девелоперских компаний в мире

Спасов Александр Валентинович, кандидат экономических наук, директор
ООО «Лайт Девелопмент» (г. Краснодар)

В статье автор исследует особенности организационных структур девелоперов на развитых строительных и девелоперских рынках США, Китая, ОАЭ и ЕС.

Ключевые слова: девелопмент, организационная структура, холдинг, государственная поддержка.

Формирование организационной структуры девелоперской компании осуществляется с учетом особенностей ведения строительного бизнеса в разных странах, а именно:

- особенностей законодательного регулирования бизнеса;
- требований к девелоперским компаниям и их бизнес-процессам;
- наличия государственной поддержки отрасли;
- требований и ограничений для холдинговых структур при работе в строительстве;
- особенностей сложившихся организационных структур крупнейших строительных компаний данного рынка.

В качестве объектов анализа выбраны девелоперские компании наиболее развитых с точки зрения строительного рынка стран, а именно — США, Китай, ОАЭ и Европейского союза.

По данным Multifamily Finance [10] в США можно выделить следующие ключевые особенности ведения строительного бизнеса:

1. Строительный рынок регулируется в основном на уровне штатов и городов с обязательным лицензированием деятельности. Все крупные строительные проекты проходят дополнительную экспертизу при наличии строительного комплаенса.
2. Компании обязательно должны соблюдать федеральные и местные (отдельных штатов) строительные

нормы (IBC, LEED), применяются высокие стандарты корпоративного управления, обязательны страхование деятельности и аудит на всех этапах работы компании, обязательная открытая отчетность для биржевых компаний.

3. Основная государственная поддержка — финансирование доступного жилья и инфраструктурных проектов, а также налоговые льготы и отдельные программы ФНА и LINTC. Наиболее широко используются в качестве поддержки налоговые инструменты и субсидии для частных компаний.

4. В холдингах в основном преобладает вертикальная интеграция с наличием собственных строительных, управляющих, девелоперских и инвестиционных подразделений. Очень часто холдинги в США мультинациональны. Высок акцент на прозрачности и диверсификации через специализацию на разных типах строительных проектов.

Среди основных мер правовой защиты и нормативных требований к девелоперам в США следует отнести (по классификации Attorneys Media [2] с учетом классификации законодательства США в девелопменте от Phuket Buy House [11]):

1. Федеральные правила, среди которых следует выделить закон о справедливом жилье, закон о чистой воде и закон о безопасности и гигиене труда (OSHA).

2. Локальные нормативные акты, такие как местные законы о зонировании и землепользовании, строительные нормативы и экологические правила.

3. Разрешения на строительство и лицензирование строительной деятельности (включая экологические разрешения и разрешения на проживание).

4. Соблюдение строительных норм и правил, регулярные осмотры и инспекции с окончательной проверкой объекта по завершении проекта.

5. Существенные денежные штрафы, а также приказы о прекращении работы или ее ограничении по результатам инспекций, а также дорогие юридические услуги для защиты от обвинений в сторону девелопера.

6. Уголовная ответственность за мошенничество и взяточничество, создание угрозы общественной безопасности, ущерб репутации.

Несмотря на множество ограничений, с точки зрения законодательства США предусмотрена высокая гибкость бизнес-структур, выражающаяся в свободном выборе организационной формы, высоком уровне независимости и возможности привлечения зарубежных инвестиций без каких-либо ограничений.

Вся государственная поддержка в США осуществляется косвенно, в основном через денежно-кредитную политику ФРС, которая влияет на ипотечные ставки. Кроме того, существуют программы для субсидирования жилья для малоимущих, но они не играют ключевой роли в деятельности крупных девелоперов.

Основной фокус при контроле девелоперов в США сосредоточен на финансовой прозрачности и строгом соблюдении строительных контрактов, а все бизнес-процессы девелоперов ориентированы на минимизацию

рисков через детальное юридическое сопровождение каждого этапа. Стандартной практикой девелоперов является создание SPV (Special Purpose Vehicle) для каждого отдельного проекта, что позволяет изолировать риски и упростить привлечение инвестиций девелоперами.

В Китае можно выделить следующие ключевые особенности ведения строительного бизнеса:

1. Сильное регулирование бизнеса через государственное лицензирование, контроль за земельными участками, строгие антимонопольные и ценовые ограничения, нормативы корпоративного права в отношении компаний. Данные факты подтверждаются анализом ТОП 10 компаний Китая [7] и примерами официальных публикаций на сайтах крупных девелоперов, например Shanghai Tower Construction and Development Co [12].

2. Все крупные холдинги Китая обязаны иметь генеральную лицензию, сертификацию их квалификаций, а также соблюдать обязательный аудит бизнес-процессов. Очень широко распространено участие государства и городских корпораций в структуре девелоперов.

3. Государственная поддержка в основном приоритете через значительное госучастие в компании, льготное финансирование проектов, возможности получения земли по постановлению государства и иная поддержка крупных девелоперов на государственном уровне (Vanke [8], Shanghai Tower Construction and Development Co [12]).

4. Все корпоративные структуры Китая, по своей сути, строятся вокруг государственного, финансового и девелоперского ядер, часто в виде холдинга с дочерними компаниями по функциям: инвестирование, эксплуатация, строительство, продажи, управление недвижимостью с централизованным управлением и системой KPI, чётким контролем акционеров/участников со стороны властей.

При этом, вне зависимости от отрасли, для ведения бизнеса в Китае существует обязательный для соблюдения набор правовых норм (подборка сделана на основе информации Global People Strategist [9]):

1. Возможно всего несколько организационно-правовых форм компаний: предприятие со 100 %-ным иностранным капиталом (WFOE), совместное предприятие (СП), представительство (ПП), отечественная компания с ограниченной ответственностью (ООО).

2. Одобрение иностранных инвестиций производится государством, как и выдача отраслевых лицензий, разрешений на соблюдение экологических норм и лицензий на электронную коммерцию.

3. В Китае строго соблюдается защита интеллектуальной собственности: регистрация товарного знака, патентная защита, регистрация авторских прав.

4. Важное место занимает закон о защите персональных данных (PIPL) в котором предусмотрены ограничения на трансграничную передачу данных и очень много нормативов подлежащих строгому контролю.

5. При привлечении иностранных инвестиций компании сталкиваются с жесткими правилами валютного регулирования.

При начале любого строительного проекта в Китае, согласно данным международной юридической компании DLA Piper [6], следует также учитывать, что все основные требования едины на национальном уровне (закон о земельном и строительном праве), но все этапы строительства подлежат согласованию с городскими и провинциальными властями (ситуация идентично на ведение строительных проектов в РФ). Каждый проект должен иметь подробное технико-экономическое обоснование, предварительное согласование с планировочными, экологическими и жилищными департаментами. Обязательно получение разрешений на использование земли, строительства и изменений целевого назначения участка, а также лицензирование непосредственно деятельности самой строительной компании. Девелоперы обязательно должны учитывать государственные пятилетние планы, направленные на урбанизацию и развитие инфраструктуры, а крупные компании часто являются государственными предприятиями или тесно с ними связаны. Это обеспечивает единую стратегию развития жилищного строительства в Китае.

В Китае весь девелоперский сектор тесно связан с государством, которое играет ключевую роль как регулятор и как крупнейший заказчик. Рынок находится под жёстким государственным контролем. Регулирование может резко меняться в соответствии с политическими целями, например, для борьбы со спекуляциями. Управление земельными ресурсами централизовано, и государство имеет монополию на продажу земельных прав. Поддержка строительства осуществляется через прямые субсидии, льготные кредиты и масштабные государственные проекты. При этом, в последние годы государство ужесточило политику кредитования, чтобы сократить долговую нагрузку девелоперов.

В связи с обозначенной спецификой деятельности, крупнейшие китайские компании, например China State Construction Engineering Corporation (CSCEC) [4], имеют многоуровневую структуру с многочисленными дочерними и внучатыми компаниями, специализирующимися на разных этапах строительства, что подтверждает преобладание иерархичности и централизации в организационной структуре девелопера Китая.

Для ОАЭ характерны следующие ключевые особенности ведения девелоперского бизнеса, которые прослеживаются в том числе при анализе деятельности таких крупнейших и старейших компаний ОАЭ как DAMAC Properties [5] и Al Rostamani Group [1]:

1. Обязательное лицензирование бизнеса через Земельный Департамент Дубая (Dubai Land Department) и наличие строгих корпоративных и финансовых требований к девелоперу с обязательной сертификацией и наличием страховых гарантий по каждому реализуемому проекту (пересечение с требованиями по обязательному страхованию строительного-монтажных рисков при реализации проектов в РФ).

2. Все компании в области девелопмента должны иметь релевантный опыт и соответствие междуна-

родным стандартам (ISO), применять плоскую структуру управления (из практики, в структуре управления девелоперов в ОАЭ преобладает большое влияние топ-менеджмента с централизованным принятием решений по проектам).

3. В ОАЭ достаточно высоко развита государственная поддержка девелопмента, выражающаяся в наличии субсидий, государственных инвестиций, льготных земельных участках для девелоперов, возможности участия в стратегических государственных мега-проектах, а также в поддержке экспорта услуг девелоперских компаний.

4. Девелоперские холдинги в ОАЭ, как правило, состоят из девелоперских, строительных и управляющих дочерних подразделений, часто объединённых с проектными, брокерскими и подрядными компаниями.

При анализе европейской системы ведения девелоперского бизнеса, оптимально опираться на анализ деятельности таких крупных европейских компаний как, например, Skanska AB [13], основанной в 1887 году, а также анализе крупных международных строительных (девелоперских) ассоциаций и их членов, например ассоциации Build Europe [3]:

1. Европейские компании подчиняются с одной стороны нормам ЕС, а с другой стороны локальным строительным кодексам отдельных входящих в ЕС стран и вынуждены учитывать достаточно жесткое экологическое и антимонопольное законодательство ЕС.

2. Все компании должны проходить сертификацию (в т. ч. по энергоэффективности), а также массово применяются стандарты устойчивого развития (ESG), есть требования об обязательном аудите девелоперских и строительных компаний.

3. В части государственной поддержки широко применяются различные государственные гарантии по отдельным проектам, поддержка в части кредитования проектов, активно применяются государственные льготы на социальное строительство и регулярные субсидии на «зеленое» строительство.

4. При формировании организационной структуры девелоперов в ЕС преобладает многоуровневая структура, состоящая из головной компании и сети локальных дочерних компаний с тесной интеграцией с подрядчиками, проектными и управляющими компаниями. Очень часто выставляется требование об обязательном участии профсоюзов и отраслевых ассоциаций в деятельности девелоперского холдинга.

5. При выстраивании холдинговой структуры девелопера обязательна единая политика корпоративной ответственности всех входящих в структуру бизнес-единиц и наличие независимого наблюдательного совета.

На основе представленных данных, сформирован краткий свод ключевых особенностей ведения девелоперского бизнеса на наиболее развитых рынках строительства и девелопмента в США, Китае, ЕС и ОАЭ, которые представлен в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ ключевых особенностей ведения бизнеса в сфере строительства в крупнейших странах мира (составлено автором)

Критерий	США	Китай	ОАЭ	Европа
Регулирование	Лицензии, жесткий комплаенс, микс федеральных и локальных норм	Лицензии, господдержка, антимонопольное право	Сертификация, лицензии, наличие банковских гарантий	Одновременно нормы ЕС и стран ЕС, требования к соблюдению устойчивого развития, сертификация деятельности
Доп. требования	Сложное корп. управление, обязательно открытая отчетность, страхование компаний	Сертификация видов деятельности, требования к интегрированности процессов внутри проекта	Активное применение международных стандартов	Применение повестки ESG, требование к энергоэффективности, наличие обязательного аудита
Господдержка	Льготы и субсидии по социальным проектам	Очень масштабная (государство внутри компаний), льготное финансирование девелоперов	Участие в мегапроектах государства, субсидии для девелоперов	Гарантии по отдельным проектам, льготное кредитование, субсидии
Архитектура холдинга	Вертикальная или дивизиональная	Матричная и/или вертикальная, госкорпорации	Плоская, интеграция сервисов внутри холдинга	Многоуровневая с множеством локальных компаний внутри, обязателен наблюдательный совет
Управление	Совет директоров, CEO, подразделения	Централизованное, управление по KPI, контроль акционеров государством	Топ-менеджмент, оперативное принятие решений	Наблюдательный совет, независимый аудит

Таким образом, в США организационная структура девелопера с упором на прозрачность, интеграцию бизнес-единиц в единый холдинг и стандартное корпоративное управление. В Китае — государственное участие и интеграция всех звеньев проекта с вертикальным управлением. ОАЭ — типичная проектная и плоская структура с доминированием топ-менеджмента в процессе принятия решений. В Европе — многоуровневые и сетевые структуры с акцентом на устойчивое развитие и локальный контроль.

Как видно из таблицы и проведенного анализа, при формировании девелоперского бизнеса в РФ также используется модель холдинга, близкая к структурам ЕС и США. При этом, очень существенна роль государства, приближенная к моделям ОАЭ и частично Китая. С точки зрения жесткости регулирования, девелоперский бизнес находится под пристальным контролем со стороны государства и множественными ограничениями в любом из анализируемых государств.

Литература:

1. Al Rostamani Group, Abdulla Al Rostamani Properties (AARP) — Al Rostamani Group, найдено 29 августа 2025, <<https://alrostamanigroup.ae/en/ourbusinesses/abdulla-al-rostamani-properties/>>
2. Attorneys.Media. Законы о развитии недвижимости — правовая защита и соблюдение — Attorneys.Media, найдено 29 августа 2025, <<https://ru.attorneys.media/real-estate-development-laws/>>
3. Build Europe, Our Members — Build Europe, найдено 28 августа 2025, <<https://buildeurope.net/our-members/>>
4. China State Construction Engineering Corporation, Организационная структура — China State Construction Engineering Corporation, найдено 29 августа 2025, <https://ru.cscec.com/gyzj_ru/jzjg_ru/>/
5. DAMAC Official Site — DAMAC, найдено 29 августа 2025, <<https://www.damacgroup.com/>>
6. DLA Piper, Permission for new construction or designated use — DLA Piper, найдено 29 августа 2025, <<https://www.dlapiperrealworld.com/law/index.html?t=zoning&s=obtaining-permission-for-development&c=CN>>
7. InvestAsian, Top 10 China Property Developers: A Complete Guide — InvestAsian, найдено 28 августа 2025, <<https://www.investasian.com/property-developers/china-property-developers/>>
8. Global Network for advanced management, Vanke [000002.SZ] Insights Fudan University, School of Management — Fudan University, найдено 27 августа 2025 <https://www.advancedmanagement.net/sites/default/files/2018-11/Insights_favorite.pdf>
9. Global People Strategist, Legal Compliance Checklist for Establishing a Business in China — Global People Strategist, найдено 28 августа 2025, <<https://globalpeoplestrategist.com/legal-compliance-checklist-for-establishing-a-business-in-china/>>
10. Multifamily Finance Blog. Who Are the Top 10 Multifamily Developers in the United States? — Janover, найдено 28 августа 2025, <<https://www.multifamily.loans/apartment-finance-blog/the-top-10-multifamily-developers-in-the-united-states/>>

11. PhuketBuyHouse. 5 Essential legal regulations every property developer must know — PhuketBuyHouse, найдено 29 августа 2025, <<https://phuketbuyhouse.com/articles/1022-5-essential-legal-regulations-every-property-developer-must-know>>
12. Shanghai Tower Construction and Development Co, Company Introduction — Shanghai Tower Construction and Development Co, найдено 28 августа 2025, <<https://en.shanghaitower.com/aboutus.html>>
13. Skanska AB, Our organization — Skanska, найдено 28 августа 2025, <<https://group.skanska.com/about-us/how-we-work/organization/>>

Институциональные механизмы преодоления бюрократизации в системе муниципального управления

Тохтобин Андрей Альбертович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы бюрократизации муниципального управления в Российской Федерации. Авторами анализируются институциональные механизмы, способствующие оптимизации административных процессов, снижению избыточных барьеров и повышению эффективности взаимодействия органов местного самоуправления с гражданским обществом.

На основе анализа современной научной литературы и нормативно-правовых актов предложены пути совершенствования системы муниципального менеджмента.

Введение

Современная система муниципального управления в России находится на этапе динамичного развития, для которого характерны попытки внедрения цифровых технологий и принципов «клиентоцентричности». Однако, несмотря на декларативные цели по повышению открытости власти, на местном уровне сохраняется проблема устойчивой бюрократизации. Бюрократизация, понимаемая как отрыв аппарата управления от реальных потребностей населения, проявляется в формализации работы, избыточном документообороте и замедлении принятия управленческих решений.

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью гармонизации отношений между муниципальными органами и местным сообществом. Как отмечают исследователи, избыточное регулирование становится институциональной ловушкой, препятствующей реализации социально-экономического потенциала территорий [1].

Настоящая работа направлена на выявление институциональных механизмов, которые способны демпфировать бюрократические искажения в системе местного самоуправления.

Основная часть

Бюрократизация муниципального управления представляет собой комплексный социально-правовой процесс. В научной литературе последнего периода выделяется несколько ключевых факторов, стимулирующих сохранение аппаратных барьеров:

1. Дублирование функций между региональным и муниципальными уровнями власти.

2. Несоответствие объемов делегированных полномочий уровню их финансового обеспечения.

3. Отсутствие развитых механизмов обратной связи, трансформируемых в конкретные управленческие действия.

Как справедливо указывает О. В. Мадатова [2], в условиях избыточного правового регулирования муниципальный служащий вынужден отдавать приоритет соблюдению формальных процедур в ущерб достижению реального социального эффекта. Ниже приведена схема, демонстрирующая влияние бюрократических процедур на эффективность управления (рисунок 1).

Для нейтрализации описанных выше процессов требуется комплексный подход, включающий организационные и институциональные изменения. Ключевыми инструментами выступают цифровизация административных процедур, внедрение проектного управления и развитие инструментов общественной экспертизы (таблица 1).

Внедрение данных механизмов, по мнению О. А. Дурандина [3], позволяет трансформировать муниципальную структуру из закрытой иерархии в открытую экосистему. Важной составляющей здесь является работа с кадровым потенциалом и изменение системы KPI, где главенствующим показателем становится не количество подготовленных справок, а уровень удовлетворенности граждан качеством муниципальных услуг.

Рассматривая проблему через призму нормативного обеспечения, мы видим определенную коллизию. Согласно ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления», муниципальные образования обязаны соответствовать жестким стандартам отчетности [4]. Однако практика показывает, что зачастую тре-

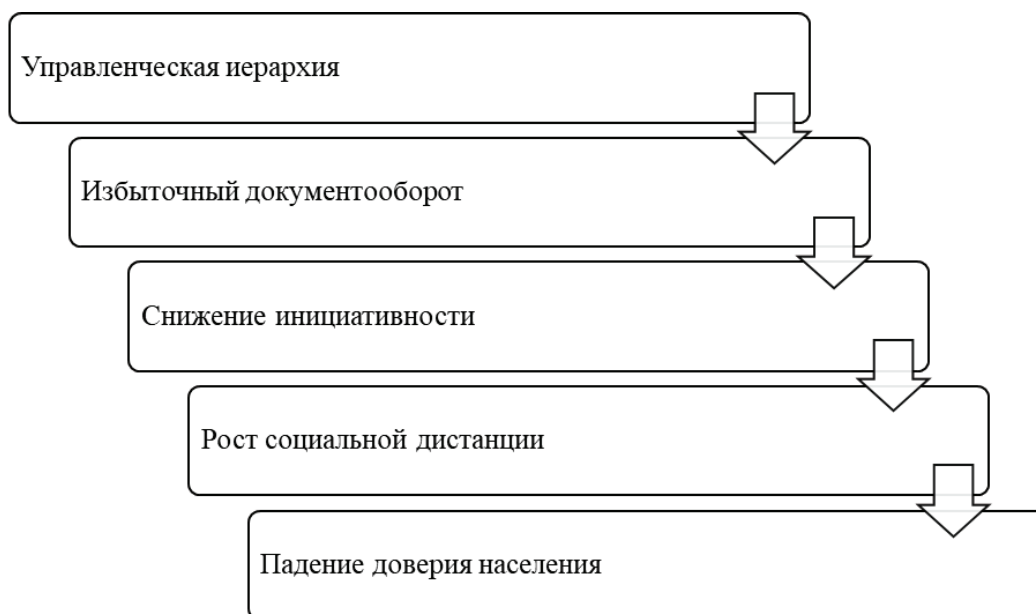

Рис. 1. Механизмы бюрократизации в системе местного самоуправления

Таблица 1. Сравнительная характеристика подходов к оптимизации муниципального управления

Инструмент	Сущность механизма	Эффект для субъекта управления
Цифровой «одного окна»	Автоматизация заявок	Сокращение времени обработки
Проектное управление	Горизонтальные связи	Повышение ответственности
Общественный аудит	Партисипаторный контроль	Рост прозрачности процессов

бования надзорных органов превосходят реальные возможности аппарата.

При анализе данных опросов муниципальных служащих (2024 г.), более 65 % респондентов отметили, что на составление отчетности уходит до 50 % рабочего времени. Это является классическим примером неэффективного использования человеческого капитала [5].

Предлагаемые варианты решения данной проблемы включают:

- унификацию форм федеральной и региональной отчетности;
- переход на «цифровой профиль» муниципального образования, исключающий необходимость повторного ввода данных;
- делегирование рутинных контрольных функций независимым аудиторским организациям.

Не вызывает сомнений тот факт, что бюрократия является неизбежным атрибутом управления. Однако, изучая работы экспертов в области муниципального хозяйства, можно сделать вывод: борьба с бюрократией не должна превращаться в уничтожение самого управления.

Заключение

Преодоление бюрократизации в системе муниципального управления требует системных институцио-

нальных трансформаций. Среди приоритетных мер следует выделить:

- 1) дебюрократизацию цепочек принятия решений через цифровизацию;
- 2) внедрение принципов меритократии в муниципальную службу;
- 3) расширение полномочий институтов гражданского общества в процессе оценки результатов деятельности власти.

Перспективным направлением для будущих исследований является изучение влияния искусственного интеллекта на оптимизацию рутинных административных функций в малых городах России, что позволит снизить затраты на содержание аппарата и повысить эффективность муниципальных услуг.

Таким образом, преодоление бюрократизма требует не только технической оптимизации процедур, но и глубоких изменений в системе оценки эффективности и организации внутренних процессов муниципальной власти.

Предложенные институциональные механизмы — «безответное согласование» и система управления по целям — позволяют снизить внутреннюю цикличность документов и перевести фокус внимания служащих на конечный потребителя услуги — гражданина.

Реализация этих мер является первым и необходимым шагом для создания среды, менее благоприятной для коррупционных практик, так как сокращает точки необоснованного административного вмешательства и усмотрения.

Литература:

1. Мартынов, М. Ю. Местное самоуправление в системе публичной власти / М. Ю. Мартынов // Вестник Пермского университета. Политология. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 15–24.
2. Мадатова, О. В. Основы национальной безопасности: систематизированный подход / О. В. Мадатова. — Краснодар: АНО НИИ ЭПИТ, 2025. — 299 с.
3. Дурандина, О. А. Разработка методического подхода к проведению аттестации муниципальных служащих / О. А. Дурандина, Н. Н. Пасмурцева // Modern Economy Success. — 2022. — № 5. — С. 213–221.
4. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 14.03.2026).
5. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/> (дата обращения: 14.03.2026).

Компетенция Международного валютного фонда в сфере налогообложения

Урсова Анастасия Михайловна, студент магистратуры

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье автор рассматривает проблему компетенции Международного валютного фонда, как международной финансовой организации в сфере налогообложения. На основе Устава МВФ анализируются: компетенция органов фонда; правовые механизмы его влияния на законодательство государств — членов этой организации, что позволяет фонду, приобрести иммунитет от обязательств по сбору каких-либо налогов или сборов, а также предоставить ему возможности выполнения возложенных на него функций на территориях каждого государства-члена.

Ключевые слова: *Международный валютный фонд, компетенция, международная организация, «мягкое право», налоги, налоговый иммунитет, налогообложение, транспарентность, Устав МВФ, юридическое лицо.*

В общеправовом понимании понятие «компетенция» включает в себя как совокупность прав и обязанностей, так и совокупность предметов ведения [1, с. 60]. Правильное юридическое определение объема и содержания компетенции международной организации, а также ее органов позволяет достичь максимальной эффективности и юридической точности в деятельности международной организации.

Устав Международного валютного фонда прямо не предусматривает его компетенцию в тех или иных вопросах налогообложения и налогового администрирования. Статьи Устава Фонда, посвященные компетенции его органов также не указывают на возможность принятия этими органами каких-либо актов, регулирующих вопросы налогообложения. Вместе с тем, статьи Устава не устанавливают ограничений на принятие органами Фонда подобных актов.

Дело в том, что развитие деятельности МВФ, повышение его роли в международной экономической системе привело к расширению его компетенции без внесения соответствующих поправок в Устав. Расширение компетенции МВФ проходило путем расширения предметной и юрисдикционной компетенции через использование подразумеваемой компетенции, норм «мягкого права», внесудебное регулирование, увеличение количества вопросов, по которым принимаются обязательные для ис-

полнения решения, перераспределение компетенции между высшими и исполнительными органами в пользу последних [2, с. 128].

Это утверждение подтверждается и практическим примером. Именно Исполнительным советом МВФ утвержден документ, составляющий основу правового регулирования налогообложения и смежных вопросов в рамках Фонда. Важно указать еще и на то обстоятельство, что цели Фонда, изложенные в статье I его Устава, сформулированы таким образом, что позволяют расширять или детализировать его компетенцию, в принципе, в рамках учредительного документа. В контексте заявленной темы статьи, данное заключение является весьма важным.

С другой стороны, было бы не совсем верно говорить о том, что Устав МВФ вообще не содержит норм, касающихся налогообложения. Статья IX (Статус, иммунитеты и привилегии), а в особенности Раздел 9 (Налоговый иммунитет) данной статьи, посвящены налогообложению, а точнее налоговому иммунитету и налоговым последствиям деятельности самого Фонда. Соответственно нормы статьи IX посвящены этим вопросам с точки зрения статуса МВФ и его должностных лиц.

В соответствии с разделом 10 статьи IX (Применение статьи) каждое государство-член предпринимает на своих территориях действия, необходимые для введения в силу через свое законодательство принципов, изложенных

в этой статье, и представляет Фонду подробные сведения о принятых им действиях.

Это означает, что Фонд, имея полный статус юридического лица (раздел 2 статьи IX), пользуется иммунитетом от обязательств по сбору каких-либо налогов или сборов [3, с. 98]. Его активы; имущество; операции и сделки, санкционированные Уставом или такие сделки, в которых Фонд выступает как субъект гражданских правоотношений, заработная плата его должностных лиц, выпускаемые Фондом обязательства или ценные бумаги, включая любые дивиденды и проценты на них, также пользуются иммунитетом от любого налогообложения.

Применительно к законодательству о налогах и сборах Российской Федерации положения данной статьи Устава находят свою практическую, юридическую реализацию, например, в том, что на территории России Фонд не выступает налоговым агентом своих служащих, если они не являются гражданами Российской Федерации, поскольку и заработная плата таких служащих, и сам Фонд пользуется иммунитетом от налогообложения. Также в соответствии с нормами данной статьи не подлежат налогообложению кредитные и иные сделки МВФ. Все вышеуказанные налоговые изъятия из национальной юрисдикции государств-членов, а также судебный иммунитет и другие привилегии признаются за Фондом государствами-членами для предоставления ему возможности выполнения возложенных на него функций на территориях каждого государства-члена.

Литература:

1. Звонова Е. В. Международная банковская деятельность. Учебник. (Под общ. ред. Е. В. Звоновой). — М.: Кнорус, 2021. — 506 с.
2. Шумилов В. М., Лифшиц И. М. Международное финансовое право. Учебник для магистрантов. — М.: USTITIA, 2020. — 302 с.
3. Васянина Е. Л. Актуальные проблемы налогового права. Учебник. — М.: Инфа-М, 2022. — 330 с.
4. Международное экономическое право. Учебник для бакалавриата и магистратуры (под общ. ред. В. М. Шумилова). — М.: USTITIA, 2023. — 582
5. Статьи Соглашения Международного валютного фонда // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133569/1bf02dce8475c86a76c9f57898c23c1ae1509ae7/
6. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. I. от 31.07.1998 г. // Собрание законодательства Российской Федерации № 31 от 3 августа 1998 г. Ст. 3824
7. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации № 50 от 15 декабря 2003 г. Ст. 4850
8. Конвенция ООН о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений (Принята резолюцией 179 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 года) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/specagencies_privileges

Тем не менее, в рамках МВФ имеет место правовое регулирование налогообложения и смежных вопросов. Связано это с тем, что транспарентность в налогово-бюджетной сфере, по замечкам самого Фонда, имеет центральное значение для достижения и удержания макроэкономической стабильности и высокого экономического роста. Прозрачность управления в налогово-бюджетной сфере — ключевой аспект надлежащего управления государством. Фискальная транспарентность также стимулирует более благоприятный доступ на внутренние и международные рынки капитала.

В этой связи регулирование актами МВФ вопросов организации налогообложения внутри государств-членов, с юридической точки зрения, представляется весьма оправданным. Поскольку, аспекты значения налогово-бюджетной сферы для осуществления государственного управления, в том числе в сфере международных отношений, например, в сфере управления внешнеэкономической деятельностью государства, отмеченные самим Фондом, не вступают в противоречие с теми целями, для которых создан Международный Валютный Фонд (статья I Устава Фонда).

Однако, при формально-юридическом подходе, правовое регулирование актами Фонда вопросов налогообложения представляет собой ни что иное, как внеуставное регулирование или регулирование на основании подразумеваемой компетенции, признаваемой государствами-участниками этой международной организации.

Интеграция федеральных воспитательных инициатив на муниципальном уровне: дисфункции контроля и проблема избыточной отчетности (на материалах г. Москвы)

Чадаева Софья Дмитриевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье исследуется процесс системного внедрения новых федеральных воспитательных инициатив в системе общего образования на уровне города Москвы. Рассматривается трансформация управленческого функционала административных команд московских школ, в частности заместителей директора по воспитательной работе и советников директора по воспитанию. Выявлено, что процесс внедрения ценностно-ориентированной государственной политики сопровождается выраженными дисфункциями контроля и межведомственной рассогласованностью. Доказывается, что законодательные инициативы по снижению бюрократической нагрузки фактически привели к ее перераспределению с линейных педагогов на управленческий аппарат. На основе анализа нормативно-правовой базы предложены механизмы оптимизации отчетности и перехода к качественным критериям оценки эффективности воспитательной среды.

Ключевые слова: государственная политика, государственное управление, воспитательная работа, советник директора по воспитанию, дисфункции контроля, избыточная отчетность, образовательный комплекс, межведомственное взаимодействие.

Integration of federal upbringing initiatives at the municipal level: control dysfunctions and the problem of excessive reporting (based on Moscow data)

The article examines the process of systemic implementation of new federal upbringing initiatives within the general education system at the Moscow city level. It explores the transformation of the managerial functions of administrative teams in Moscow schools, particularly deputy principals for upbringing work and advisors to the principal on upbringing. The study reveals that the implementation of a value-oriented state policy is accompanied by pronounced control dysfunctions and interdepartmental incoordination. It is demonstrated that legislative initiatives aimed at reducing the bureaucratic burden have, in fact, led to its redistribution from frontline teachers to the administrative apparatus. Based on an analysis of the regulatory framework, the article proposes mechanisms for optimizing reporting and transitioning to qualitative criteria for assessing the effectiveness of the upbringing environment.

Keywords: state policy, public administration, upbringing work, advisor to the principal on upbringing, control dysfunctions, excessive reporting, educational complex, interdepartmental interaction.

Введение. На текущем этапе развития отечественной нормативно-правовой базы происходит глубокая концептуальная трансформация миссии общего образования. Школа перестает быть исключительно местом передачи предметных знаний: на нормативно-правовом уровне за ней вновь закрепляется полноценная обязанность воспитывать личность. В соответствии с Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [4], система образования рассматривается как базовый институт сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Данный вектор подкреплен комплексом масштабных федеральных инициатив: внедрением унифицированных рабочих программ воспитания, еженедельных занятий «Разговоры о важном», развитием Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых» и реализацией федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан РФ».

Москва, обладая сложной структурой крупных образовательных комплексов, выступает ключевой площадкой для имплементации данных инициатив. Однако транс-

ляция федеральных стратегических задач на уровень конкретной муниципальной образовательной организации вскрывает серьезный управленческий диссонанс. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью анализа противоречий между высокими целями государственной воспитательной политики и реальными административными барьерами, с которыми сталкиваются управленческие команды школ.

Основная часть Анализ правоприменительной практики и механизмов внутришкольного менеджмента в образовательных организациях г. Москвы позволяет выделить несколько ключевых проблем, связанных с реализацией масштабных воспитательных программ.

Во-первых, наблюдается усложнение архитектуры управления воспитательным пространством и дублирование функционала. Введение должности «советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями» (в рамках проекта «Навигаторы детства») создала новую систему двойного подчинения. Если заместитель директора по воспитательной

работе (ВР) традиционно подчиняется директору школы и ориентирован на выполнение муниципального задания, то советник фактически встроен в федеральную вертикаль ФГБУ «Росдетцентр» [6]. На практике в московских образовательных комплексах, объединяющих несколько школьных корпусов, это приводит к размытию зон ответственности. Возникает управленческая коллизия: заместитель по ВР несет юридическую ответственность за безопасность и результаты социализации обучающихся, однако реализация ключевых федеральных проектов курируется советниками, чьи задачи задаются внешним ведомством.

Во-вторых, центральной проблемой муниципального уровня управления становится дисфункция контроля, выражающаяся в тотальной бюрократизации воспитательного процесса. В июле 2022 года были приняты поправки в Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в РФ», направленные на снижение документационной нагрузки [2]. Впоследствии Приказом Минпросвещения России № 582 был утвержден исчерпывающий перечень из пяти обязательных документов для учителя [7]. Однако анализ показывает, что данная мера обеспечила защиту исключительно линейного педагогического состава. Весь объем нерегламентированной отчетности был перенаправлен на административный аппарат, в первую очередь – на заместителей директора по ВР.

Школа как социальный институт оказалась в центре пересечения интересов десятков ведомств. Управленческая команда вынуждена ежедневно обрабатывать дублирующие запросы: от префектур и управ районов (о явке на массовые мероприятия), от комиссий по делам несовершеннолетних (КДН) и подразделений по делам несовершеннолетних МВД (ПДН) (статистика правонарушений, профилактические акты), от различных общественных движений и самого Департамента образования и науки г. Москвы [8]. Формируется парадоксальная ситуация: время, выделенное государством на прямое взаимодействие с молодежью, администрирование сложных подростковых конфликтов и профилактику девиантного поведения, поглощается обслуживанием информационных потоков и формированием фотоотчетов для подтверждения факта проведения мероприятий.

В-третьих, серьезному критическому осмыслению подлежит система оценки эффективности проводимой воспитательной политики. На сегодняшний день критерии успешности интеграции федеральных инициатив носят

преимущественно количественный характер. Эффективность работы школы в данном направлении оценивается через метрики охвата: процент регистрации обучающихся на платформах «Движения Первых», количество проведенных акций, число участников олимпиад по профилю или явка на профориентационные мероприятия [6]. Подобный подход провоцирует феномен «имитационного управления», когда формальное достижение статистических показателей подменяет собой реальную педагогическую работу по формированию гражданской идентичности и ценностных установок [8]. Цифровая среда, включая сервисы МЭШ, которая изначально проектировалась как инструмент оптимизации, в контексте воспитательной работы зачастую используется как дополнительный контур жесткого статистического мониторинга.

Заключение Государственная политика в сфере общего образования демонстрирует четкий запрос на усиление воспитательной функции. Однако механизмы реализации этого запроса на уровне столичного муниципалитета требуют существенной корректировки. Текущая модель управления страдает от дисфункции межведомственного взаимодействия, что приводит к критической перегрузке административного аппарата школ избыточной отчетностью.

Для повышения эффективности государственного управления в рассматриваемой сфере необходимо реализовать следующие шаги:

1. Создать на уровне муниципалитета (г. Москвы) единый цифровой межведомственный шлюз данных, законодательно запретив органам МВД, опеки, управам и иным структурам запрашивать у школ информацию, которая уже агрегирована в базах Департамента образования или ФГИС «Моя школа».

2. Разработать четкий регламент взаимодействия и разграничения полномочий между заместителями директора по воспитательной работе и советниками по воспитанию, устранив дублирование функций на уровне локальных нормативных актов образовательного комплекса.

3. Инициировать пересмотр КРП управленческих команд, сместив фокус с количественных показателей «охвата мероприятиями» на качественные критерии: снижение реального уровня подростковой делинквентности в районе, успешность медиации школьных конфликтов и уровень вовлеченности родителей в деятельность Управляющих советов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). - Москва: Проспект, 2024.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023).
3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309.
4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся: Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ.
6. Паспорт федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2020 № 15).
7. Об утверждении перечня документации, подготовка которой осуществляется педагогическими работниками при реализации основных общеобразовательных программ: Приказ Министерства просвещения РФ от 21 июля 2022 г. № 582.
8. Васильев, А. А. Модели государственного управления образованием в условиях цифровой трансформации / А. А. Васильев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки.- 2023.- № 3.- С. 12–19.

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Интеграция O2O-маркетинга и социальной коммерции в цифровых экосистемах: опыт Шанхая и перспективы для России

Варламова Аина Альбертовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Федорова Нюргюяна Аркадьевна, кандидат экономических наук, доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье представлены результаты анализа интеграции O2O-маркетинга и социальной коммерции в китайских цифровых экосистемах Alipay и WeChat. На основе полевого исследования, проведенного автором в Шанхае, выявлены конкретные практики реализации этих механизмов. Проведен сравнительный анализ с российскими экосистемами (Яндекс, Сбер), определены основные барьеры адаптации. Предложена адаптивная модель интеграции, включающая пять этапов клиентского пути и рекомендации для малого, среднего и крупного бизнеса.

Ключевые слова: O2O-маркетинг, социальная коммерция, цифровые экосистемы, Alipay, WeChat, мини-программы.

Integration of O2O marketing and social commerce in digital ecosystems: Shanghai's experience and prospects for Russia

Varlamova Aina Albertovna, master's student

Scientific advisor: Fedorova Nyurguyana Arkadyevna, phd in economics, associate professor
North-Eastern Federal University named after MK Ammosov (Yakutsk)

The article presents the results of the analysis of integration of O2O marketing and social commerce in the Chinese digital ecosystems Alipay and WeChat. Based on field research conducted by the author in Shanghai, specific practices are identified. A comparative analysis with Russian ecosystems is carried out. An adaptive model is proposed, including five stages of the customer journey.

Keywords: O2O marketing, social commerce, digital ecosystems, Alipay, WeChat, mini-programs.

Введение

Цифровая трансформация экономики в последние годы привела к стиранию привычных границ между онлайн- и офлайн-пространством. Потребитель ожидает единого, «бесшовного» опыта взаимодействия с брендом независимо от канала коммуникации [4]. Наиболее продвинутые формы такой интеграции демонстрирует Китай, где цифровые экосистемы Alipay и WeChat превратились в инфраструктурную основу повседневной жизни [3]. Российский рынок, обладая высоким уровнем проникновения цифровых услуг, демонстрирует фрагментированность подходов. Такие экосистемы, как Яндекс и Сбер, активно развиваются, однако глубина интеграции между сервисами и степень вовлеченности социальных механик в коммерческие процессы уступают китайским аналогам [4]. В то же время прямое копирование зарубежных моделей невозможно из-за различий в институциональной среде, по-

ребительских привычках и регуляторных ограничениях. Цель данной статьи — выявить ключевые механизмы интеграции O2O и социальной коммерции в китайских цифровых экосистемах (на примере Шанхая) и определить возможности их адаптации в российских условиях.

Китайские цифровые экосистемы: архитектура и механизмы интеграции

Alipay и WeChat — две крупнейшие цифровые экосистемы Китая. WeChat, появившийся в 2011 году как мессенджер, сегодня является главным приложением для более чем 1,3 млрд человек, объединяя коммуникацию, социальные сети, платежи и тысячи мини-программ [3]. Ключевая особенность архитектуры обеих платформ — модель «платформа + мини-программы». Базовое приложение выполняет функции операционной системы, предоставляя разработчикам и бизнесу набор стандарти-

зированных инструментов: единую идентификацию пользователя, платежную инфраструктуру, геолокационные сервисы, коммуникационные инструменты и аналитические модули [5].

Синергия O2O и социальной коммерции в китайских экосистемах обеспечивается тремя основными механизмами. Первый механизм — единая идентификация пользователя. Сквозной профиль позволяет аккумулировать данные о поведении человека во всех средах — онлайн и офлайн, что создает основу для персонализации [4]. Второй механизм — бесшовность переходов между средами. Пользователь может начать взаимодействие с брендом в социальной сети, перейти в мини-программу, забронировать товар, оплатить его и поделиться впечатлениями — и все это без переключения между приложениями [5]. Третий механизм — встроенные социальные механики. Коммерция и коммуникация неразделимы: групповые покупки, реферальные программы, возможность делиться покупками в ленте друзей превращают каждого клиента в агента влияния [3].

Сравнительный анализ российских цифровых экосистем

Яндекс и Сбер — основные игроки российского рынка [4]. При сравнении с китайскими аналогами обнаруживаются существенные отличия. В Яндексе пользователь переключается между разными приложениями. У Сбера навигация удобнее, но после перехода в сервис интерфейс меняется, и ощущение целостности теряется. Социальные механики развиты минимально. Вместе с тем в России функционируют Telegram Mini Apps и VK Mini Apps, однако они не образуют единой экосистемы, сопоставимой с Alipay или WeChat [4].

Барьеры адаптации китайского опыта в России

Прямое копирование китайской модели в России невозможно. На инфраструктурном уровне — неравномерное покрытие интернетом. В платежной сфере — доминирование банковских карт, хотя доля платежей по QR-кодам и биометрии достигла 14 % в 2025 году [5]. Поведенческие барьеры связаны с более индивидуалистическим характером потребления россиян [1]. Регуляторная среда создает сложности через требования к хранению данных. Экономические барьеры обусловлены меньшим масштабом рынка [4].

Литература:

1. Бакина, А. С. В России места хватит всем платежным инструментам / А. С. Бакина. — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/interviews/33192835> (дата обращения: 29.03.2026).
2. Маглинова, Т. Г. Цифровой маркетинг для B2B в Китае / Т. Г. Маглинова, Д. С. Паршин, Д. А. Горских. — Текст: непосредственный // Управленческий учет. — 2025. — № 11. — С. 194–198.
3. Birkinshaw. — Текст: электронный // London Business School: [сайт]. — URL: <https://www.london.edu/think/we-chat-behind-the-scenes-at-chinas-most-successful-app> (дата обращения: 29.03.2026).

Адаптивная модель интеграции O2O и социальной коммерции для российского бизнеса

На основе анализа предлагается модель, описывающая путь клиента.

Этап 1. Поиск и привлечение. Пользователь сталкивается с брендом через соцсети (Telegram, VK), картографические сервисы или реферальную ссылку. Все каналы ведут в мини-программу.

Этап 2. Ознакомление и выбор. В мини-программе доступна полная информация об ассортименте, ценах, наличии. Система запоминает предыдущие заказы.

Этап 3. Оформление и оплата. Пользователь оформляет заказ, выбирает способ получения. Оплата через встроенный кошелек. При самовывозе генерируется QR-код.

Этап 4. Получение в офлайн-среде. Пользователь сканирует QR-код, подтверждая получение. Начисляются бонусы.

Этап 5. Постпокупочное поведение. Пользователю предлагается оставить отзыв, поделиться фото, пригласить друга со скидкой.

Для малого бизнеса рекомендуется внедрение QR-кодов в Telegram или VK. Для среднего — развитие собственной мини-программы с системой лояльности. Для крупного — создание открытой инфраструктуры: магазин мини-программ, инструменты для разработчиков, интеграция с платежными сервисами [4] [5].

Заключение

Китайские цифровые экосистемы демонстрируют эталонный уровень интеграции O2O и социальной коммерции. Российские экосистемы сопоставимы по набору функций, но уступают в глубине интеграции. Адаптация китайского опыта сталкивается с комплексом барьеров. Принципиальное отличие российской модели — государственный контроль над платежной инфраструктурой (СБП, НСПК), что исключает появление замкнутых частных платежных контуров по типу Alipay. Однако доля платежей по QR-кодам и биометрии растет, создавая условия для внедрения разработанной модели. Наиболее перспективен путь избирательной адаптации: формат мини-программ (Telegram, VK), принципы единой идентификации и отдельные социальные механики. Дальнейшие исследования могут быть направлены на количественную оценку эффективности модели.

4. Lemon, K. N. Understanding Customer Experience Throughout the Customer Journey / K. N. Lemon, P. C. Verhoef. — Текст: непосредственный // Journal of Marketing. — 2016. — № 6. — С. 69–96.
5. Wang, S. The Logic of WeChat: Social Media as Urban Infrastructure in Chinese Cities / S. Wang. — Cambridge, MA: MIT Press, 2023. — 248 с. — Текст: непосредственный.
6. Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). Экономика Рунета 2024–2025: ежегодный отчет. — Москва: РАЭК, 2025. — 94 с. — URL: <https://raec.ru> (дата обращения: 29.03.2026).

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Модернизация законодательства о торговле в новых экономических условиях (актуальные вопросы)

Андрианова Светлана Сергеевна, преподаватель
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов модернизации законодательства о торговле в новых экономических условиях. Автором отмечается, что активно развивающаяся цифровизация экономики оказывает существенное влияние на отношения субъектов торговой деятельности, что влечет за собой необходимость пересмотра нормативной правовой базы, регулирующей данные правоотношения. Актуальность данного вопроса подчеркивается поручением Президента Российской Федерации В. В. Путина о разработке новой национальной модели торговой деятельности, данным по итогам XXVIII Петербургского международного экономического форума 18–21 июня 2025 года. С учетом изложенного автором проанализированы последние поправки в законодательство о торговле и определены ключевые направления его дальнейшего развития.

Ключевые слова: законодательство, право, нормотворчество, модернизация, экономические условия.

В современных условиях структура взаимоотношений участников рынков торговли потребительскими товарами стремительно изменяется, что связано в первую очередь с прогрессирующей цифровизацией экономики.

Законодательные положения, содержащиеся в Федеральном законе от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон о торговле) [1] и иных нормативных правовых актах, регулирующих отношения участников торговой деятельности, нуждаются в модернизации, поскольку принимались в период, когда цифровизация экономики не достигла современных масштабов.

В силу пункта 1 статьи 2 Закона о торговле торговая деятельность (торговля) — вид предпринимательской деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров.

Учитывая изложенное, в настоящей статье предлагается рассмотреть актуальные вопросы модернизации законодательства о торговой деятельности на современном этапе.

В первую очередь полагаем необходимым отметить, что Президент Российской Федерации В. В. Путин по итогам XXVIII Петербургского международного экономического форума 18–21 июня 2025 года поручил Правительству Российской Федерации разработать предложения по формированию новой национальной модели торговой деятельности, предусматривающей актуализацию регулирования розничной сетевой торговли в условиях развития плат-

форменной экономики, в том числе в части, касающейся возможности применения платформенных технологий [2].

В настоящее время Минпромторг России на основании указанного поручения осуществляет подготовку проекта новой национальной модели торговой деятельности [3].

При этом в период, предшествовавший направлению этого поручения, в Закон о торговле был внесен ряд важных поправок, направленных на совершенствование государственного регулирования торговой деятельности.

Так, ряд поправок в законодательство был направлен на совершенствование части 7 статьи 9 Закона о торговле, в силу которой в случае, если между хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность, и хозяйствующим субъектом, осуществляющим поставку продовольственных товаров, заключается и исполняется (реализуется) договор поставки продовольственных товаров с условием оплаты таких товаров через определенное время после их передачи хозяйствующему субъекту, осуществляющему торговую деятельность, срок оплаты таких товаров для установления данным договором определяется по правилам, предусмотренным данной частью.

Федеральным законом от 08.08.2024 № 301-ФЗ «О внесении изменений в статью 9 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон № 301-ФЗ) [4] в пункт 1 части 7 статьи 9 Закона о торговле внесены изменения, согласно которым продовольственные товары, на которые срок годности установлен пять и менее

дней, подлежат оплате в срок не позднее чем восемь рабочих дней со дня фактического получения таких товаров хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность. В случае, если стороны договора предусматривают обязательство подготовки и подписания документов, относящихся к поставкам товаров, в форме электронного документа, продовольственные товары, на которые срок годности установлен пять и менее дней, подлежат оплате в срок не позднее чем четыре рабочих дня со дня фактического получения товаров хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность.

Также Законом № 301-ФЗ часть 7 статьи 9 Закона о торговле дополнена пунктом 1.1, в силу которого продовольственные товары, на которые срок годности установлен от шести до девяти дней включительно, подлежат оплате в срок не позднее чем восемь рабочих дней со дня фактического получения товаров торговой организацией.

Как указано в пояснительной записке к Закону № 301-ФЗ, его разработка была обусловлена тем, что производители испытывают существенное давление в связи с вынужденным переходом на предоплату сырья, ингредиентов и упаковки для готовой продукции и (или) существенным сокращением отсрочки их оплаты.

Сложившаяся практика приводила к постоянному дефициту ликвидности, необходимости привлечения краткосрочных кредитов, стоимость которых включается в себестоимость продукции, снижает доходность предприятий, что может приводить к снижению бесперебойности поставки товаров.

Отсрочка платежей фактически является скрытым бесплатным кредитованием организаций торговли со стороны производителей, поставляющих социально значимую продукцию. Складывалась ситуация, когда в некоторых случаях организация торговли получает товар, реализует его, получает следующую поставку, реализует ее и только после этого осуществляет оплату производителю. Таких циклов (поставка-реализация) до наступления момента оплаты может быть несколько, что приводит к дисбалансу интересов производителей и продавцов. Снижение установленных предельных сроков оплаты товаров, поставляемых производителями, направлено на оказание поддержки производителям скоропортящихся и социально значимых продовольственных товаров.

Федеральным законом от 04.08.2023 № 418-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] часть 7 статьи 9 Закона о торговле дополнена пунктом 4, в силу которого продовольственные товары, относящиеся к грузам северного завоза, на которые срок годности установлен свыше тридцати дней, по соглашению сторон могут быть оплачены в срок более чем сорок календарных дней со дня фактического получения товаров организацией торговли. Внесение указанных поправок в Закон о торговле было вызвано особенностями поставок и реализации товаров в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Кроме того, в Закон о торговле были внесены поправки, направленные на ограничение платежей, взимаемых торговыми организациями с поставщиков продовольственных товаров.

Федеральным законом от 23.05.2025 № 120-ФЗ «О внесении изменения в статью 9 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон № 120-ФЗ) [6], статья 9 Закона о торговле дополнена частью 12.1, в силу которой включение торговой сетью и (или) поставщиком продовольственных товаров в договор поставки условий об ответственности поставщика за полное или частичное неосуществление поставок в торговые сети в количестве, превышающем количество, согласованное сторонами такого договора, либо исполнение (реализация) такого договора в соответствующей части не допускается.

Как указано в пояснительной записке к Закону № 120-ФЗ, его разработка обусловлена сложившейся ситуацией во взаимоотношениях между торговыми сетями и поставщиками продовольственных товаров, при которой торговые сети, пользуясь своим преимущественным положением в отношениях с поставщиками, устанавливая в договорах условия о поставке продовольственных товаров по заявкам торговой сети, которые являются для поставщиков обязательными и не подлежат согласованию с ними, а также о применении штрафных санкций в отношении поставщиков в случае невыполнения ими заявок.

Также, согласно пояснительной записке к Закону № 120-ФЗ в соответствии с широко распространенной практикой поставщики обязаны поставлять продовольственные товары в том ассортименте и объеме, который укажет торговая сеть в заявке, а в случае отсутствия у поставщиков возможности (даже объективной) поставить заявленный товар к поставщикам применяются штрафные санкции.

Результатом такого одностороннего регулирования является возложение всех рисков изменения потребительского спроса и потребительской активности на поставщиков, которые для того чтобы избежать применения санкций, должны быть готовы поставить (то есть заблаговременно произвести, обеспечить хранение и логистику) максимальные объемы продукции, одновременно рискуя понести убытки, в случае если продукция не будет востребована (заказана) торговыми сетями.

После принятия Закона № 120-ФЗ на официальном сайте ФАС России было размещено письмо по вопросам применения введенных им требований от 14.07.2025 № ТН/65638/25 (далее — Письмо) [7].

Согласно Письму, каждый заказ торговой сети порождает отдельное обязательство по поставке в установленные сроки определенного количества товара, в связи с чем необходимо получение согласия поставщика по каждому заказу торговой сети (либо составление плана (графика) поставок, содержащего сроки и объемы поставок конкретных партий товаров на период всего действия договора).

Также в Письме отмечается, что согласно пункту 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», норма, определяющая права и обязанности сторон договора, является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила. Требование части 12.1 статьи 9 Закона о торговле носит императивный характер, в связи с чем после ее вступления в силу торговые сети вправе включать в договоры поставки и реализовывать условия о предъявлении гражданско-правовых требований исключительно в случае, если поставщик согласовал поставку товаров в количестве, предусмотренном заказом торговой сети, а затем не исполнил соответствующее обязательство, при этом словосочетание «количество, согласованное сторонами такого договора» предполагает необходимость подтверждения согласия поставщика поставить определенное количество продовольственных товаров путем прямого волеизъявления (совершения активных действий, направленных на принятие обязательства), а не отсутствия возражений (бездействия).

Внесенные в Закон о торговле изменения направлены на поддержку поставщиков продовольственных товаров, находящихся в положении слабой стороны во взаимоотношениях с торговыми сетями, и благодаря им сокращены

сроки оплаты торговыми сетями поставленных продовольственных товаров, что имеет особое значение для поставщиков скоропортящихся товаров, а также установлен запрет на ничем ранее не ограниченное наложение торговыми сетями санкций на поставщиков за невыполнение заказа на поставку товара, который не был согласован поставщиком (в практике торговых сетей распространено применение «обязательного заказа» — включения в договор условий о том, что любой заказ торговой сети считается автоматически согласованным поставщиком).

Рассмотренные изменения законодательства о торговле касаются в первую очередь участников традиционных торговых отношений — поставщиков продовольственных товаров и торговых сетей. Необходимость модернизации торгового законодательства в связи активным ростом интернет-торговли пока не нашла отражения в принятых нормативных правовых актах в рассматриваемой сфере.

Учитывая изложенное, полагаем, что следующим этапом развития законодательства в сфере торговой деятельности станет нормативная регламентация торговых отношений, реализуемых посредством сети «Интернет», разработку которой в настоящее время осуществляет Минпромторг России на основании поручения Президента Российской Федерации, что станет предметом дальнейших исследований.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.01.2010, № 1, ст. 2.
2. Владимир Путин утвердил перечень поручений по итогам XXVIII Петербургского международного экономического форума 18–21 июня 2025 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/77788>, 21.01.2026.
3. Минпромторг готовит новые требования к продавцам и маркетплейсам // <https://www.sostav.ru/publication/minpromtorg-gotovit-novye-trebovaniya-k-prodavtsam-i-marketplejsam-80335.html>, 22.01.2026.
4. Федеральный закон от 08.08.2024 № 301-ФЗ «О внесении изменений в статью 9 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 12.08.2024, № 33 (часть I), ст. 4997.
5. Федеральный закон от 04.08.2023 № 418-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 07.08.2023, № 32 (часть I), Ст. 6150.
6. Федеральный закон от 23.05.2025 № 120-ФЗ «О внесении изменения в статью 9 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 26.05.2025, № 21, Ст. 2541.
7. Разъяснения части 12.1 статьи 9 Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Официальный сайт ФАС России, <https://fas.gov.ru/documents/690032>, 29.01.2026.

Сущность и значение гражданского иска в уголовном процессе

Аникина Диана Сергеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с сущностью и значением гражданского иска в уголовном процессе. Автор приходит к выводу, что гражданский иск в уголовном процессе выступает способом компенсации

ущерба, нанесенного лицам, пострадавшим от преступных деяний, и призван защищать их права и законные интересы, основной целью гражданского иска является реализация принципа защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Также, автор указывает, на то, что в рамках уголовного процесса гражданский иск направлен на возмещение имущественного вреда, то есть ущерба, возникшего в результате преступления. Этот ущерб может принимать разные формы: физическую, материальную или моральную, кроме того, выделяют два ключевых элемента: предмет иска и его основания. Стоит отметить, что Гражданский иск, рассматриваемый в рамках уголовного процесса, имеет важное значение благодаря ряду факторов.

Ключевые слова: гражданский иск, предмет, основание, материально-правовое требование, процессуальное действие, ущерб, причиненный преступлением, потерпевший.

The essence and significance of a civil action in criminal proceedings

Anikina Diana Sergeevna, master's student

Tyumen State University

The article discusses topical issues related to the nature and significance of a civil claim in criminal proceedings. The author concludes that a civil action in criminal proceedings is a way of compensating for damage caused to persons affected by criminal acts and is designed to protect their rights and legitimate interests, the main purpose of a civil action is to implement the principle of protecting individual rights and freedoms in criminal proceedings. The author also points out that in the framework of the criminal process, a civil claim is aimed at compensation for property damage, that is, damage caused as a result of a crime. This damage can take different forms: physical, material or moral, in addition, there are two key elements: the subject of the claim and its grounds. It is worth noting that a civil claim considered in the framework of a criminal trial is important due to a number of factors.

Keywords: civil claim, subject, basis, substantive requirement, procedural action, damage caused by a crime, victim.

В основе формирования института гражданского иска в современном уголовном процессе лежит принцип обеспечения доступа потерпевших от преступлений к правосудию и компенсации причиненного ущерба, закрепленный статьей 52 Конституции Российской Федерации 1993 года. Данная статья возлагает на государство обязанность по реализации данного права.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ защита законных интересов физических и юридических лиц, пострадавших от преступного посягательства, названа одним из назначений уголовного судопроизводства.

При этом, как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 февраля 2006 г. N 1-П, судебная защита должна находить свое выражение не только в провозглашении права на обращение в соответствующий суд, но и в реальной возможности лица восстановить нарушенные интересы. В сфере уголовного судопроизводства действует институт гражданского иска, позволяющий пострадавшим наиболее эффективным способом достичь восстановления нарушенных законных интересов. Гражданский иск в уголовном деле, изначально разработанный во французской правовой доктрине, доказал свое значение долгим периодом существования и широким распространением в странах континентальной правовой семьи [4].

В уголовном процессе относительно понятия гражданского иска нет единства во взглядах исследователей. По мнению автора Р. Г. Непранова, понятие гражданского иска в уголовном процессе звучит следующим образом «письменное требование физического или юридического лица о возмещении имущественного вреда, вследствие

совершенного преступления, а также об имущественной компенсации морального вреда, адресованное органу предварительного расследования, судье или суду» [11].

Обращаясь к высказываниям И. Я. Фойницкого, следует отметить его убедительность в сказанном «Уголовное обвинение определяется началом публичным, гражданский же иск — началом частным; воля сторон признается здесь верховным законом. Поэтому, участвующий в уголовном деле гражданский истец может во всякий момент изменить свои исковые требования, даже совсем отказаться от них, не оказывая влияния на уголовное обвинение. Отказ потерпевшего от возмещения за вред и убытки не признается отказом от обвинения, тогда как, наоборот, отказ от обвинения признается вместе с тем и отказом от гражданского иска, если противное не было специально не оговорено» [5].

Уникальность института гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства определяется его комплексной, междисциплинарной природой. Этот институт занимает пограничное положение, объединяя элементы гражданского, гражданского процессуального и уголовно-процессуального права. Вопросы компенсации ущерба в основном подпадают под действие норм гражданского права, следовательно, и порядок возмещения вреда в первую очередь регулируется гражданским процессуальным законодательством.

Восстановление причиненного ущерба в ходе уголовного судопроизводства представляет собой особый случай, отличающийся от общих принципов. В связи с этим ряд исследователей полагают, что положения о гра-

жданском иске целесообразно исключить из уголовно-процессуального законодательства.

По мнению В. Ф. Бозрова, институт гражданского иска не соответствует сущности уголовно-процессуального права, поскольку последнее регулирует публичные отношения, направленные на обеспечение уголовной ответственности. Подчеркивается, что основополагающий принцип уголовного судопроизводства — презумпция невиновности вступает в противоречие с гражданским процессом, где распределение бремени доказывания между сторонами вызывает дискуссии [6].

К. В. Черечук также высказывает критику в отношении приобщения гражданского иска к уголовному процессу. Она отмечает, что, хотя данная процедура и стремится к упрощению судопроизводства, чрезмерное стремление законодателя к его ускорению приводит к неизбежным нарушениям норм Гражданского процессуального кодекса, касающихся удовлетворения материальных требований истца [7].

Описывая гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства, М. С. Матейкович называет его льготным механизмом «защиты нарушенного права, обусловленный конституционным гарантированием прав потерпевших от преступлений, их доступ к правосудию и компенсацию причиненного им ущерба» [10].

Так, Волеводза А. Г. и Гриненко А. В., и другие правоведы выделяют некоторые достоинства рассмотрения гражданского иска совместно с уголовным делом, одно из них, по их мнению, это: Быстрое восстановление имущественных прав потерпевшего. Совместное рассмотрение избавляет от необходимости проводить два судебных разбирательства: по уголовному делу и по гражданскому иску [8].

«При таких обстоятельствах, у потерпевших и иных лиц, участвующих в рассмотрении дела, складывается убеждение в неизбежности возмещения причиненного преступлением ущерба» [9].

Возможность предъявления гражданского иска в рамках уголовного дела, как на стадии судебного разбирательства, так и с момента возбуждения уголовного дела на стадии предварительного расследования (согласно части 2 статьи 44 УПК РФ), является более эффективным способом защиты прав потерпевших по сравнению с обращением в гражданский суд.

Данный подход обусловлен тем, что с момента начала расследования преступления возможно и целесообразно приступить к сбору доказательств, подтверждающих предмет иска и его основания. Осуществление таких действий возлагается на органы дознания и предварительного следствия и вытекает из общих задач раскрытия и расследования преступлений.

Кроме того, гражданский истец, являющийся непосредственным участником процесса расследования, также по своему усмотрению может оказать существенную помощь должностным лицам. Это содействие может включать в себя выявление новых обстоятельств дела и предоставление важной информации, способствующей скорейшему и наиболее справедливому разрешению дела.

Такое содействие гражданского лица с представителями правосудия оптимизирует использование процессуальных ресурсов, экономит время и силы всех участников.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что рассмотрение гражданского иска в ходе уголовного судопроизводства является наиболее эффективным способом восстановления нарушенных прав потерпевшего.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «Консультант Плюс», 2018.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч.1). ст.4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст.2954.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. N 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К. А. Инешина, Н. С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижекамскнефтехим» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 158–195.
6. Бозров В. Гражданский иск в уголовном деле неуместен // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 42–47.
7. Черечук К. В. Эффективность предъявления гражданского иска в уголовном процессе: актуальные проблемы определения гражданского истца и ответчика в рамках уголовного производства. Вестник современных исследований, 2018.
8. Волеводз А. Г., Гриненко А. В. Гражданский иск в уголовном процессе: международные стандарты и отечественное законодательство / Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 1. С. 2–5.
9. Карнушин В. Е. Защита имущественных прав физических и юридических лиц в уголовном процессе: учебное пособие для вузов / В. Е. Карнушин. Москва: Юрайт, 2023. 80 с.

10. Матейкович М. С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика // Журнал российского права. — 2020. — № 3. — С. 103–118.
11. Непранова Р. Г., Абазяна О. Ж. Гражданский иск в уголовном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2021 — № 9 (136), С.124–126.

К вопросу о некоторых проблемах правового регулирования деятельности следователя по сборанию доказательств

Анисимова Анастасия Михайловна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор рассуждает об особенностях процесса собирания доказательств следователем.

Ключевые слова: следователь, судопроизводство, доказательства.

Уголовное судопроизводство на территории Российской Федерации осуществляется с учетом требований, проистекающих из принципов, которые закреплены в гл. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) [1].

Одним из таких принципов является состязательность сторон, предусмотренная ст. 15 УПК РФ. Действие данного принципа проявляется в нескольких аспектах, включая дифференциацию уголовно-процессуальных функций. Следователь отнесен законодателем к числу участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Согласно ч. 1 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен на осуществление предварительного следствия по уголовному делу. Сущность предварительного следствия, как отмечает К. С. Сефикурбанов, заключается в собирании доказательственной информации о преступлении, на основании которой фактически и формируется уголовное дело [8].

Перечень такой информации фактически регламентирован положениями ст. 73 УПК РФ, в которой перечислены обстоятельства, образующие общий предмет доказывания. В отдельных случаях данный перечень может быть расширен (например, в случае производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних).

Анализ содержания ст. 73 УПК РФ приводит к выводу о том, что следователь, хоть и является представителем стороны обвинения, как субъект доказывания обязан собирать доказательства, фактически имеющие защитную направленность (например, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие ответственность, и т. д.). Возложение на следователя обязанности по установлению вышеуказанных обстоятельств способствует полному и всестороннему установлению всех обстоятельств по уголовному делу, что, в свою очередь, делает расследование наиболее объективным.

Таким образом, возникает следующая проблема: несмотря на отнесение следователя к числу участников уго-

ловного судопроизводства со стороны обвинения, его процессуальная деятельность по доказыванию приводит к двойственному положению следователя в уголовном процессе. В советский период дискуссия по вопросу о роли следователя в уголовном процессе существовала, но отчасти была решена в ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.

В силу требований указанной статьи следователь (как и остальные субъекты стороны обвинения) был обязан принимать все законные меры, необходимые для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Это означало, что он должен устанавливать в том числе оправдывающие обстоятельства и обстоятельства, смягчающие вину лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование [2].

В ныне действующем уголовно-процессуальном законе аналогичная правовая норма отсутствует, что, однако, как отмечает Л. А. Воскобитова, не означает, что данных требований в УПК РФ нет вовсе [6]. Соответствующие требования, например, вытекают из содержания ранее упомянутой ст. 73 УПК РФ. Здесь же можно отметить и ч. 2 ст. 14 УПК РФ, которая обязывает следователя доказывать виновность подозреваемого (или обвиняемого) и опровергать доводы стороны защиты, что, в свою очередь, может быть осуществлено только посредством производства следственных и иных процессуальных действий и собиранием соответствующих доказательств. Иначе в этом случае применению подлежат положения ч. 3 ст. 14 УПК РФ, требующие толковать в пользу обвиняемого все неустраняемые сомнения в виновности.

В данном отношении нельзя не отметить и позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 29.06.2004 г. № 13-П. В частности, в абз. 2 п. 4 данного решения суд прямо указал на то, что следователь в ходе доказывания должен принимать все зависящие от него меры для получения доказательств, подтверждающих как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого преступления [4].

Вышеизложенное позволяет заключить, что фактически осуществляемая следователем деятельность по доказыванию не соответствует избранной для него законодателем роли — участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

В ст. 85 УПК РФ доказывание определено через соби­рание, проверку и оценку доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, т. е. образующих предмет доказывания. Основными способами получения доказательств являются следственные и иные процессуальные действия, а полномочия по их производству предоставлены органам предварительного расследования. В этой связи следует согласиться с О. И. Андреевой в том, что публичность уголовного судопроизводства влечет за собой то, что именно органы предварительного расследования являются ключевыми субъектами доказывания [5].

Одновременно с этим следователь уполномочен и на признание доказательств недопустимыми. Помимо того, что следователь в этом случае имеет широкие пределы усмотрения, уголовно-процессуальный закон, как отмечается в юридической литературе, не требует от него вынесения по этому поводу какого-либо процессуального решения.

Полагаем, что такой законодательный подход не соотносится с обеспечением объективности расследования, о котором говорилось выше. В этой связи целесообразным видится изменение порядка рассмотрения подобного ходатайства — его рассмотрение наиболее целесообразно сделать обязанностью руководителя следственного органа. В итоге удастся добиться одновременно двух положительных результатов:

1) снижение нагрузки на суды за счет уменьшения обращений, поступающих на основании ст. 125 УПК РФ, связанных с обжалованием решений следователя;

2) уменьшение количества нарушений прав человека в сфере доказывания, осуществляемого следователем.

Внимания, на наш взгляд, заслуживает и проблема обеспечения процессуальной самостоятельности следователя, самым непосредственным образом сказывающаяся на его деятельности по доказыванию. В рамках п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно на-

правлять ход расследования и принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий. Из этого правила предусмотрено несколько исключений, связанных с получением судебного решения, получением согласия руководителя следственного органа и выполнением указаний последнего. При этом если первое исключение является обоснованным ввиду конституционной природы прав, которые ограничиваются действиями, для совершения которых следователю необходимо получить судебную санкцию, то два последних исключения не являются бесспорными.

Например, согласие руководителя следственного органа необходимо следователю во всех случаях обращения в суд с ходатайством об избрании одной из мер пресечения, предусмотренных ст. 105.1–108 УПК РФ. Какую роль в данном случае играет «опека» со стороны руководителя, совершенно неясно, поскольку итоговое решение по ходатайству все равно принимается судом. Между тем негативные последствия такого порядка очевидны: это может негативно сказаться на своевременности обнаружения и фиксации следов преступления, а также обеспечении всесторонности и полноты исследования фактических обстоятельств.

Полагаем, что следователь способен самостоятельно определить оценочные понятия и принять законные и обоснованные процессуальные решения. Здесь необходимо напомнить, что еще в Концепции судебной реформы было акцентировано внимание на том, что центральной фигурой должен являться следователь, в то время как руководители должны быть ответственными за организацию работы, а также за ресурсное и методическое обеспечение расследования [3].

Для того чтобы следователь действительно был центральной фигурой, целесообразным видится изменение порядка обращения следователя в суд с ходатайством об избрании мер пресечения, предусмотренных ст. 105.1–108 УПК РФ, исключив требование о необходимости согласования ходатайства с руководителем следственного органа.

Полагаем, что названные изменения будут способствовать тому, что деятельность следователя по доказыванию будет в наибольшей степени отвечать назначению уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (часть I). — Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.
3. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801–1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 44. — Ст. 1435.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. — 2004. — № 143.
5. Андреева, О. И. К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений / О. И. Андреева // Судебная реформа в современной России: итоги, проблемы и перспек-

тивы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета, Краснодар, 27 марта 2020 года / отв. ред. В. А. Семенов. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. — С. 11–18.

6. Воскобитова, Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? / Л. А. Воскобитова // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 3 (40). — С. 455–462.
7. Малышева, О. А. Следователь как субъект доказывания и принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве / О. А. Малышева // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 469. — С. 69–75.
8. Сефикурбанов, К. С. Предварительное следствие как основная форма предварительного расследования / К. С. Сефикурбанов, Ю. Ю. Юсуфов // Закон и право. — 2024. — № 1. — С. 264–267.

Смарт-контракты в России и за рубежом: правовое регулирование, проблемы и перспективы развития

Ахмедов Магомед Масхудович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена правовому анализу смарт-контрактов, которые, с развитием блокчейн-технологий, стали важным инструментом автоматизации договорных отношений. В статье рассматриваются существующие правовые проблемы, с которыми сталкиваются стороны смарт-контрактов в России и за рубежом, такие как неопределённость правового статуса и недостаточность законодательных норм. Также предлагаются перспективные направления для их правового регулирования, направленные на устранение правовой неопределённости и обеспечение эффективного применения смарт-контрактов в российской правовой системе.

Ключевые слова: смарт-контракты, блокчейн, автоматизация договорных отношений, правовой статус, правовое регулирование, цифровая экономика, правоприменение, российская правовая система, цифровые технологии.

Smart contracts in Russia and abroad: legal regulation, challenges, and development prospects

Akhmedov Magomed Maskhudovich, master's student
Togliatti State University (Samara Oblast)

The article is devoted to the legal analysis of smart contracts, which, with the development of blockchain technologies, have become an important tool for automating contractual relations. The article examines the existing legal problems faced by the parties to smart contracts in Russia and abroad, such as the uncertainty of their legal status and the lack of legal regulations. The article also proposes promising areas for their legal regulation, aimed at eliminating legal uncertainty and ensuring the effective application of smart contracts in the Russian legal system.

Keywords: smart contracts, blockchain, automation of contractual relations, legal status, legal regulation, digital economy, law enforcement, Russian legal system, and digital technologies.

Смартконтракт занял заметное место в дискуссии о цифровом гражданском обороте, поскольку соединяет договорное право, программную логику и инфраструктуру доверия. В прикладной плоскости речь идет о программном модуле, который при наступлении заранее определенных обстоятельств автоматически переводит цифровой актив, начисляет платёж, фиксирует право требования, ограничивает доступ к сервису либо прекращает обязательство. Юридическая квалификация строится иначе: программный код может обслуживать исполнение сделки или фиксировать часть её условий, однако правовой результат возникает лишь при наличии со-

гласованной воли участников и соблюдении требований к форме, предмету и содержанию обязательства. Отсюда вытекает ключевой вывод: право регулирует не алгоритм как самостоятельную ценность, а договорную связь, выраженную при помощи технического инструмента.

Практика выработала два базовых формата использования смартконтрактов. Первая модель сводит алгоритм к способу исполнения: стороны заключают текстовый договор, а расчёты, сроки, допуск к сервису или фиксация операций передаются информационной системе. Вторая модель приближает код к форме выражения условий: существенные положения полностью либо частично за-

крепляются в программной логике, вследствие чего содержание сделки доказывается через исходный код, журналы операций и записи распределённого реестра. Наиболее жизнеспособным оказался гибридный вариант, при котором юридически значимые условия формулируются на естественном языке, а алгоритм обслуживает расчёт, валидацию событий и неизменяемую фиксацию исполнения.

Экономический эффект автоматизации проявляется прежде всего в сокращении транзакционных издержек, ускорении исполнения и росте предсказуемости массовых операций. Наибольшую отдачу смартконтракты дают в сегментах, где доминируют повторяемые действия: микроплатежи, подписочные модели, логистика, страхование по событию, распределение роялти, поставки с оплатой по сигналам датчиков. Вместе с выгодой меняется и структура риска: источник ошибки смещается от поведения человека к дефекту программной логики, неверной конфигурации и качеству внешней информации, поступающей через оракулы. Правовая задача при подобном сдвиге состоит не в разрешении либо запрете технологии, а в точном распределении ответственности, доказательственных обязанностей и средств защиты.

Российское регулирование не выделяет смартконтракт в самостоятельный тип договора, однако нормативная база для его применения уже сформирована. Конструкция строится на признании цифровых прав, юридической силы электронных сделок и допустимости использования технических средств при выражении воли. При наличии договорённости участников отдельные обязательства могут исполняться автоматически в информационной системе, а изменение записи в реестре способно приобрести значение юридически значимого распоряжения правом. Подобная модель особенно важна для токенизированных требований, цифровых финансовых активов и иных объектов, существование которых связывается с правилами соответствующей системы.

Финансовый сегмент придаёт смартконтрактам наибольшую прикладную ценность. Регулирование цифровых финансовых активов и операторов информационных систем создало правовой коридор для алгоритмического выпуска, учёта, передачи и погашения цифровых объектов, обращающихся посредством записей в реестре, включая распределённый. Значимую роль играет и законодательство об электронной подписи: именно механизмы идентификации и фиксации волеизъявления превращают акцепт оферты, подключение к платформе или присоединение к правилам сервиса в доказуемый юридический факт. Дополнительным инструментом выступают экспериментальные правовые режимы, где новые модели расчётов, обмена информацией и автоматизированного исполнения проверяются под надзором государства и в заранее очерченных границах.

Главная правовая проблема связана с квалификацией смартконтракта и с определением приоритета условий. Пока российская практика склоняется к прагматичной конструкции, рассматривая алгоритм прежде всего как

способ исполнения уже согласованного обязательства. Подход снижает риск радикального отрыва кода от договорной воли, однако одновременно сужает пространство для моделей, в которых существенные условия выражаются преимущественно программным языком. При расхождении между текстом договора и поведением алгоритма наиболее рациональным выглядит смешанное решение: предмет, цена, срок, основания ответственности и порядок разрешения спора закрепляются в человекочитаемой форме, а код описывается как инструмент исполнения с оговоркой о приостановке, исправлении ошибки и порядке устранения расхождений.

Не меньшие затруднения возникают в сфере доказывания и судебной защиты. Журналы операций, хэши, транзакции и события блокчейна приобретают процессуальную ценность лишь при понятной связи с личностью участника, временем совершения действия и неизменностью записи. Публичные сети усложняют выбор юрисдикции, применимого права и идентификацию лица; корпоративные сети снимают часть перечисленных проблем, но ставят иной вопрос — кто управляет системой и способен ли администратор изменить правила задним числом. Для практики отсюда следует потребность в стандартизированных отчётах, технической экспертизе и признании исходного кода, логов и аудиторских заключений в качестве согласованной доказательственной инфраструктуры.

Критический узел смартконтрактной архитектуры образуют оракулы и иные каналы поступления внешней информации. Большинство полезных решений зависят от сведений о доставке, погодных условиях, рыночном курсе, страховом событии или показаниях датчика; ошибка источника немедленно трансформируется в ошибочное исполнение. Отсюда вытекает необходимость заранее распределять ответственность за качество информации, определять порядок верификации и предусматривать режим паузы при возникновении спора. Параллельно возрастают требования к защите потребителя: автоматическое продление, скрытая комиссия, динамический тариф или мгновенный штраф допустимы лишь при прозрачном раскрытии условий, понятном интерфейсе и реальной возможности отказаться от услуги либо оспорить результат.

Отдельный пласт рисков связан с дефектами кода, уязвимостями и вмешательством в исполнение. Баг разработки, ошибочная конфигурация, несовместимое обновление, уязвимость повторного входа, подмена сигнала оракула или несанкционированный доступ способны вывести активы, исказить расчёты и нарушить баланс интересов участников. Поэтому зрелая договорная модель сочетает технические меры — аудит, тестирование, ограничение привилегий, мультиподпись, контроль версий, журналы событий — с юридическими гарантиями в виде соглашений об уровне сервиса, лимитов ответственности, страхования киберрисков, аварийной остановки, порядка возврата активов и согласованной процедуры отката в закрытых сетях. Для российского оборота практичным решением остаётся двухслойная документация: текстовый

договор либо оферта задаёт правовую рамку, а техническое приложение раскрывает логику кода, источники внешней информации, критерии срабатывания, модель обновлений и формат доказательств. В финансовых сервисах конструкция дополняется KYC/AML процедурами, белыми списками адресов и основаниями блокировки операций, не прошедших проверку. В трансграничных проектах добавляются выбор применимого права, арбитражная оговорка, указание места исполнения и привязка к идентифицированным участникам сети.

Сопоставление зарубежных моделей показывает отсутствие универсальной законодательной формулы. В странах общего права преобладает опора на традиционные принципы договорного права и на судебное толкование; в Европейском союзе смартконтракт включается в более широкий контур регулирования криптоактивов, DLT инфраструктуры, киберустойчивости и цифровой идентификации; швейцарская модель идёт по пути технологически нейтральной адаптации норм к реестровому обороту прав; американская система сохраняет высокую гибкость, но распадается на штаты и отраслевые режимы; азиатские финансовые центры соединяют строгий комплаенс с песочницами и пи-

лотами. В таблице 1 сведены ключевые различия названных подходов.

Независимо от выбранной юрисдикции конфликты концентрируются вокруг сходного набора рисков: расхождение между договорной спецификацией и кодом, ошибка оракула, взлом, неопределённость применимого права, нарушение императивных требований и непрозрачность условий для слабой стороны. Правовой режим становится устойчивым лишь при одновременном управлении архитектурой договора и архитектурой системы. В таблице 2 приведён прикладной перечень мер, пригодный для проектирования и аудита смартконтрактного решения.

Перспективы развития смартконтрактов определяются не столько появлением специального закона, сколько ростом доверия к процедурам проектирования, идентификации, доказывания и контроля жизненного цикла кода. Для России приоритетны три направления: расширение токенизации в регулируемых системах, стандартизация разработки и аудита, а также усиление цифровой идентификации и электронного документооборота. Зарубежный опыт подтверждает ту же закономерность: чем прозрачнее распределена ответственность, чем надёжнее

Таблица 1. Сопоставление подходов к правовому регулированию смартконтрактов и DLT инфраструктуры

Юрисдикция	Модель регулирования	Основные правовые опоры	Наиболее детализированный блок	Базовый риск
Россия	Смартконтракт трактуется преимущественно как способ исполнения или элемент цифрового оборота	гражданское законодательство об электронных сделках и цифровых правах, закон о ЦФА, закон об электронной подписи, экспериментальные режимы	идентификация, электронная форма, оборот цифровых прав, требования к операторам информационных систем	конфликт между текстовой спецификацией и кодом, слабая стандартизация аудита и доказательств
ЕС	Регулирование через пакеты норм о криптоактивах, DLT рынках и цифровой инфраструктуре	MiCA, пилотные режимы DLT, акты о киберустойчивости и защите информации	лицензирование, раскрытие, операционная устойчивость, надзор над сервисами	высокая комплаенс-нагрузка и сложность трансграничного соответствия
Англия и Уэльс	Интеграция в действующее договорное право без специального закона	принципы договорного права, экспертные рекомендации, судебная практика	толкование, форма сделки, доказательства, распределение риска автоматизации	неопределённость интерпретации кода и зависимость от экспертизы
Швейцария	Технологически нейтральная адаптация действующих норм к DLT	пакет DLT реформ и нормы о реестровых правах	токенизация и обращение прав в распределённых регистрах	повышенные требования к управлению инфраструктурой и к стыку частного и финансового регулирования
США	Фрагментарная комбинация правил штатов и федерального финансового надзора	нормы об электронных записях и отраслевые требования финансового рынка	защита инвестора, комплаенс, квалификация токенов и продуктов	регуляторные коллизии между штатами и ведомствами
Сингапур и иные азиатские центры	Практикоориентированная модель с жёстким надзором и пилотированием	лицензионные режимы, AML контроль, регуляторные песочницы	аудит кода, идентификация, рискменеджмент финансовых сервисов	высокая цена соответствия при нарушении комплаенс-требований

Таблица 2. Типовые правовые и технологические риски смартконтрактов и способы их минимизации

Риск	Практическое проявление	Правовые инструменты	Технические инструменты
Расхождение договорной спецификации и кода	Алгоритм совершает операцию иначе, чем предписано текстом, из-за ошибки логики, округления или срока	приоритет текстовой спецификации, процедура приостановки, порядок исправления и возврата, распределение ответственности	тестирование, формальная верификация, независимый аудит, контроль версий, парное чтение логики
Ошибка или подмена внешней информации	Алгоритм реагирует на ложный курс, ошибочный сигнал датчика или недостоверное сообщение о доставке	закрепление источников информации, ответственность поставщика, порядок апелляции, ручная проверка при споре	мультиоракулы, кроссвалидация, криптографическая подпись сообщений, журналы событий, мониторинг аномалий
Уязвимость или взлом	Нарушитель использует баг и выводит активы либо искажает расчёты	страхование, соглашение об уровне сервиса, лимиты ответственности, обязанность аудита, план реагирования	аудит безопасности, программа поиска уязвимостей, ограничение привилегий, мультиподпись, лимиты операций, сегментация модулей
Неопределённость применимого права и форума	Стороны и узлы сети распределены по разным государствам, исполнение решения затруднено	выбор применимого права, арбитражная оговорка, место исполнения, соглашение о доказательствах	сеть с идентифицированным доступом, контроль географии узлов, централизованное хранение журналов
Нарушение императивных требований	Автоматическое исполнение обходит КУС, санкционные фильтры или AML-проверки	комплаенс-клаузы, основания блокировки, обязанности по идентификации и отчётности	белые списки адресов, комплаенс-модули, ролевой доступ, журналирование
Потребительская непрозрачность	Автопродление, скрытая комиссия, сложный отказ, мгновенный штраф	раскрытие условий, право на отказ и возврат, запрет несправедливых условий, фиксация информирования	понятный интерфейс, двойное подтверждение, уведомления, окно отмены, таймеры

механизмы остановки, обновления и разрешения споров, тем шире круг задач, пригодных для безопасной автоматизации. Смартконтракт не вытесняет право, а смещает

акцент с абстрактного согласования условий на дисциплину исполнения, качество инфраструктуры и управляемость риска.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ) (ред. от 31.10.2024). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи». — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ. — Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 13.06.2025).
4. Ахмедов А. Я., Волос А. А., Волос Е. П. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смартконтрактов: монография. — Москва: Проспект, 2022. — 224 с.
5. Бавин, Д. Е. Использование смарт-контрактов в России: проблемы правоприменения и перспективы правового регулирования / Д. Е. Бавин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 24 (575). — С. 314–316. — URL: <https://moluch.ru/archive/575/126684>.
6. Сушкова О. В. Смартконтракты: практикум. — Москва: Проспект, 2023. — 56 с.
7. Кириллова Е. А. Гражданско-правовое обеспечение смартконтрактов: монография. — Москва: ИНФРАМ, 2024. — 124 с.
8. Цифровое право: учебник / [Д. В. Абдрахманов, В. В. Архипов, Д. Е. Богданов и др.]; под ред. Э. Л. Сидоренко. — Москва: Юрлитинформ, 2024. — 718, [1] с.

Ответственность за налоговые правонарушения: теоретико-правовая характеристика и практика применения

Бадакба Евгения Вячеславовна, студент

Научный руководитель: Кагазеев Рустам Байзетович, кандидат исторических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется теоретико-правовой базис и актуальные векторы реализации ответственности за налоговые деликты. Посредством системного и сравнительно-правового методов исследованы механизмы наложения фискальных санкций в условиях цифровой трансформации контроля. Научная новизна работы заключается в выявлении деструктивной тенденции превалирования автоматизированного подхода над принципом индивидуализации наказания в современной судебной практике. Полученные результаты демонстрируют наличие правовой неопределенности в критериях разграничения умышленных деяний и технических ошибок учета. Сформулирован вывод о необходимости имплементации в Налоговом кодексе Российской Федерации расширенного перечня безусловных смягчающих обстоятельств для обеспечения справедливости налогообложения.

Ключевые слова: налоговое право, юридическая ответственность, налоговые санкции, НК РФ, налоговый контроль, судебная практика, налоговый деликт, индивидуализация наказания.

Постановка проблемы и актуальность исследования. В условиях перманентного реформирования фискальной системы Российской Федерации институт ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах трансформируется в один из наиболее дискуссионных сегментов юриспруденции.

Основная проблема изыскания заключается в существующем противоречии между превентивно-карательной направленностью санкций и необходимостью соблюдения конституционных гарантий прав налогоплательщиков. Действительно, актуальность темы детерминирована нарастающей неопределенностью судебной практики, вызванной внедрением статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) [4] и неоднозначными разъяснениями Верховного Суда РФ относительно «налоговой реконструкции» [6]. Необходимость поиска баланса между фискальными интересами государства и принципом справедливости наказания создает объективную почву для глубокого научно-практического анализа.

Объект и предмет статьи. Объектом научного поиска выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации государственного принуждения в сфере налогообложения. Предметом исследования являются закономерности функционирования правового института налоговой ответственности, специфика его нормативного регулирования в рамках НК РФ [4;5], а также качественные характеристики правоприменительной деятельности арбитражных судов.

Анализ степени изученности темы. Вопрос ответственности за финансовые деликты традиционно находился в эпицентре внимания отечественных правоведов, однако векторы их исследований существенно различались:

1. Теоретико-правовой аспект. Такие ученые, как С. Г. Пепеляев, рассматривают налоговую ответственность через призму публичного порядка, определяя её как «меру государственного воздействия на субъекта, направленную на компенсацию бюджетных потерь» [1].

2. Отраслевой подход. Исследователь Д. В. Винницкий в своих работах фокусируется на междисциплинарной связи, указывая, что «налоговый деликт по своей природе тяготеет к административной ответственности, сохраняя при этом автономные черты фискального взыскания» [2].

3. Практико-ориентированный подход. В трудах А. В. Брызгалина акцент смещается на анализ «процессуальных лакун», возникающих при привлечении к ответственности, где автор подчеркивает, что отсутствие единообразия в решениях судов низших инстанций зачастую нивелирует презумпцию добросовестности налогоплательщика [3].

Методологическая база и гипотеза. В процессе работы применялись формально-юридический метод (анализ текстов норм), системно-деятельностный подход и метод сравнительного анализа судебных актов. Параметры измерения эффективности правового регулирования оценивались на основе массива решений арбитражных судов Уральского округа за период 2024–2025 гг. [7, 8, 9].

Гипотеза исследования строится на предположении, что текущий механизм реализации ответственности характеризуется избыточным обвинительным уклоном. На самом деле, отсутствие четко детерминированного в законе перечня безусловных смягчающих обстоятельств ведет к произвольному толкованию норм правоприменителем, что требует внедрения новых критериев индивидуализации наказания.

В современной юридической науке вопрос институциональной автономии и правовой природы санкций за фискальные правонарушения остается в числе наиболее дискуссионных. На самом деле, фундаментом для понимания данного механизма выступает демаркация между восстановительной и карательной функциями государственного принуждения. В фундаментальных доктринальных трудах отечественных правоведов Г. Пепеляева, Д. В. Винницкого аргументируется, что налоговая ответственность, обладая генетическим сходством с админи-

стративной, тем не менее реализуется через специфический метод финансового регулирования, направленный на обеспечение фискального суверенитета государства [1; 2].

С другой стороны, сравнительно-правовой анализ нормативных систем и актуальной судебной практики Арбитражного суда Уральского округа (АС УО) позволяет верифицировать гипотезу о необходимости более жесткой формализации критериев виновности субъекта. Действи-

тельно, сугубо доктринальное исследование не позволяет в полной мере оценить реальный масштаб волатильности судебного усмотрения при назначении санкций [3, с.112].

Для наглядной демонстрации выявленных противоречий между буквой закона и реальным вектором судебной защиты, а также для верификации гипотезы исследования, автором была сформирована аналитическая выборка ключевых прецедентов Уральского региона за период 2024–2025 гг., систематизированная в таблице 1.

Таблица 1. Судебная практика применения ответственности за налоговые правонарушения (2024–2025 гг.)

Категория спора и реквизиты дела	Предмет и объект правового анализа	Ключевая правовая позиция суда	Значимость для науки и правоприменения
Дело № А07-0968/2024	Взыскание налоговой задолженности с ИП	Бесспорное взыскание возможно только по судебному акту	Ограничивает произвольное списание налогов
Дело № А07-2887/2023	Оспаривание решения налогового органа	Недостаточно доказательств нарушения контрагентов	Подчеркивает необходимость доказательной базы
Дело № А07-11678/2024	Применение ст. 54.1 НК РФ к расходам	Учёт расходов только при реальных операциях и документах	Отмена фиктивных расходов

Анализ представленного массива прецедентов позволяет констатировать наличие выраженной амбивалентности в подходах к квалификации налоговых деликтов. На самом деле, ключевое противоречие текущего этапа развития правоприменения кроется в столкновении традиционных принципов юридической ответственности с новыми алгоритмами цифрового администрирования [1; 2]. Действительно, изучение дела № А07-11678/2024 демонстрирует, что в условиях функционирования автоматизированных систем контроля (в частности, АСК НДС-2) правоприменитель зачастую склонен к превалированию формальных признаков правонарушения над исследованием реальной воли субъекта [9]. Так, позиция по делу № А07-2887/2023 акцентирует внимание на недопустимости переноса ответственности за недобросовестные действия контрагентов на добросовестного плательщика без веских доказательств его сопричастности к схеме уклонения [8]. В рамках теоретического дискурса принципиальное значение приобретает структура состава правонарушения, которая в налоговом праве приобретает специфические черты [2]. В отличие от классических административных составов, здесь материальный аспект неразрывно связан с процессуальными дефектами учета [1]. Таким образом, правовая природа ответственности за налоговые деликты должна рассматриваться через призму концепции «правомерного ожидания» [1; 2].

Таким образом, правовая природа ответственности за налоговые деликты должна рассматриваться через призму концепции «правомерного ожидания» — субъект вправе рассчитывать на стабильность оценки его действий государством при соблюдении установленных формальностей. Следовательно, демаркация между технической ошибкой и умышленным искажением сведений, закрепленная в ст. 54.1 НК РФ, требует не формального сопоставления сведений в базах данных, а глубокого анализа деловой цели операций [4].

Верифицированная в ходе анализа практика Арбитражных судов Уральского округа подтверждает, что отсутствие единообразия в трактовке «реальности» сделок порождает правовую неопределенность, нивелирующую превентивную функцию штрафных санкций. Комплексное изучение доктринальных подходов позволяет выделить три ключевых уровня детерминации ответственности:

1. Нормативный уровень: жесткая фиксация составов в НК РФ [4;5].
2. Интерпретационный уровень: разъяснения высших судебных инстанций, корректирующие вектор применения норм [6].
3. Эмпирический уровень: реальная деятельность региональных арбитражных судов, где происходит окончательная индивидуализация наказания [7; 8; 9].

Итак, подведение промежуточного итога первого раздела позволяет утверждать, что теоретический базис налоговой ответственности в 2024–2025 гг. претерпевает существенную трансформацию [1;2].

Отказ от сугубо карательного подхода в пользу восстановительного правосудия (налоговой реконструкции) является магистральным направлением, однако его реализация на практике остается фрагментарной и во многом зависит от дискреции конкретного правоприменителя [6]. Переход от доктринальных изысканий к прикладному анализу правоприменения позволил автору систематизировать массив данных, отражающий реальное состояние защищенности субъектов в налоговых спорах [7;8;9]. На самом деле, наиболее репрезентативным этапом работы стало системное изучение более 50 судебных актов Арбитражного суда Уральского округа, вынесенных в период 2024–2025 гг [7;8;9]. В ходе изыскания была предпринята

попытка верифицировать гипотезу о доминировании формально-автоматизированного подхода над индивидуализацией юридической ответственности [3]. Действительно, параметры измерения эффективности правовой защиты наглядно демонстрируют, что вероятность

успешного оспаривания санкций напрямую коррелирует не с тяжестью нарушения, а с выбранной стратегией доказывания [3]. Следовательно, поэтапный процесс реализации прав на налоговую реконструкцию и индивидуализацию ответственности проиллюстрируем на рис. 1.

Рис 1. Поэтапный алгоритм реализации права на налоговую реконструкцию в рамках арбитражного процесса [4; 6]

На первом этапе — фиксации деликта и квалификации деяния — осуществляется первичная верификация признаков нарушения ст. 54.1 НК РФ [4]. Действительно, судебная практика свидетельствует о том, что фискальные органы зачастую ограничиваются констатацией дефектов в цепочке контрагентов, однако, как подчеркивается в актах АС УО, формальное наличие «технических» компаний не должно являться безусловным основанием для отказа в защите прав, если не доказан прямой умысел плательщика [7;9].

Второй этап — процессуальная инициатива и представление доказательств — выступает в роли ключевой точки бифуркации всего процесса. С другой стороны, именно здесь наиболее отчетливо проявляется обвинительный уклон: бремя доказывания параметров реальной сделки фактически перекладывается на налогоплательщика [6]. В ходе исследования было выявлено, что отсутствие заранее сформированного комплекса оправдательных документов на данной стадии в значительном проценте случаев предопределяет отрицательный исход дела [7;8].

Третий этап — верификация параметров и расчет действительной обязанности — направлен на реализацию механизма налоговой реконструкции и обеспечение принципа экономического основания налога [2, с.154]. Таким образом, данный этап ориентирован на исключение двойного налогообложения путем определения рыночной стоимости фактически исполненных обязательств. Системный анализ дел в Уральском регионе подтверждает, что суды все чаще прибегают к расчетному методу, если плательщиком раскрыты сведения о реальных исполнителях [7;9].

Финальный, четвертый этап — индивидуализация и применение смягчающих обстоятельств — преследует цель достижения соразмерности наказания через призму положений ст. 112 и 114 НК РФ [4]. Следовательно, именно здесь происходит окончательная корректировка санкции, однако сохраняющаяся волатильность судебного усмотрения свидетельствует о дефиците четкой методологии снижения штрафов [3].

Итак, последовательная реализация всех четырех этапов алгоритма является императивным условием для обеспечения паритета частных и публичных интересов [6]. Выявленные «узкие места» в структуре каждого этапа подтверждают концептуальную необходимость нормативной формализации данного процесса непосредственно в тексте Налогового кодекса, что позволит минимизировать субъективизм правоприменителя и обеспечить стабильность гражданского оборота [4].

На самом деле, выявленная деструктивная тенденция превалирования автоматизированного подхода над принципом справедливости требует перехода от декларативных норм к четко детерминированным критериям индивидуализации санкций [6].

Внедрение в научный оборот авторской категории «цифровой добросовестности» позволяет по-новому взглянуть на структуру состава налогового деликта, определяя его не только через факт недоимки, но и через качество информационного взаимодействия субъекта с государством [2]. С другой стороны, практическая ценность исследования выражается в предложении по устранению выявленных пробелов в статьях 112 и 114 НК РФ посредством внедрения «динамического коридора ответственности» [4].

Таким образом, предлагаемая модель направлена на минимизацию волатильности судебного усмотрения, зафиксированной автором при анализе актов Арбитражного суда Уральского округа [7;8;9]. Суть данной инициативы заключается в законодательном закреплении обязанности суда снижать размер штрафа не менее чем на 50 % при подтверждении технического характера ошибки или добровольного раскрытия сведений о реальном исполнителе в рамках налоговой реконструкции [4;6]. Следовательно, трансформация налогового контроля из инструмента исключительно карательного воздействия в механизм восстановительного правосудия невозможна без нормативной формализации пошагового алгоритма учета смягчающих обстоятельств [4].

Итак, качественная формулировка данных предложений позволяет одновременно детализировать теоретические положения о правовой природе фискальных санкций и повлиять на практическую сферу юриспруденции через повышение правовой определенности. Проведенное исследование доказывает, что только через переход к законодательно закрепленным критериям индивидуализации возможно достижение подлинного баланса между фискальными интересами государства и конституционными гарантиями прав граждан [4].

Проведенное комплексное исследование теоретических детерминант и региональной судебной практики реализации ответственности за налоговые правонарушения позволяет сформулировать ряд итоговых положений, обладающих качественными характеристиками научной новизны и практической применимости [1; 2; 3].

На самом деле, ключевой результат изыскания заключается в выявлении институционального разрыва между высокотехнологичными методами фискального администрирования и статичными механизмами обес-

печения прав налогоплательщиков [6]. Действительно, верифицированная в ходе анализа гипотеза об избыточном обвинительном уклоне подтверждает, что текущая модель ответственности тяготеет к объективному вменению, фактически нивелируя категорию субъективной вины в условиях алгоритмизированного контроля [3].

С другой стороны, авторские выводы, базирующиеся на изучении актов Арбитражного суда Уральского округа, позволяют предложить конкретный вектор совершенствования законодательства [7;8;9]. В качестве основного результата работы выдвигается инициатива по внесению изменений в статьи 112 и 114 Налогового кодекса РФ [4]. Таким образом, предлагается дополнить нормативную базу понятием «динамического коридора ответственности», закрепляющим обязанность правоприменителя снижать размер штрафных санкций не менее чем на 50 % при подтверждении добросовестного раскрытия параметров сделки в рамках налоговой реконструкции.

Следовательно, практическая ценность исследования заключается в возможности использования данных предложений для минимизации волатильности судебного усмотрения и повышения правовой определенности в спорах о «реальности» хозяйственных операций [7;8;9]. Итак, подведение итога научной работы позволяет утверждать, что трансформация карательной функции налоговой ответственности в восстановительную возможна лишь через жесткую нормативную формализацию этапов индивидуализации наказания [4;6]. Реализация предложенных поправок обеспечит необходимый паритет между фискальным суверенитетом государства и конституционно защищаемыми интересами субъектов экономической деятельности [1;2].

Литература:

1. Пепеляев, С. Г. Налоговое право: учебник / С. Г. Пепеляев. — М.: Статут, 2022. — 640 с. — Текст: непосредственный.
2. Винницкий, Д. В. Налоговое право: учебник для вузов / Д. В. Винницкий. — М.: Норма, 2021. — 528 с. — Текст: непосредственный.
3. Брызгалин, А. В. Налоговые споры: теория и практика / А. В. Брызгалин. — Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2023. — 420 с. — Текст: непосредственный.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. действующая). — Текст: непосредственный.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. действующая). — Текст: непосредственный.
6. Верховный Суд Российской Федерации Обзор судебной практики по налоговым спорам / Верховный Суд РФ. — М., 2024. — Текст: непосредственный.
7. Арбитражный суд Уральского округа Постановление по делу № А07-10968/2024 // Sudact.ru. — Текст: электронный. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/oq1ZaP6NUdWo/> (дата обращения: 14.03.2026).
8. Арбитражный суд Уральского округа Постановление по делу № А07-2887/2023 // Sudact.ru. — Текст: электронный. — URL: <https://www.v2b.ru/documents/postanovlenie-arbitrazhnogo-suda-uralskogo-okruga-ot-08-04-2024-f09-> (дата обращения: 14.03.2026).
9. Арбитражный суд Уральского округа Постановление по делу № А07-11678/2024 // Sudact.ru. — Текст: электронный. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38845843/> (дата обращения: 14.03.2026).

Особенности договора поставки для государственных или муниципальных нужд

Базанова Наталья Николаевна, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена анализу договора поставки для государственных или муниципальных нужд как специальной гражданско-правовой конструкции, сочетающей частноправовые и публичные элементы. Обосновывается, что его особенности выражаются в целевой направленности, специальном субъектном составе, бюджетной обусловленности, ограничении свободы договора, особом порядке изменения условий и усиленном режиме ответственности.

Ключевые слова: государственный контракт, договор поставки, государственные нужды, муниципальные нужды, государственный заказчик, исполнение контракта.

Актуальность темы определяется тем, что поставка товаров для государственных или муниципальных нужд занимает заметное место в гражданском обороте, но по своей правовой организации не сводится к обычному договору поставки. Здесь частный обмен товаром на цену подчинен публичной цели, а именно обеспечению государственных и муниципальных нужд за счет бюджетных средств. Именно поэтому государственный или муниципальный контракт не может рассматриваться только как технический способ приобретения товара.

Как справедливо отмечает Д. А. Губайдулова, он представляет собой сложное юридическое понятие и выступает главным инструментом удовлетворения потребностей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в необходимых товарах, работах и услугах. В этом состоит и научная, и практическая значимость темы [6, с. 72].

Правовое регулирование рассматриваемого договора основывается прежде всего на Гражданском кодексе Российской Федерации (часть вторая) (далее — ГК РФ), Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ) и Бюджетном кодексе Российской Федерации (далее — БК РФ). По смыслу п. 1 ст. 525 ГК РФ поставка товаров для государственных или муниципальных нужд осуществляется на основе государственного или муниципального контракта, а также заключаемых в соответствии с ним договоров поставки [1]. Следовательно, закон допускает две взаимосвязанные модели. Первая предполагает поставку товара непосредственно государственному или муниципальному заказчику. Вторая допускает заключение отдельного договора поставки с покупателем, указанным заказчиком. Именно эта двуслойная конструкция и составляет первую важную особенность исследуемого договора. Она показывает, что публичная потребность может удовлетворяться не только прямой передачей товара заказчику, но и через специально организованную систему договорных связей.

Из указанной конструкции вытекает и вторая особенность, а именно ограниченный характер свободы договора. В обычной поставке стороны сравнительно свободно определяют условия взаимодействия. В поставке

для государственных или муниципальных нужд такая свобода существенно сужена еще до момента заключения контракта, поскольку содержание обязательства во многом предопределяется извещением о закупке, результатами определения поставщика и императивными требованиями Закона № 44-ФЗ.

В. С. Фрай обоснованно подчеркивает, что в этой сфере действует приоритет специального закона, а существенные условия контракта фактически образуют расширенный по сравнению с общегражданской моделью массив обязательных положений [8, с. 336]. Это проявляется в том, что цена контракта по общему правилу является твердой на весь срок исполнения, что следует из ч. 2 ст. 34 Закона № 44-ФЗ [3]. Кроме того, обязательному закреплению подлежат условия об ответственности сторон, порядке приемки и сроках оплаты. Следовательно, публичный интерес здесь выражается не в отказе от гражданско-правовой природы обязательства, а в более жесткой регламентации его содержания.

Третья особенность договора состоит в его целевой направленности. Для обычной поставки достаточно хозяйственного интереса покупателя. Для поставки товаров для государственных или муниципальных нужд правовое значение имеет именно связь приобретаемого товара с публичной потребностью.

В. А. Алексеенцова справедливо разграничивает государственный заказ как экономическую потребность публичного образования и государственную закупку как юридически оформленный механизм ее реализации. Это различие принципиально. Пока потребность существует только как управленческое решение, гражданско-правовое обязательство еще не возникло. Оно возникает лишь после прохождения процедуры закупки и заключения контракта [9, с. 14].

Четвертая особенность выражается в специальном порядке заключения договора и в возможности понуждения к его оформлению. По п. 1 ст. 527 ГК РФ государственный или муниципальный контракт заключается на основе заказа, размещаемого в порядке, установленном законодательством о закупках. Согласно п. 4 ст. 528 ГК РФ контракт, заключаемый по результатам торгов, должен быть оформлен не позднее двадцати дней со дня их проведения, а по п. 5 ст. 528 ГК РФ при уклонении обязанной стороны другая

сторона вправе требовать понуждения к заключению контракта в судебном порядке. Сходный механизм предусмотрен и п. 5 ст. 529 ГК РФ для случая уклонения поставщика от заключения договора поставки с прикрепленным покупателем. Тем самым законодатель усиливает обязательственный элемент рассматриваемой конструкции. Однако эта формализация не означает допустимости сугубо механического подхода. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2023 № 305-ЭС23-10096 по делу № А40-47485/2022 подчеркнута недопустимость формального вывода об уклонении от заключения контракта без оценки фактической добросовестности участника закупки и предпринятых им мер к заключению контракта. Для гражданско-правовой природы рассматриваемого института это крайне важно, поскольку даже в публично регламентированной сфере суд ориентируется не только на формальный результат, но и на реальное поведение стороны [5].

Пятая особенность связана с исполнением и оплатой. В силу ч. 1 ст. 94 Закона № 44-ФЗ исполнение контракта представляет собой комплекс мер, направленных на достижение целей закупки путем взаимодействия заказчика и поставщика в соответствии с гражданским законодательством и самим Законом № 44-ФЗ. Это означает, что стадия исполнения не отрывается от гражданско-правовой модели, но находится под дополнительным публичным контролем. Особенно показательным правилом ст. 532 ГК РФ. Если товар поставляется не самому заказчику, а покупателю по договору, заключенному во исполнение государственного или муниципального контракта, оплата производится покупателем по ценам, определяемым в соответствии с контрактом. При этом государственный или муниципальный заказчик по абз. 2 ст. 532 ГК РФ признается поручителем по обязательству покупателя оплатить товар. В обычной поставке подобное законодательное поручительство не возникает.

Шестая особенность проявляется в порядке изменения и прекращения обязательства. По общему правилу ч. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ изменение существенных условий контракта при его исполнении не допускается, кроме прямо

предусмотренных законом случаев. В обычном договоре поставки изменение условий по соглашению сторон является более привычным механизмом и опирается на общие положения обязательственного права.

Д. А. Присяженко, верно указывает, что правовой режим изменения и расторжения государственного или муниципального контракта построен как исключительный, а не как повседневный способ корректировки обязательства [7, с. 160]. Поэтому даже когда изменение допускается, оно должно укладываться в закрытый перечень законных оснований и быть связано не с обычным коммерческим усмотрением сторон, а с обстоятельствами, имеющими юридическое значение для публичной закупки.

Седьмая особенность касается ответственности сторон. Законодатель не ограничивается общими нормами о гражданско-правовой ответственности, а требует включать в контракт обязательное условие об ответственности заказчика и поставщика за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, что вытекает из ч. 4 ст. 34 Закона № 44-ФЗ. Практическое значение этой нормы раскрыто в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 № 305-ЭС24-5019 по делу № А40-299776/2022. Верховный Суд Российской Федерации признал возможным взыскание с поставщика одновременно пени за просрочку исполнения и штрафа за неисполнение обязательства в целом, когда нарушение развивалось от просрочки к окончательному неисполнению контракта [4].

Таким образом, договор поставки для государственных или муниципальных нужд представляет собой специальную гражданско-правовую конструкцию, в которой нормы обязательственного права сочетаются с императивами контрактной системы и бюджетной дисциплины. Его специфика проявляется в двуслойной договорной модели, целевой связи с публичной нуждой, особом субъектном составе, ограничении свободы договора, законодательном поручительстве заказчика по оплате в предусмотренных случаях, исключительном характере изменения условий и усиленном режиме ответственности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.
3. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 № 305-ЭС24-5019 по делу № А40-299776/2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Режим доступа: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 26.03.2026).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2023 № 305-ЭС23-10096 по делу № А40-47485/2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Режим доступа: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 26.03.2026).

6. Губайдулова Д. А. Договор поставки товаров для государственных и муниципальных нужд: понятие и сущность // Молодой ученый. 2024. № 48 (547). С. 70–73.
7. Присяженко Д. А. Особенности правового регулирования изменения и расторжения государственных (муниципальных) контрактов // Молодой ученый. 2024. № 14 (513). С. 159–161.
8. Фрай В. С. Понятие государственного контракта: существенные условия и субъектный состав // Молодой ученый. 2024. № 26 (525). С. 335–337.
9. Алексеенцова В. А. Особенности договора поставки для государственных или муниципальных нужд // Актуальные исследования. 2025. № 3 (238). Ч. III. С. 12–15.

Правовой режим коммерческой тайны как основа информационной безопасности компании

Бескурников Сергей Витальевич, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена комплексному анализу правового режима коммерческой тайны как фундаментального элемента системы информационной безопасности современного предприятия. В работе исследуется понятие и сущность коммерческой тайны, рассматриваются критерии отнесения информации к охраняемым сведениям и перечень данных, которые не могут составлять коммерческую тайну. Анализируются правовые последствия нарушения режима конфиденциальности, в том числе дисциплинарная, материальная, административная и уголовная ответственность. Формулируются рекомендации по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики в исследуемой сфере.

Ключевые слова: коммерческая тайна, режим конфиденциальности, информационная безопасность, защита информации, локальное нормотворчество, ответственность за разглашение, судебная практика.

В условиях цифровизации экономики и усиления конкурентной борьбы информация приобретает значение одного из наиболее ценных активов предприятия. Утечка конфиденциальных сведений способна причинить организации существенный экономический ущерб, выражающийся в утрате конкурентных преимуществ, снижении прибыли и подрыве деловой репутации [2]. В этой связи правовой режим коммерческой тайны выступает фундаментальным инструментом защиты информации, позволяющим обеспечить сохранность сведений, имеющих коммерческую ценность.

Легальное определение коммерческой тайны содержится в статье 3 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»: это режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду [12].

В доктрине выделяются три основных признака, которым должна отвечать информация, претендующая на статус коммерческой тайны: наличие действительной или потенциальной коммерческой ценности в силу неизвестности третьим лицам; отсутствие свободного доступа на законном основании; принятие обладателем мер по охране конфиденциальности [3].

Сведения, которые могут составлять коммерческую тайну, подразделяются на несколько групп. К производ-

ственно-техническим относятся технологии, конструкторская документация, спецификации, чертежи. Экономические сведения включают данные о конъюнктуре рынка, финансовых операциях, структуре цен, клиентской базе. Управленческая информация касается структуры управления, кадровой политики, методов организации производства. Правовая информация связана с применением организационно-правовых форм, налоговыми вопросами [6].

Закон устанавливает исчерпывающий перечень сведений, которые ни при каких условиях не могут составлять коммерческую тайну (ст. 5 Закона № 98-ФЗ). К ним относятся: информация, содержащаяся в учредительных документах; сведения о численности и составе работников, системе оплаты труда, условиях труда; данные о задолженности по заработной плате; факты нарушения законодательства и привлечения к ответственности; сведения о размере и структуре доходов некоммерческих организаций; перечень лиц, имеющих право действовать без доверенности от имени юридического лица, и другие [12].

Установление режима коммерческой тайны оформляется локальным нормативным актом организации, например, приказом руководителя. Обязательные меры по охране конфиденциальности включают определение перечня охраняемых сведений, ограничение доступа, учет лиц, допущенных к информации, регулирование отношений с работниками и контрагентами, а также маркировку носителей грифом «Коммерческая тайна» [12].

Наиболее значимой мерой является заключение соглашения о неразглашении информации, составляющей коммерческую тайну. Помимо этого, обладатель информации вправе устанавливать дополнительные меры защиты: специальный порядок доступа, четкое определение круга лиц, имеющих право доступа, проставление специального грифа на документах [6].

Особое внимание уделяется допуску работников к коммерческой тайне. Согласно статье 11 Закона № 98-ФЗ, такой доступ осуществляется только с согласия работника. В трудовом договоре или дополнительном соглашении к нему должны быть закреплены обязанности работника по соблюдению режима коммерческой тайны и ответственность за его нарушение [12, 1].

Законодательство предусматривает несколько видов ответственности за разглашение коммерческой тайны. Дисциплинарная ответственность выражается в увольнении работника при условии, что он был ознакомлен с перечнем охраняемых сведений, получил к ним доступ в связи с трудовыми обязанностями и виновно допустил их разглашение [9, 10]. Материальная ответственность по ст. 243 ТК РФ ограничена возмещением прямого действительного ущерба, упущенная выгода с работника не взыскивается [10, 7]. Административная ответственность по ст. 13.14 КоАП РФ влечет штраф: для граждан — до 1000 руб., для должностных лиц — до 5000 руб. [5]. Уголовная ответственность по ст. 183 УК РФ наступает за незаконные сбор, разглашение или использование коммерческой тайны; наказание варьируется от штрафа до лишения свободы на срок до семи лет при отягчающих обстоятельствах [11]. Гражданско-правовая ответственность позволяет взыскать с нарушителя причиненные убытки (ст. 15, 1472 ГК РФ) и является наиболее эффективным способом компенсации для обладателя информации [8, 4].

Анализ судебной практики позволяет выделить три системные проблемы реализации режима коммерческой тайны. Во-первых, сложность доказывания: отсутствие законодательных критериев коммерческой ценности информации и невозможность достоверного исчисления ущерба, складывающегося из множества факторов (потеря конкурентных преимуществ, снижение выручки), приводят к отклонению исков.

Во-вторых, типичные ошибки работодателей при внедрении режима, а именно отсутствие детализированного перечня охраняемых сведений, ненадлежащее ознакомление работников, игнорирование маркировки носителей и технических средств защиты, служат основанием для отказа в судебной защите.

В-третьих, противоречие между трудовым и гражданским законодательством: работник отвечает только за прямой действительный ущерб, тогда как разглашение коммерческой тайны влечет преимущественно упущенную выгоду, что делает судебную защиту экономически нецелесообразной.

Представляется, что повышение эффективности защиты коммерческой тайны требует комплексного под-

хода, включающего изменения как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике.

На законодательном уровне целесообразно:

1. внести изменения в статью 243 Трудового кодекса РФ, дополнив перечень случаев полной материальной ответственности работника разглашением сведений, составляющих коммерческую тайну, с распространением ответственности на упущенную выгоду;

2. закрепить в Федеральном законе «О коммерческой тайне» минимальные требования к «разумным мерам» защиты информации, включив в них: наличие детализированного перечня охраняемых сведений; маркировку всех материальных носителей; использование технических средств контроля доступа; ведение журнала учета лиц, допущенных к информации;

3. увеличить размер административных штрафов за разглашение коммерческой тайны (ст. 13.14 КоАП РФ) до уровня, сопоставимого с возможными выгодами от незаконного использования информации, поскольку действующие санкции (500–5000 рублей) не выполняют ни карательной, ни превентивной функции;

4. разработать методические рекомендации для судов по определению коммерческой ценности информации, используя по аналогии критерии охраноспособности объектов интеллектуальной собственности (новизна, оригинальность, вклад в решение технической проблемы).

На уровне правоприменения следует акцентировать внимание судов на необходимости более тщательной оценки доказательств, представляемых работодателями, и применения принципа презумпции вины работодателя в части установления факта нарушения режима конфиденциальности. Также представляется важным формирование единообразной судебной практики по делам о разглашении коммерческой тайны, что позволит снизить правовую неопределенность для участников экономического оборота.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие практические рекомендации для компаний: разработать детализированный перечень информации, составляющей коммерческую тайну; утвердить локальный акт о режиме коммерческой тайны и ознакомить с ним работников под расписку; обеспечить маркировку всех носителей грифом «Коммерческая тайна»; внедрить технические средства защиты (системы разграничения доступа, DLP, шифрование, журналирование); заключить с работниками дополнительные соглашения о неразглашении и полной материальной ответственности; использовать с контрагентами соглашения о неразглашении (NDA) с четким определением охраняемой информации, сроков и ответственности.

Реализация указанных мер позволит существенно снизить риски утечки конфиденциальной информации и повысить шансы на успешную защиту нарушенных прав в судебном порядке.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовой режим коммерческой тайны явля-

ется важнейшим инструментом обеспечения информационной безопасности предприятия. Его грамотное внедрение требует от обладателя информации соблюдения установленной законом процедуры: определения перечня охраняемых сведений, разработки локальных нормативных актов, ознакомления работников, маркировки носителей и применения технических средств защиты.

Существующая система юридической ответственности за нарушение режима коммерческой тайны включает дис-

циплинарные, материальные, административные, уголовные и гражданско-правовые санкции. Однако ее эффективность снижается ввиду проблем доказывания, ошибок при внедрении режима и противоречий между различными отраслями законодательства. Для повышения уровня защиты конфиденциальной информации необходимы как совершенствование нормативной базы, так и повышение правовой культуры субъектов предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Быкова С. П. Коммерческая тайна в стартапе. Шансы на защиту // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2024. — № 2(44). — С. 264–269.
2. Головкина Д. В. Обеспечение информационной безопасности установлением режима коммерческой тайны // Вестник Прикамского социального института. — 2019. — № 1 (82). — С. 12–16.
3. Городов О. А. Информационное право: учебник для бакалавров. — М.: Проспект, 2014. — 352 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
6. Погодина Н. О. Правовой режим коммерческой тайны // Экономика и социум. — 2017. — № 2 (33). — С. 107–111.
7. Пугачева Н. В. Обеспечение права работодателя на защиту информации: проблемы правового регулирования // Ежегодник трудового права. — 2024. — Выпуск 14. — С. 219–230.
8. Сафонова Н. А., Бугаев А. М. Практические аспекты режима коммерческой тайны на предприятии // Будущее машиностроения России: сборник докладов XVII Всероссийской конференции. — М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2025. — Т. 2. — С. 314–316.
9. Строганова И. В. Правовой режим конфиденциальной информации (гражданско-правовой аспект): автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 23 с.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
12. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 32. — Ст. 3283.

Антимонопольный комплаенс в России: от правовой трансплантации к национальной модели превенции

Богатова Анастасия Вячеславовна, студент магистратуры;
Маркелов Игорь Леонидович, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье рассматривается процесс институционализации антимонопольного комплаенса в правовой системе Российской Федерации. Основное внимание уделяется проблематике адаптации успешных зарубежных моделей к специфике российского правоприменения. Автор анализирует положения ст. 4 и ст. 9.1 Федерального закона «О защите конкуренции», а также Разъяснения Президиума ФАС России № 20, выявляя противоречия между формальными требованиями закона и практическими ожиданиями регулятора.

В работе подробно исследуется судебная практика, включая знаковые дела ПАО «Россети» и вопросы применения комплаенса как смягчающего обстоятельства. Выявлено, что ключевым барьером для эффективной адаптации является «рамочный» характер законодательства, порождающий риск имитационного («бумажного») комплаенса. Автор предлагает пути решения через конкретизацию методик оценки рисков, цифровизацию контрольных процедур и внедрение четкой системы преференций для добросовестных участников рынка.

Введение

Введение в научный оборот понятия «антимонопольный комплаенс» в 2020 году стало знаковым этапом современного российского конкурентного права [1]. До этого момента системы внутреннего контроля воспринимались бизнесом как факультативный элемент корпоративной этики, присущий преимущественно транснациональным корпорациям. Однако принятие Федерального закона № 33-ФЗ перевело комплаенс в систему правовых инструментов, в частности большую роль сыграла норма, содержащаяся в статье 9.1 Закона № 135-ФЗ [1].

Проблема адаптации в данном контексте понимается не просто как перевод международных стандартов (таких как ISO 37301 (единый стандарт управления соответствием)) на русский язык, а как сложный процесс встраивания механизмов превенции в жесткую административно-правовую среду Российской Федерации. Главный вызов заключается в том, что зарубежные модели комплаенса выросли из парадигмы «сделки с правосудием», где сотрудничество с государством гарантирует иммунитет. В России же система стимулов пока на начальном этапе и носит узконаправленный характер: комплаенс может снизить категорию риска или может стать смягчающим обстоятельством в суде [10].

Актуальность исследования обусловлена разрывом между теорией и практикой. Как показывает практика ПАО «Россети» [15], формальное наличие регламентов может не только не защитить компанию, но и стать доказательством систематического характера нарушений. Правоприменителям важно понимать, где проходит грань между эффективной системой предупреждения и «псевдо-комплаенсом», созданным для отвода глаз. Целью статьи является проведение анализа механизмов адаптации, выявление критических ошибок при внедрении и предложение пути их преодоления.

Методы:

1. Сравнительно-правовой анализ: Сопоставление российской модели (ст. 9.1 Закона № 135-ФЗ [1]) с руководствами Министерства юстиции США (DOJ) и Генерального директората по конкуренции ЕС. Это позволило выявить дефицит императивных требований в российском законе [13].

2. Формально-юридический метод: Детальный разбор Разъяснений Президиума ФАС России № 20 от 02.07.2021 [10]. Анализировались легальные дефиниции «системы внутреннего обеспечения соответствия» и процедурные сроки (30-дневный срок рассмотрения актов в ФАС).

3. Глубокое изучение Определения ВС РФ от 19.04.2021 по делу ПАО «Россети» (№ 305-ЭС21-4401) [15] и судебных актов по делу № А40-58593/2022. Данный метод позволил эмпирически подтвердить гипотезу о неэффективности комплаенса, внедренного после казуса.

4. Разработка критериев «идеальной» карты рисков на основе диспозитивных норм закона, которые бы удовлетворяли требованиям риск-ориентированного подхода [3, 15].

5. Логико-юридический метод: Анализ взаимосвязи между наличием комплаенса и снижением административной нагрузки (интеграция комплаенса в систему проверок ФАС) [1,10].

В ходе исследования были получены следующие ключевые результаты:

1. Легальный статус и структура комплаенса по смыслу ст. 9.1 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ.

Установлено, что российский законодатель выбрал модель «минимальных требований». Внутренний акт должен содержать 5 обязательных элементов: оценка рисков, меры снижения, контроль, обучение и ответственное лицо. Однако закон не дает методики их реализации, что перекладывает бремя адаптации на самих участников рынка [1,10].

2. Анализ «фиаско» формального комплаенса (кейс ПАО «Россети»).

Результаты анализа дела № 305-ЭС21-4401 показывают, что суды и ФАС выработали критерий «содержательной добросовестности». Если внутренний регламент на деле расширяет спектр «мягких», но императивных мер должностных лиц и позволяет им необоснованно вмешиваться в закупки, такой акт признается не инструментом предупреждения, а «инструментом совершения правонарушения» [15].

3. Временной фактор

На основе дела № А40-58593/2022 доказано, что судебная система РФ не склонна рассматривать «запоздалый» комплаенс как смягчающее обстоятельство. Соответственно для получения юридических выгод (снижение штрафа по ст. 4.1 КоАП) система должна функционировать и быть публично раскрыта (на сайте компании) до момента совершения деяния [15].

4. Процедурный профит взаимодействия с ФАС.

Федеральным законом от 26.07.2006 N 135-ФЗ в ч.6, ст.9.1 установлено, что механизм направления актов в ФАС является наиболее эффективным способом легитимации системы. 30-дневный срок рассмотрения дает компаниям «правовой иммунитет» в части соответствия текста документа закону, хотя и не гарантирует защиты от неправильного применения этого документа на практике [1].

Рассмотрим основные уроки, предоставленные за краткий период времени:

Статья 9.1 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» написана как «рамка». Она говорит: «У вас должен быть порядок оценки рисков». Но она не говорит, как их оценивать. В итоге юристы часто скачивают типовой шаблон из интернета, вписывают название своей компании и кладут на полку. Это порождает «бумажный комплаенс» [1, 10].

Простыми словами: Представьте, что закон обязал всех врачей «лечить людей», но не издал ни одного протокола лечения. Каждый лечит как умеет: кто-то антибиотиками, а кто-то подорожником. В антимонопольном праве «подорожник» — это формальный приказ, который никак не влияет на реальные бизнес-процессы.

При этом нужно учитывать, что к целям упомянутой нормы относится снижение количества возможных рисков нарушений антимонопольного законодательства со стороны компании, а также обеспечение соблюдения законодательства в деятельности организаций [1, 6, 7]. При формальном исполнении требований законодательства достижение указанных целей представляется невозможным, поскольку реальное соблюдение правовых норм не обеспечивается, а наблюдается ли формальное наличие требуемых документов [10, 5].

При сравнении международного и национального опыта приходит понимание того, что в международном стандарте ISO 37301 комплаенс выступает не в качестве документа, а как «вечный двигатель» (цикл Деминга: Планируй — Делай — Проверяй — Исправляй). Под риск-менеджментом принято понимать динамику: компания должна постоянно следить за рынком, а не просто один раз составить список угроз [13, 10].

ФАС России следует разработать отраслевые рекомендации. Риски в ритейле (где важна работа с поставщиками и полками) кардинально отличаются от рисков в ТЭК (где доминирующее положение и тарифы). Юристу нужны «чек-листы», специфичные для его ниши [3, 15].

2. Урок «Россетей»: Когда комплаенс превращается в «орудие преступления»

Суть дела: ПАО «Россети» создали внутренний регламент для рассмотрения жалоб на закупках. Они назвали это частью своей системы комплаенса. Но ФАС и Верховный Суд в ходе рассмотрения дела № 305-ЭС21-4401 увидели обратное: этот регламент давал Центральной закупочной комиссии право «вручную» необоснованно отменять любые результаты торгов без оправдывающих аргументов [15]. Компания буквально создала правила, которые не предотвращали нарушения, а узаконивали произвол. Вместо того чтобы ограничить власть менеджеров и сделать закупки прозрачными, комплаенс-акт «Россетей» сделал систему еще более закрытой.

Комплаенс, в любом случае, должен выступать в качестве самоограничения. Если внутренний акт расширяет полномочия руководства и позволяет «в ручном режиме» вмешиваться в конкуренцию, то это не комплаенс. Суд признает такой документ недействительным [15].

Для разрешения подобных случаев необходимо внедрение принципа двойного контроля и жесткий запрет в актах на вмешательство руководства в работу закупочных комиссий без публичного обоснования [10, 7].

Блок 3. Вина компании: Можно ли избежать штрафа, если «система старалась»?

Юридическая коллизия: Согласно ст. 2.1 КоАП РФ, юридическое лицо виновно, если оно «не приняло все зависящие от него меры» для соблюдения закона. Главный вопрос: является ли работающий комплаенс тем самым доказательством, что компания «сделала всё, что могла»? [1, 11]

Представьте, что компания потратила миллионы на обучение сотрудников, установила программное обеспечение для мониторинга, наняла квалифицированные

кадры, но один менеджер втайне от всех сговорился с конкурентом. Должна ли компания платить оборотный штраф в сотни миллионов из-за одного «злоумышленника»?

В Российской Федерации доминирует «объективная» вина: в случае если есть нарушение, то возникает обязанность понести финансовые потери. Предлагается внедрить концепцию «эксцесса исполнителя». В случае, если компания докажет, что её система контроля была реальной (аудиты, тренинги, записи), то штраф должен быть либо символическим, либо отсутствовать вовсе [10, 11]. В данном подходе видится главная цель адаптации, так как защищает честный бизнес от ошибок отдельных сотрудников.

4. «Цифровой щит»: Как технологии заменяют бумагу

Суть: На Западе давно используют Digital Compliance. Это программы, которые в реальном времени анализируют переписку, цены и поведение на торгах [13].

Простыми словами: Юрист не может прочитать 10 000 писем сотрудников в день. А алгоритм — может. Он найдет в почте слова «договоримся по цене», «давай поделим рынок» или увидит, что два конкурента подают заявки с одного IP-адреса.

Преимущество для РФ: В России картели на торгах — это огромная проблема. Использование скрининговых программ (скринеров) позволяет компании найти «красные флаги» раньше, чем придет проверка ФАС. Адаптация комплаенса в РФ сегодня невозможна без ИТ-составляющей, потому что «ручной» контроль в больших корпорациях просто неэффективен [10, 12].

5. Проблема стимулов: Зачем это нужно бизнесу?

В настоящее время, главным бонусом за проведение комплаенса является «снижение категории риска». Для малого и среднего бизнеса это звучит абстрактно, так как многие аспекты остаются неявными [2, 3].

Государство предлагает «скидку на страховку», которую бизнес не понимает. Необходимость заключается в понятном и ощутимом поощрении.

Предлагается включить следующие поощряющие меры:

1. Прямая скидка на штраф: Если у вас есть система, согласованная с ФАС, и вы сами нашли нарушение и сообщили о нем — штраф снижается на 50 % (как при оплате штрафов ГИБДД в первые 20 дней).

2. «Налоговый вычет» на комплаенс, при котором появится возможность, расходы на внедрение системы, вычитать из налогооблагаемой базы.

3. Иммунитет при первом нарушении в случае, если нарушение совершено впервые, и система комплаенса признана эффективной, то замена штрафа на предупреждение [1, 10].

Будущее института зависит от готовности законодателя конкретизировать требования к риск-менеджменту и предоставить бизнесу более весомые правовые гарантии в обмен на прозрачность [7, 8].

Таким образом, адаптация антимонопольного комплаенса в России находится на перепутье между формальным документооборотом и реальной культурой законности.

Главный вывод статьи: успешная модель комплаенса в РФ должна опираться не только на ст. 9.1 Закона № 135-ФЗ [1], но и на Разъяснения ФАС № 20, принципы независимости контроля и «превентивный» характер внедрения [10].

Литература:

1. Федеральный закон от 26.06.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 14.10.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3434.
2. Распоряжение Правительства РФ от 16.08.2018 № 1697-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по развитию конкуренции в отраслях экономики Российской Федерации и переходу отдельных сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка на 2018–2020 гг». // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 35. — Ст. 5529.
3. Приказ Минтруда России от 09.02.2021 № 55 «Об утверждении карты комплаенс-рисков Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, ключевых показателей эффективности функционирования в Министерстве труда и социальной защиты РФ антимонопольного комплаенса на 2021 год, плана мероприятий по снижению комплаенс-рисков в Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации на 2021 год».
4. Приказ Минтруда России от 30.11.2018 № 762 «Об организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства Российской Федерации в Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации».
5. Левина, А. А. Правовое обеспечение антимонопольного комплаенса хозяйствующих субъектов в Российской Федерации / А. А. Левина // Молодой учёный. — 2021. — № 51 (393). — С. 230–232.
6. Мутных, Ю. О. Необходимость внедрения антимонопольного комплаенса / Ю. О. Мутных // Журнал юридических исследований. — 2018. — № 3. — С. 117–125.
7. Ашфа, Д. М. Система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства в России: проблемы и перспективы правового регулирования / Д. М. Ашфа // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — Т. 101, № 4. — С. 87–94.
8. Касаева, Т. Г. Антимонопольный комплаенс в России / Т. Г. Касаева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2019. — Т. 4. — С. 436–439.
9. Родионова, Д. Н. Антимонопольный комплаенс как важная часть предупреждения антимонопольных нарушений / Д. Н. Родионова // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. — 2017. — Вып. 3. — С. 92–99.
10. Попондопуло, В. Ф. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений / В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2020. — № 1. — С. 102–144.
11. Авдашева, С. Б. Экономика уголовных санкций за нарушение антимонопольного законодательства / С. Б. Авдашева, А. Е. Шаститко // Вопросы экономики. — 2010. — № 1. — С. 129–142.
12. Шарамко, М. М. Институциональный комплаенс-контроль: монография / М. М. Шарамко, И. Р. Гарипов. — М.: РУСАЙНС, 2016. — 138 с.
13. Практические меры по соблюдению антимонопольного законодательства для малых и средних предприятий и крупных компаний / Комиссия ИСС по Конкуренции. Практическое пособие по антимонопольному комплаенсу. — 2013.
14. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» / Отв. ред. И. Ю. Артемьев; МГИМО МИД России, ФАС России, ООО «Статут». — М., 2018.
15. Андросова, А. Б. Оценка рисков нарушения антимонопольного законодательства исполнительными органами государственной власти / А. Б. Андросова, О. Н. Орлова, С. Д. Фурта // Стратегические решения и риск-менеджмент. — 2020. — Т. 11, № 4. — С. 390–401.

Следователь как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения: полномочия, гарантии и контроль в фокусе практики 2021–2026 гг.

Будаев Алдар Булатович, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье представлен системный анализ правового статуса следователя как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения в период 2021–2026 гг. На основе нормативно-догматического метода и анализа актуальных

разъяснений Пленума Верховного Суда РФ исследованы полномочия, процессуальные гарантии и механизмы контроля деятельности следователя в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Автор раскрывает противоречивую природу положения следователя: с одной стороны, он включён в «сторону обвинения» и осуществляет уголовное преследование, с другой — обязан обеспечивать соблюдение прав личности и принципов состязательности. Подробно рассмотрены взаимодействие следователя с прокурором, руководителем следственного органа и органами дознания, а также трёхуровневая система сдержек и противовесов (ведомственный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль).

На основе анализа судебной статистики и современной научной дискуссии выявлены ключевые проблемы практики: повышение стандартов фактической обоснованности решений следователя в судебном контроле (ст. 125 УПК РФ), качество обвинительных документов, сложности разрешения процессуальных разногласий, адаптация полномочий к цифровым доказательствам. Предложены реалистичные направления совершенствования: оптимизация процедур обжалования, усиление мотивировки процессуальных решений, уточнение перечня полномочий следователя, баланс между ведомственным контролем и процессуальной самостоятельностью.

Материал предназначен для специалистов в области уголовного процесса, научных работников, практикующих юристов и студентов юридических вузов.

Ключевые слова: следователь, сторона обвинения, уголовное преследование, предварительное следствие, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, процессуальная самостоятельность, прокурорский надзор, судебный контроль, ст. 125 УПК РФ, ведомственный контроль, руководитель следственного органа, органы дознания, процессуальные гарантии, доказательства, мотивировка решений, разрешение процессуальных разногласий, цифровизация доказывания, права личности, состязательность сторон.

Введение

Положение следователя в российском уголовном процессе объективно противоречиво: с одной стороны, он включён законодателем в «сторону обвинения», с другой — именно на стадии предварительного расследования закладываются предпосылки справедливости будущего разбирательства (качество доказательственной базы, законность ограничений прав, соблюдение права на защиту). В действующем УПК РФ «сторона обвинения» прямо определяется как совокупность участников, включающая, помимо прокурора, и следователь.

Актуальность темы в 2021–2026 гг. усиливается по двум причинам.

Во-первых, объективно растёт «нагрузка контроля» на досудебной стадии: по данным обзора судебной статистики Судебного департамента, в 2024 году районные суды рассмотрели 2 171,9 тыс. представлений, ходатайств и жалоб; отдельно жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ — 135,5 тыс. (для сравнения в скобках приводятся показатели 2023 года: 2 242,2 тыс. и 101,2 тыс. соответственно). Это означает, что решения и действия следователя (и связанных с ним участников) становятся регулярным предметом судебной проверки.

Во-вторых, судебная практика в последние годы уточняет стандарты допустимого вмешательства суда в «досудебную сферу» и одновременно повышает требования к качеству предварительного расследования. Так, в 2022 году Пленум Верховного Суда указал, что судья при рассмотрении жалобы по ст. 125 УПК РФ должен проверять не только формальное соблюдение закона, но и фактическую обоснованность обжалуемого решения, при этом не вправе предрешать вопросы, относящиеся к рассмотрению дела по существу (обоснованность обвинения, оценка доказательств, квалификация).

Цель статьи — дать системный, основанный на актуальных русскоязычных источниках 2021–2026 гг. анализ статуса следователя как участника со стороны обвинения, его полномочий и обязанностей, процессуальных гарантий, механизмов взаимодействия с прокурором и органами дознания, а также обозначить проблемные зоны и реалистичные направления совершенствования.

Методологически используются: нормативно-догматический анализ положений УПК РФ (системное толкование), анализ актуальных разъяснений высших судов (Пленум), сопоставление полномочий ключевых субъектов, а также обращение к современной научной дискуссии о «процессуальной самостоятельности» и разрешении процессуальных разногласий [1].

Нормативное основание статуса следователя как стороны обвинения

Ключ к пониманию статуса следователя — в дефинициях УПК РФ.

Во-первых, «стороны» в УПК РФ — это участники, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты.

Во-вторых, «сторона обвинения» определена как конкретный перечень субъектов, куда прямо включены прокурор и следователь (наряду с рядом должностных лиц и участниками, такими как потерпевший) [1].

В-третьих, «уголовное преследование» [2] — это процессуальная деятельность стороны обвинения, направленная на изобличение подозреваемого/обвиняемого. Наконец, «обвинение» — утверждение о совершении деяния конкретным лицом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ [7].

Таким образом, формальноюридическая логика законодателя проста: следователь — субъект «обвинительной функции», поскольку осуществляет процессуальную деятельность по изобличению лица и формирует обвинительный массив материалов, который затем поступит прокурору и (при утверждении обвинительного документа) — в суд.

Однако уже на уровне общих принципов УПК РФ возникает важное уточнение: уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности; функции обвинения, защиты и разрешения дела отделены и не могут быть возложены на один орган/должностное лицо, а суд не выступает на стороне обвинения или защиты и создаёт условия для реализации прав и обязанностей сторон.

В этой конструкции следователь занимает позицию «властного участника» досудебной стадии, действующего от имени государства и наделённого значительным объёмом процессуального принуждения (по модели УПК — через процессуальные решения и следственные действия, в ряде случаев требующие судебного решения либо согласия руководителя следственного органа) [1].

Отдельно важно подчеркнуть **ценностный «баланс назначения» процесса**, прямо зафиксированный в УПК РФ: уголовное преследование и назначение справедливого наказания «в той же мере» отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от преследования невиновных, их освобождение от наказания и реабилитация необоснованно преследованных. Это положение задаёт стандарт: даже если следователь отнесён к стороне обвинения, его деятельность должна быть организована так, чтобы институционально не «вытеснить» задачи защиты прав личности и предотвращения необоснованного преследования.

Полномочия и обязанности следователя как стороны обвинения

Базовая норма о следователе закреплена в ст. 38 УПК РФ: следователь — должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ [1].

Из этой же статьи вытекает ядро его процессуальных полномочий (перечень важен именно как «конструкция роли»):

— возбуждать уголовное дело в установленном порядке; [1].

— принимать уголовное дело к производству или передавать руководителю следственного органа для направления по подследственности; [1].

— **самостоятельно направлять ход расследования** и принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется судебное решение или согласие руководителя следственного органа; [1].

— давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ, отдельных следственных действий и исполнении ряда постановлений, а также получать содействие; [1].

— с согласия руководителя следственного органа обжаловать отдельные решения прокурора (в логике УПК — как механизм разрешения процессуальных разногласий между «обвинительными» субъектами) [1].

С точки зрения обязанностей и «процессуального стандарта поведения» следователя важны нормы общей части.

Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов защиты лежит на стороне обвинения. Следовательно, следователь как субъект стороны обвинения выполняет ключевую часть работы по собиранию, проверке и оценке доказательств на досудебной стадии, что прямо подтверждается ст. 86 УПК РФ: собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путём производства следственных и иных процессуальных действий.

В то же время следователь обязан обеспечивать реализацию права на защиту: УПК РФ прямо возлагает на суд, прокурора, следователя и дознавателя обязанность разъяснять подозреваемому/обвиняемому их права и обеспечивать возможность защищаться всеми незапрещёнными способами.

Следственные действия и пределы принуждения. Общие правила производства следственных действий включают прямые запреты на насилие, угрозы и иные незаконные меры, а также указывают на случаи, когда действия производятся на основании постановления следователя или судебного решения. При этом судебный порядок получения разрешения на ряд действий закрепляет зависимость следователя от согласия руководителя следственного органа при обращении в суд с ходатайством о производстве действий, допускаемых на основании судебного решения.

На практике это означает, что «обвинительный ресурс» следователя в значительной мере реализуется через сочетание:

- 1) собственной процессуальной инициативы [1];
- 2) ведомственного согласования (руководитель следственного органа);
- 3) судебной санкции (для действий, ограничивающих конституционные права).

Процессуальные гарантии и механизмы контроля

Модель УПК РФ строится на том, что следователь, обладая самостоятельностью, одновременно находится в системе многоуровневых «ограничителей», которые должны минимизировать риск злоупотреблений, ошибок и односторонности.

Ведомственный контроль. Руководитель следственного органа наделён широкими полномочиями: поручать расследование, изымать дело и передавать другому следователю, создавать следственную группу, отменять не-

законные/необоснованные постановления следователя, давать указания о направлении расследования, квалификации и объёме обвинения, давать согласие на обращение в суд с ходатайствами о мерах пресечения/иных действиях, отстранять следователя при нарушениях.

С точки зрения гарантий законности важны также правила отвода (самоотвода).

Обстоятельства, исключая участие следователя в деле, перечислены в ст. 61 УПК РФ (например, участие в деле в других процессуальных ролях, статус потерпевшего или свидетеля, родственные связи, личная заинтересованность). При наличии оснований отвод обязателен; при неустранении — может быть заявлен участниками. Решение об отводе следователя принимает руководитель следственного органа, что опять же подчёркивает «внутриведомственную» природу ключевого фильтра беспристрастности следователя [6].

Прокурорский надзор и процессуальные «стыки». Прокурор в УПК РФ определён как должностное лицо, осуществляющее от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Наиболее «конфликтотенная» зона взаимодействия — стадия направления дела прокурору с обвинительным заключением и принятие прокурором решения по делу.

Ст. 221 УПК РФ закрепляет, что прокурор рассматривает дело с обвинительным заключением и в течение 10 суток принимает решение: утвердить обвинительное заключение и направить дело в суд; либо вернуть дело следователю для дополнительного следствия/изменения обвинения/пересоставления обвинительного заключения с письменными указаниями; либо направить дело выше-

стоящему прокурору [4]. Одновременно предусмотрена возможность обжалования постановления прокурора о возвращении дела следователем (в течение 72 часов) — но при обязательном «согласии» руководителя следственного органа [8].

Судебный контроль. УПК РФ закрепляет право обжалования процессуальных действий/решений следователя и иных субъектов (ст. 123), а также порядок рассмотрения жалобы прокурором и руководителем следственного органа (ст. 124). Ключевой судебный механизм — ст. 125 УПК РФ, позволяющая обжаловать определённые постановления и иные действия (бездействие) и решения, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам либо затруднить доступ к правосудию; жалобы рассматриваются с участием, в частности, прокурора и следователя (и/или руководителя следственного органа).

Масштаб судебного контроля подтверждается статистически: в 2024 году число жалоб по ст. 125 УПК РФ составило 135,5 тыс. (при 101,2 тыс. в 2023 году). Одновременно суды рассмотрели значительный массив материалов по вопросам следственных действий и ОРМ: всего 1 084 тыс. материалов указанной группы (в том числе по обыскам/выемкам в жилище и др.), что демонстрирует системную зависимость досудебного «обвинительного инструментария» от судебной разрешительной модели [7].

Сравнение полномочий следователя и прокурора на досудебной стадии

Ниже приведено сопоставление наиболее значимых полномочий и процессуальной роли следователя и прокурора на досудебном этапе (в логике УПК РФ).

Критерий	Следователь	Прокурор
Процессуальная принадлежность	Включён в сторону обвинения (как субъект уголовного преследования)	Включён в сторону обвинения
Основная «юридическая роль» в кодексе	Осуществляет предварительное следствие; принимает ключевые решения о ходе расследования (с изъятиями)	Осуществляет уголовное преследование от имени государства и надзор за процессуальной деятельностью органов расследования
Самостоятельность и ограничения	Самостоятельно определяет ход расследования, но в установленных случаях требуется судебное решение или согласие руководителя следственного органа	В досудебном производстве действует в пределах надзорных и процессуальных полномочий УПК; принимает решения по делу, поступившему с обвинительным заключением
Работа с доказательствами	Является субъектом собирания доказательств (процессуальная форма — следственные и иные действия)	Также является субъектом собирания доказательств; дополнительно реализует контрольные/надзорные полномочия
Взаимодействие с органом дознания	Дает обязательные письменные поручения органу дознания и получает содействие	Дает дознавателю письменные указания о направлении расследования и процессуальных действиях (в пределах УПК)
«Точка передачи дела»	Направляет дело прокурору после подписания обвинительного заключения (с согласия руководителя следственного органа)	Утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд либо возвращает следователю с письменными указаниями
Разрешение разногласий	Может обжаловать отдельные решения прокурора — но с согласия руководителя следственного органа	Формирует письменные указания при возвращении дела, может требовать устранения нарушений закона

Информационная база таблицы: определения стороны обвинения и уголовного преследования, а также нормы о полномочиях следователя, прокурора, руководителя следственного органа и решениях прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением.

Взаимодействие следователя с прокурором и органами дознания

Системно взаимодействие следователя в «обвинительном контуре» можно описать как треугольник: **следователь — руководитель следственного органа — прокурор**, при сопряжении с **органами дознания** как исполнителями поручений и с **судом** как институтом судебного контроля и санкционирования [1].

Ключевой функциональный смысл такого взаимодействия:

— Следователь осуществляет «оперативное руководство» расследованием и формирует доказательственный массив, но его самостоятельность процессуально ограничена согласованием с руководителем следственного органа и судебными разрешениями.

— Прокурор осуществляет надзор и принимает итоговое решение о направлении дела в суд либо о возвращении дела следователю, то есть влияет на «качество обвинительного продукта» и процессуальную судьбу дела.

— Орган дознания выполняет поручения следователя, включая проведение ОРМ и отдельных следственных действий в предусмотренных законом случаях; при этом поручения следователя обязательны для исполнения.

— Суд выступает гарантом соблюдения прав и процессуальной формы: разрешает ряд действий (по модели ст. 29 УПК) и рассматривает жалобы по ст. 125 УПК РФ на решения и действия, способные задеть конституционные права/доступ к правосудию.

Проблемы практики и предложения по совершенствованию

Проблематика статуса следователя как стороны обвинения в 2021–2026 гг. концентрируется вокруг баланса: **«самостоятельность — контроль — разумные сроки — качество обвинения — права личности»**.

Проблема фактической (не только формальной) обоснованности решений следователя в судебном контроле. Пленум Верховного Суда в 2022 году прямо сдвинул акцент в сторону проверки «фактической обоснованности» решений и действий (бездействия) следователя по ст. 125 УПК РФ [1]. На практическом уровне это повышает стандарты подготовки материалов следователя, но одновременно увеличивает процессуальные риски признания решений незаконными/необоснованными при дефектах мотивации и доказательственного обоснования, что коррелирует с ростом общего числа жалоб по ст. 125 УПК РФ в 2024 году [5].

Проблема качества «обвинительного документа» и последствий дефектов предварительного рассле-

дования. Постановление Пленума Верховного Суда от 17.12.2024 № 39 подчёркивает, что возвращение дела прокурору — инструмент устранения препятствий к рассмотрению дела судом, которые неустранимы в судебном разбирательстве, и допускается лишь при наличии оснований ст. 237 УПК РФ [6]. При этом Пленум детализирует типичные «критические дефекты», связанные, в частности, с обвинительным документом (например, отсутствие подписи следователя, ненадлежащее утверждение обвинительного заключения, расследование неуполномоченным или подлежащим отводу лицом), указывая на прямое влияние качества работы следователя на судьбу дела в суде.

Проблема разрешения разногласий между следователем и прокурором. Нормативная модель допускает разногласия и предоставляет следователю право обжалования отдельных решений прокурора, но связывает реализацию этого права с согласованием у руководителя следственного органа [4]. Современная научная дискуссия указывает, что такая конструкция может приводить к затягиванию разрешения конфликтов и «удлинению» досудебной стадии. В частности, в научной публикации 2024 года отмечается, что средние сроки обжалования решений прокурора о возвращении дела могут существенно превышать краткие процессуальные рамки, а в качестве направления реформы предлагается исключить из соответствующих норм указание на необходимость подачи жалобы «с согласия руководителя следственного органа», заменив его уведомительным механизмом.

Проблема «контура полномочий» следователя в условиях цифровизации и усложнения доказательственных задач. В научной повестке 2025 года подчёркивается, что перечень полномочий следователя в ст. 38 УПК РФ может нуждаться в уточнении с учётом практики (например, обсуждается идея прямого закрепления полномочия следователя направлять запросы и требования для получения документов и предметов, значимых для доказывания) [8].

Проблема процессуальной самостоятельности как практического ресурса эффективности. В научной статье 2025 года, подготовленной в российском академическом издании, самостоятельность следователя рассматривается как условие собирания, проверки и оценки доказательств и как фактор, влияющий на качество расследования, при этом подчёркивается наличие спорных вопросов во взаимодействии следователя и прокуратуры.

На уровне прикладных рекомендаций (в рамках обсуждаемых в 2021–2026 гг. подходов) наиболее реалистичными выглядят следующие направления:

1) Сокращение транзакционных издержек разрешения процессуальных разногласий между следователем и прокурором за счёт перехода от разрешительного согласования (согласие руководителя) к уведомительной модели в части обжалования решений прокурора следователем, при сохранении ведомственного контроля через внутреннее реагирование (оценка обоснованности позиции следователя, дисциплинарные меры при злоупотреблениях) [4].

2) Усиление качества мотивировки процессуальных решений следователя, учитывая стандарт «фактической обоснованности» в ст. 125м контроле и тенденцию к расширению перечня обжалуемых решений/действий при сохранении запрета на предрешение вопросов существа дела [5].

3) Точечное уточнение перечня полномочий следователя под практические задачи доказывания (не расширяя принуждение без надлежащих гарантий), включая нормативную конкретизацию отдельных полномочий по получению материалов и фиксации процессуальной формы [3].

4) Согласование ведомственного контроля и независимости: при сохранении широких полномочий руководителя следственного органа (ст. 39 УПК РФ) обсуждать ограничение ситуаций, где согласование становится препятствием разумным срокам и оперативности, особенно по вопросам обращения в суд и процессуального обжалования.

Важно отметить пределы доступных публичных данных: статистика судебного контроля по ст. 125 УПК РФ и по санкционированию действий/ОРМ раскрывается в официальных обзорах судебной статистики, однако детализированные общероссийские показатели именно по ведомственным разногласиям «следователь—прокурор» в открытом виде публикуются нерегулярно; в научных публикациях они могут приводиться выборочно и с разной методикой сбора.

Заключение

Следователь в российском уголовном процессе юридически включён в сторону обвинения и, следовательно, структурно участвует в уголовном преследовании как

деятельности по изобличению лица. При этом УПК РФ одновременно задаёт «двухполюсное» назначение судопроизводства — преследование виновных и защита невиновных/реабилитация — что требует от правоприменения институциональных гарантий против превращения предварительного следствия в сугубо обвинительный «конвейер».

Система сдержек и противовесов строится на трёх уровнях: ведомственный контроль руководителя следственного органа; прокурорский надзор и полномочия прокурора по делу с обвинительным заключением; судебный контроль (включая ст. 125 УПК РФ и разрешение действий, ограничивающих конституционные права). Практика 2022–2024 гг. показывает тенденцию к повышению требований к фактической обоснованности решений следователя в судебном контроле и к стандартизации последствий существенных дефектов расследования, влияющих на возможность рассмотрения дела судом.

Прогноз на 2026 год и ближайшую перспективу в рамках выявленных источниками тенденций выглядит следующим образом: (1) судебный контроль досудебной стадии будет сохранять высокую интенсивность (в т. ч. по ст. 125 УПК РФ), что будет стимулировать повышение качества мотивировки решений следователя; (2) научнопрактическая дискуссия о «процессуальной самостоятельности» продолжит концентрироваться на механизмах согласования, обжалования и цифровых доказательствах, причём наиболее «прикладные» предложения связаны с оптимизацией процедур разрешения разногласий и уточнением полномочий под новые доказательственные задачи.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный, кодекс Российской Федерации» от 18 12 2001 N 174-ФЗ (ред от 08 03 2026) 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ / кодекс Российской Федерации» от 18 12 2001 N 174-ФЗ (ред от 08 03 2026) «Уголовно-процессуальный. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 22.03.2026).
2. Постановление, Пленума Верховного Суда РФ от 28 06 2022 N 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Пленума Верховного Суда РФ от 28 06 2022 N 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» Постановление. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420843/ (дата обращения: 22.03.2026).
3. Постановление, Пленума Верховного Суда РФ от 17 12 2024 N 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Пленума Верховного Суда РФ от 17 12 2024 N 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Постановление. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493917/ (дата обращения: 22.03.2026).
4. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. — Текст: электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://cder.ru/?id=80> (дата обращения: 22.03.2026).
5. Шаталов, А. С. Полномочия следователя по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса» опубликована в сетевом научно-практическом журнале / А. С. Шаталов. — Текст: непосредственный // *us Publicum et Privatum (pravojournal.ru)*. — 2023. — С. 152–162.
6. Спешилова, Т. С. Актуальные вопросы процессуальной самостоятельности следователя / Т. С. Спешилова. — Текст: непосредственный // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. — 2025. — С. 23–28.

7. Лифанова Н. Е. Проблемы назначения наказания по совокупности преступлений / Н. Е. Лифанова. — Текст: непосредственный // Теория и практика современной науки. — 2019. — № 12. — С. 241–245.
8. Жуков, Д. М. Реализация полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве: специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки»: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дмитрий Александрович Жуков; Московская акад. Следственного ком. Российской Федерации им. А. Я. Сухарева. — М., 2025. — 32 с. — Текст: непосредственный.

Ограничение оборота огнестрельного оружия как мера профилактики массовых убийств в учебных заведениях

Будылкина София Сергеевна, студент магистратуры
Тулский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной публикации исследуется феномен массовых убийств в школах с применением огнестрельного оружия с позиции его возможной профилактики.

Ключевые слова: *убийство, школа, огнестрельное оружие, преступление, подросток, разрешение, запрет, ограничение.*

В настоящее время во всем мире появилась новая угроза общественной безопасности, связанная с применением огнестрельного оружия в учебных заведениях общего (школьного) образования, в результате чего происходят массовые убийства, в том числе совершаемые несовершеннолетними.

Примерами тому являются факты жестокой расправы над своими сверстниками в школах Керчи, Казани, Ижевске, произошедшие в последние годы.

К сожалению, феномен массовых убийств таит в себе много «подводных камней», понимание которых предопределяет направленность профилактической работы в данном направлении.

По общему мнению, ввиду того, что предметом совершения данных преступлений является огнестрельное оружие, которое как правило, попадает в руки подростков из-за халатного отношения к условиям его безопасного (недоступного) хранения их родителями, принято считать, что приоритетное направление профилактики массовых убийств в учебных заведениях заключается в усилении мер административного ограничения и контроля за оборотом охотничьего и травматического (для самообороны) оружия.

Одновременно с этим, высказываются мнения о необходимости акцентирования внимания на психологической составляющей данной преступности, так как огнестрельное оружие — это лишь средство совершения преступления, а причина их совершения кроется в сознании подростка, в полученной психологической травме или деформации социального восприятия окружающих.

Поддерживая первую научную позицию, приведем мнение Дж. Р. Сильва, который совершенно правильно определил основную детерминанту данных убийств — «доступность оружия» [4]. При этом, указанная причина приводит не просто к совершению убийства, а формирует

целый механизм развития преступного события. Он начинается с законного владельца огнестрельного оружия, который попустительски пренебрегает установленными правилами его хранения, что в свою очередь создает victimные предпосылки для его завладения подростком, проживающим совместно с родителем в одном доме.

В противном случае, имея реальное намерение совершить массовое убийство «обидчиков» в школе, подросток, лишенный возможности использовать для своих преступных целей легкодоступное ему огнестрельное оружие, будет вынужден прибегнуть к иному способу «отомщения», который при любых переменных будет обладать меньшей общественной опасностью, чем изначально задуманный.

В настоящее время оборот огнестрельного оружия в Российской Федерации определен положениями Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [1], который устанавливает требования к лицам, им владеющим. В их числе: необходимость прохождения медицинского освидетельствования (ст. 6.1.), сдача экзамена по правилам безопасного обращения с оружием и получение соответствующей лицензии (ст. 13), соблюдение правил хранения оружия и боеприпасов (ст. 22).

Следует отметить, что ФЗ № 150 изначально содержал минимальные требования к режиму оборота огнестрельного оружия, и только со временем сформировался как жестко-императивный нормативно-правовой акт. Ввиду этого одной из проблем, по мнению специалистов, является скопление у граждан значительного количества огнестрельного оружия, которое в большинстве случаев не имеет обоснованного содержания в их числе как у отдельно взятых владельцев, так и в общей массе.

В настоящее время не установлен запрет на наличие огнестрельного оружия у лиц, состоящих на оперативных учетах МВД России, а также у лиц, ранее судимых за совершение тяжких преступлений.

Специалисты также отмечают, что существующий режим получения разрешения на приобретение и хранение огнестрельного оружия не отвечает стандартам общественной безопасности и способствует его попаданию в «ненадежные руки», к человеку, который не в полной мере осознает его опасность как для него самого, так и для окружающих, а также готовому его использовать против невиновных лиц и без должных на то оснований [2, с. 45].

Как пример приведем ситуацию с бывшим учеником гимназии № 175 в Казани, который совершил массовое убийство утром 11 мая 2021 года. В результате нападения погибли **9 человек**: семь учеников 8 «А» класса и две учительницы. Ещё 23 человека, включая 20 детей, были ранены [3].

Предпосылкой совершения массового убийства в школе стало дистанционное (в режиме «Онлайн») приобретение 18-летним Галявиевым права на оружие, на что ему потребовался 81 день (с момента подачи заявления и до момента получения разрешительных документов). При этом социально-профессиональной необходимости для получения права на владение огнестрельным оружием у него не было, что не противоречит положениям действующего законодательства.

Приходим к выводу, что для проведения эффективной профилактики массовых убийств в учебных заведениях необходимо в первую очередь переориентировать идеологическую направленность ФЗ № 150, установив дополнительные обязательные процедуры для отсева отдельных категорий граждан, которым нельзя доверять огнестрельное оружие ни при каких обстоятельствах.

Литература:

1. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 23.03.2026) «Об оружии» // Собрание законодательства РФ, 16.12.1996, № 51, ст. 5681.
2. Бикеев И. И., Нафиков И. С. Уменьшение доступности оружия как один из факторов предупреждения массовых убийств и других насильственных преступлений // Законность. 2023. № 5. С. 44–49.
3. Мечь и ненависть тихого парня. Что известно об Ильназе Галявиеве — казанском стрелке [Электронный ресурс] <https://360.ru/tekst/obschestvo/ilnaz-galjajiev/?ysclid=mn79lw7kyn336840429> (дата обращения: 26.03.2026).
4. Сильва Дж.Р. Формирование отношения к массовым расстрелам гражданского населения в новостных средствах массовой информации: доступность оружия, психические нарушения, насилие для развлечения, терроризм // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 2. С. 332–359.

Криминологические детерминанты совершения массовых убийств в учебных заведениях (скулшутинг)

Будылкина Софья Сергеевна, студент магистратуры
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной публикации исследуется криминологическая составляющая скулшутинга с позиции личности подростка-преступника и источников формирования преступных мотивов.

Ключевые слова: убийство, школа, огнестрельное оружие, преступление, подросток, разрешение, запрет, ограничение.

К сожалению, стрельба в школах России уже не становится чем-то заурядным и немислимым. С научной

К числу таковых следует отнести людей с неуравновешенной психикой, радикальными взглядами на социум и государственный режим, склонных к суицидам и агрессивному поведению.

Также считаем необходимым повысить минимальный возраст для владения огнестрельным оружием 21 года до 25 лет, что связано с психофизическими особенностями формирования психики человека, а также возможности более глубокой проверки его социальных контактов, девиантных установок и поступков.

Действенной мерой также будет являться многократное увеличение стоимости оформительских процедур (свыше 100 000 руб.), что исключит значительной сегмент желающих получить разрешение на огнестрельное оружие «на всякий случай», «пусть будет».

Также предлагаем увеличить частоту проведения медицинских освидетельствований для лиц, владеющих огнестрельным оружием (обязать ежегодно проходить медосвидетельствования с обязательным психологическим тестированием).

Предлагаем расширить перечень оснований для лишения права на владение огнестрельным оружием, в том числе по предыдущему предложению.

Важно также повысить требовательность к порядку проверки условий хранения оружия.

Указанные предложения, по мнению автора данной публикации, повысят эффективности профилактики массовых убийств в школах.

точки зрения можно констатировать, что скулшутинг является обособленным видом массовых убийств, совер-

шаемых в школах на почве ненависти с использованием огнестрельного оружия. Как любой вид преступлений вооруженные нападения подростков в школах детерминируются соответствующими криминологическими факторами (характеристиками), изучение и учет которых позволяют осуществлять профилактику данных преступлений.

В числе элементов криминологической характеристики скулшутинга приоритетное место занимает личность преступника. Результаты обобщения статистических данных за последние 5 лет позволяют обозначить следующие выводы: все вооруженные нападения в школах совершены лицами мужского пола, возраст которых варьируется от 14 до 19 лет. При этом, во всех случаях преступление совершил подросток, обучающийся ранее обучавшийся в данном учебном заведении. В 96 % случаев стрельба в школах производилась в одиночку, без соучастников.

С позиции социального статуса преступник-стрелок проживал в полной благополучной семье, не испытывая финансовых проблем или внутренних семейно-психологических кризисов. Исключение составляет лишь один преступник Ильназ Галябиев («Казанский стрелок»), который проживал отдельно от родителей и на момент совершения преступления ему было 19 лет [4, с. 179].

Важный криминогенный фактор — это огнестрельное оружие, посредством которого совершались убийства. В 80 % случаев оружие принадлежало отцу подростка-преступника и хранилось дома. Кроме того, большинства стрелков наблюдался повышенный интерес к оружию, а также к компьютерным играм-шутерам от первого лица (суть игры заключается в управлении персонажем, вооруженным огнестрельным оружием, стрельба по людям; например, GTA).

Указанные криминологические характеристики, относящиеся к личности подростка-стрелка, позволяют сформировать общий портрет убийцы, а также сконцентрировать внимание для педагогов и родителей на соответствующие триггеры преступного поведения ребенка.

Другой криминологический элемент характеристики — мотивация преступника, то есть субъективное восприятие окружающих, оценка ситуации, формирование воли на совершение преступления.

В. О. Карпов к числу таковых относит: социальный ostracism (изгнание, бойкотирование) со стороны сверстников, булинг (травля, агрессивное преследование), обиды на преподавателей. То есть причина формирования преступных установок исходит из самой школы, от тех людей, с кем ежедневно контактирует подросток [2, с. 443]. Это объясняет и место совершения массовых расстрелов — школа, в которой находятся «обидчики» преступника. При этом, на подсознательном уровне для преступника каждый находящийся в школе одновременно становится его врагом, так как он ассоциируется у него прежде всего с самим местом, где ему причинялись страдания и угнетения.

Кроме этого, специалисты [1, с. 186] к числу субъективных детерминант данных преступлений относят

психологические травмы подростка, которые не имеют очевидной конфликтной природы и протекают латентно до определенного времени, когда происходит психологический срыв и совершается преступление. Данные травмы могут быть получены посредством сети Интернет, при просмотре «треш-контента», содержащего шокирующую информацию, неподдающуюся для восприятия и усвоения психикой подростка. К ней относятся насильственные действия, массовые расправы, радикальные религии, в том числе экстремистский контент. Данная информация в большинстве случаев имеет не индивидуально определенную направленность, а рассчитана на просмотр неопределенного круга лиц. Одновременно с этим, каждый ее «примеряет» к себе, что вызывает неконтролируемые (а порой и необратимые) психологические изменения и приводит к совершению преступлений.

Криминообразующие факторы, которые мы указали, оказывают комплексное влияние на психику подростка и формирование у него девиантных установок. При этом, однозначно говорить о том, их наличие приводит к совершению массовых расправ в школах с применением огнестрельного оружия было бы неверно. Сейчас, пожалуй, каждый подросток увлекается компьютерными играми, сюжет которых в том числе связан со стрельбой из оружия. Для многих школьников, ввиду попустительского отношения родителей, доступен нежелательный интернет-контент, содержащий сцены насилия и деструктивного поведения. Некоторые ребята проявляют глубокий интерес к оружию, приобретают страйкбольные приводы, пневматическое малокалиберное оружие, которое продается свободно и не требуют специального разрешения. Однако, это не заставляет их тайком брать у отца охотничье ружье и идти с ним в школу против своих обидчиков.

Ключевая причина совершения стрельбы в школах кроется гораздо глубже и рассмотреть ее, к сожалению, удастся уже после того, как происходит трагедия. Это — психологическая травма, которая может быть давней или же случиться в одночасье и привести к преступлению. На эту ситуацию нужно смотреть комплексно.

Экспертами в области психологии и психиатрии делается акцент на наличии у лиц, совершивших нападения и (или) готовящих их, схожего психического ядра. Отмечается, что при формировании вокруг таких личностей негативной обстановки у них возникает определенное состояние психики, которое длится значительный период времени, тем самым вырабатывая ненавистное отношение ко всему окружающему. В последующем жизнь перестает иметь ценность: как своя, так и чужая, и все чаще возникают мысли, транслирующие агрессию и аутоагрессию [3, с. 61].

Родителям и педагогам важно не выпускать подростков из зоны постоянного контроля, своевременно выявлять изменения их психики и поведения, разговаривать с ними и убеждать в правильности очевидных вещей и недопустимости производства самосуда над обидчиками.

Литература:

1. Гадельшин А. А., Потапов Е. А. Оружейная культура в РФ. Причины скулшутинга и пути его предотвращения // Вопросы российской юстиции. 2021. № 13. С. 186–189.
2. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 442–446.
3. Орлова М. С. Криминогенные факторы, обуславливающие вооруженные нападения обучающихся (выпускников) в образовательных организациях // Российский следователь. 2023. № 8. С. 61–66.
4. Орлова М. С. Некоторые криминологические особенности личности обучающихся (выпускников), совершивших вооруженные нападения на образовательные организации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 179–180.

Социальная справедливость равноправия родителей в воспитании ребенка

Быков Андрей Григорьевич, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В данной статье рассматриваются социальные предпосылки принципа равноправия родителей в воспитании ребенка с позиции социальной справедливости.

Ключевые слова: социальная справедливость, равноправие, родители, воспитание, ребенок, защита, общение, обязанности, права.

Наука семейного права в первую очередь оперирует такими понятиями, как «родители» и «дети», при этом правовой статус родителей предусматривает наличие у них права и обязанности по воспитанию детей.

В ч.1 ст. 61 Семейного кодекса РФ закреплено, что «родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права)». Данное положение прямым образом вытекает из конституционного положения о равенстве мужчины и женщины в объеме осуществления своих субъективных прав и обязанностей (ч. 3 ст. 19 Конституции РФ).

Социальная справедливость равноправия родителей в воспитании ребенка исходит из того, что, во-первых, родители ребенка обладают биологической (генетической) связью со своим ребенком, что дает им равные права для общения с ним и его воспитания; во-вторых, православная семья, выступая социальной ячейкой общества, ориентирована на гендерное равенство всех ее членов, что исключает возможность дискриминации по половому признаку внутри семьи; в-третьих, для нормального взросления ребенка и становления его личности, социализации, важно участие обоих родителей в равной степени, что предопределяет их равные родительские возможности (права).

Принцип равенства прав родителей должен применяться с учетом конкретных семейных обстоятельств. Например, если между родителями есть разногласия, они не могут договориться между собой, родитель, с которым проживает ребенок, может манипулировать «интересами» ребенка, злоупотребляя своими правами как родитель.

Принцип социального равноправия родителей в воспитании ребенка характеризуется следующими особенностями:

— обязанности родителей должны выполняться независимо от наличия или отсутствия брака между ними или совместного проживания, поскольку они в равной степени являются законными представителями ребенка;

— все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, должны решаться родителями по их взаимному согласию, исходя из интересов детей и с учетом мнения детей;

— отступление от равенства в родительских правах — это исключение, которое может быть обусловлено только интересами ребенка. Например, при оказании медицинской помощи несовершеннолетнему решение должно быть за медицинской организацией, и в экстренных ситуациях врач должен получить согласие от одного из родителей, если это требуется для спасения жизни ребенка.

Принцип равенства родительских прав обоих приобретает особое значение в том случае, когда родители проживают отдельно друг от друга, и, соответственно, один из них не имеет возможности участия в постоянном воспитании ребенка. Данный принцип направлен на защиту прав обоих родителей, связанных с возможностью их участия в жизни ребенка.

Некоторые авторы совершенно справедливо замечают, что определенные отступления от принципа равенства прав родителей неизбежны [1, с. 474]. Так, в виду раздельного проживания родителей, один из них, который не имеет постоянной возможности участвовать в воспитании ребенка и принимать непрерывное участие в его

жизнедеятельности, априори лишен равноправия в своих правах относительно ребенка.

К сожалению, само понятие «интересы ребенка» не имеет своего нормативного закрепления на законодательном уровне. Однако, Верховный суд РФ в своем постановлении от 20 апреля 2006 № 8 раскрывает данное понятие и указывает на то, что оно является собирательным и в обязательном порядке должно включать в себя создание для ребенка благоприятных условий, имеющих материальную и психолого-моральную основу, что должно проецироваться на воспитание и развитие ребенка.

У родителей при воспитании ребенка должна сохраняться альтернатива выбора средств воздействия на него. При этом, данный «арсенал» педагогического воздействия не имеет каких-либо четко сформулированных границ. Единственное, что необходимо учитывать родителям, что данные средства не должны причинять ребенку физические или психические страдания.

Семейный кодекс РФ в ст. 64 содержит норму, в соответствии с которой родители выступают законными представителями своих детей и обеспечивают защиту их прав и интересов, которые могут быть нарушенными иными лицами. Данное положение имеет свою юридическую силу до тех пор, пока родители сохраняют свой статус. В случае, если по решению компетентного органа, в виду наличия острого противоречия между ребенком и родителем, которое препятствует его нормальному развитию, последний лишается родительских прав, назначается законный представитель несовершеннолетнего, который реализует защиту его прав и интересов во всех инстанциях. В этой связи представительство интересов ребенка тождественно отсутствию противоречия между интересами родителей и их детей [5, с. 6; 6, с. 175].

Социальная справедливость равноправия родителей исключает вероятность злоупотребления родительскими правами. Данный противоправный факт может привести к лишению родительских прав. При этом само злоупотребление может носить самые разнообразные формы, в том числе даже быть реализовано в пассивной форме, то есть бездействием.

Осуществление родительских прав должно реализовываться в соответствии с их назначением. Взрослые, ко-

торые являются родителями ребенка, должны отдавать себе отчет в том, какие обязанности на них возлагаются с целью его воспитания как члена общества и продолжателя фамильного рода. Невыполнение «родительской миссии» может иметь место и тогда, когда не происходит нарушения прав ребенка или злоупотребления родительскими правами.

Безусловно, родительские права имеют приоритет относительно всех иных субъектов правоотношений при реализации воспитания детей. Иными словами, никто иной как родители имеют полное право выстраивать собственную модель воспитания своего ребенка.

Тем не менее, участие в воспитании детей принимает не только семья. Безусловно, семья — это первичная ячейка общества, в которой закладывается «стержень» ребенка и формируется его эго, прививаются семейные и духовные ценности жизни. Однако, помимо родителей, участие в его воспитании принимают и другие институты — детский сад, школа, вуз и иные субъекты.

Актуальным видится вопрос о механизме реализации равноправия родителей в воспитании ребенка, когда один из родителей проживает отдельно от ребенка (семьи), однако, судом не ограничен в возможности общения с ним.

Обобщая материал данной статьи отметим, что социальная справедливость равноправия родителей в воспитании ребенка имеет двухстороннее обоснование: необходимость участия обоих родителей в развитии семьи (взросление и воспитание ребенка), а также потребность самого ребенка находиться в полной семье и получать в равной степени заботу и защищенность от обоих родителей.

Несовершеннолетний находится под постоянным надзором своих родителей, которые, являясь законными представителями своего ребенка, вправе использовать любые меры, направленные на защиту и восстановление нарушенных прав. При этом защита должна обеспечиваться во всех сферах жизнедеятельности несовершеннолетнего: благоприятное развитие, воспитание, образование, трудовая занятость, социальное обеспечение, отдых, медицинское обслуживание. Механизм защиты несовершеннолетних является специальным, так как их принято считать особым субъектом права, относимым к наиболее уязвимой социальной группе.

Литература:

1. Гражданское право. Учебник / Под ред. А. П. Сергеева. М., 2009. С. 474.
2. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М., 2005. — 122 с.
3. Тригубович Н. В. Незаконное перемещение или удержание ребенка согласно Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. и российскому законодательству // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 6–11.
4. Хазова О. А. Присоединение России к Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и вопросы российского семейного права // Закон. 2012. № 5. С. 175–184.
5. Гричанова К. И. Защита прав детей в Российской Федерации // Научное и образовательное пространство: перспективы развития. Чебоксары, 2017. — 433 с.
6. Савон А. Ю. Защита прав несовершеннолетних детей в РФ // Актуальные вопросы права, экономики и управления. Пенза, 2018. — 89 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 13 (616) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 08.04.2026. Дата выхода в свет: 15.04.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.